НАУКА И РЕЛИГИЯ

1991

ISSN 0130-7045

В НОМЕРЕ:

«Шоу Син, даосские бессмертные и два оленя»,— так называется китайская расписная эмаль из собрания Государственного Эрмитажа.

Имя этого китайского божества — Шоу Син означает «звезда долголетия» (в европейской астрономии тоже известна звезда, символизирующая долголетие — это Канопус). Окружающие Шоу Син даосские бессмертные это те, кто избежал смерти, следуя по пути дао. «Переход в противоположность — путь движения дао, слабость — (метод) действия дао»,— говорят даосские мудрецы. Подобно тому, как сказано в древней книге «И цзин»: сначала крик и слезы, потом — смех; сначала смех, потом — слезы и крик.

Об «И цзин» читайте на с. 34.

в номере

НАУКА И РЕЛИГИЯ

2 февраль '91

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ — ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО «ЗНАНИЕ»
ЗАРЕГИСТРИРОВАН ГОСУДАРСТВЕННЫМ КОМИТЕТОМ СССР ПО ПЕЧАТИ ЗА № 732.**

Издается с сентября 1959 года

На первой странице обложки картина Б. КОЗЛОВА «Пилат 11». О нем читайте на с. 15.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Адрес редакции: 109004, Москва, Товарищеский пер., 8

**Телефоны
272-25-57
272-40-91**

Сдано в набор 20.11.90.
Подписано к печати 15.01.91.
Формат 60×90/8
Бумага офсетная № 2.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 8.
Усл. кр.-отт. 9,75.
Уч.-изд. л. 11,58
Тираж 782 000 экз.
Заказ 01070020.
Цена 60 к.

Журнальный комплекс издательства «Радянська Україна». 252146, Киев-146, ул. Героев Космоса, 6.

ЗАКОН, ЕЩЕ ЗАКОН...

Председатель Комитета Верховного Совета РСФСР по свободе совести, вероисповеданиям, благотворительности и милосердию Вячеслав Сергеевич ПОЛОСИН, настоятель Борисоглебского храма в Обнинске (Калужская обл.) ответил на вопросы нашего корреспондента.

— Недавно принят Закон «О свободе совести и религиозных организациях» в СССР, а вслед за ним — и российский Закон «О свободе вероисповеданий». Какова необходимость республиканского закона? Чем не удовлетворяет вас союзный закон?

— Прежде всего он не учитывает, да и не может учесть всего многообразия отношений, которые складываются в каждой республике между органами власти и религиозными организациями, а также различными конфессиями. Видимо, поэтому до сих пор союзного закона о свободе совести и не существовало. И известно Постановление от 1929 года — это постановление российское.

Мне понятно стремление союзных законодателей укрепить межреспубликанские связи. Однако попытка ввести унифицированный, детально расписанный закон для всех республик на деле ведет не к единству, а именно к тому, чего все мы желаем избежать,— к конфронтации.

У каждой республики есть своя конституция, свои законы, отражающие национальные и религиозные традиции, обычаи и культуру народа, его историю. И законы о свободе совести должны быть республиканскими. Союзный просто останется на бумаге, он не будет действовать уже в силу его чрезмерной абстрактности. Иное дело Основы законодательства — они могут носить общенародный характер и формулировать те важнейшие принципы, которые должны признаваться всеми республиками и действовать на всей территории СССР. К примеру, такие, как равенство всех религиозных объединений перед законом, равенство граждан перед законом независимо от отношения к религии, отделение церкви от государства, светский характер государственного образования и т. д. Остальное надо предоставить решать самим республикам.

Новый союзный закон, к сожалению, кроме этих фундаментальных положений, перегружен деталями, мелочными предписаниями и потому больше напоминает должностную инструкцию, чем общесоюзный документ. Думаю, что после принятия соответствующих республиканских законов он не будет действовать.

— Есть ли концептуальные различия российского и союзного закона?

— Концепция российского закона — это доведение принципа отделения церкви от государства до логического конца, наполнение слов «отделение церкви от государства» реальным содержанием, чего не было ранее. Концепция союзного закона в этом плане половинчата: что-то вроде бы и отделяется, но при этом остается Совет по делам религий (переименованный в Экспертно-консультативный совет), который долгие годы осуществлял самое настоящее вмешательство государства в церковные дела. Теперь, правда, этому осьминогу отрубили щупальца — упразднены уполномоченные Совета на местах. Но я опасаюсь, что на деле произойдет всего лишь смена вывесок и вместо «уполномоченных» Совет будет назначать своих «экспертов», то есть слова будут иные, а функции все те же.

К примеру, согласно союзному закону, Экспертный совет должен заниматься такими вопросами, как содействие государства религиозным организациям. Но что представляло собой так называемое содействие еще

На I сессии Верховного Совета РСФСР. Б. Н. Ельцин и В. С. Полосин.

в недавнем прошлом? Как правило, прямое вмешательство государства в дела церкви. Государство «содействовало» в том, что служило целям государственного атеизма. Боюсь, что и новый закон превратит «содействие» в новую, более утонченную систему давления и шантажа. Скажем, мы для вас то-то сделаем, выделим такие-то средства, «посодействуем», а вы поставите такого-то человека епископом или, наоборот,— не поставите. Должен сказать, что в первоначальном варианте союзного закона перечень различных направлений «содействия» был много шире. Видимо, высказанные нами замечания были учтены перед окончательным принятием Закона СССР. К сожалению, не все.

Концепция республиканского закона — принципиально иная. В нем есть радикальная формулировка: «На территории РСФСР не могут учреждаться исполнительные и распорядительные органы государственной власти и государственные должности, специально предназначенные для решения вопросов, связанных с реализацией права граждан на свободу вероисповедания». Экспертный совет — вещь хорошая, но эксперты должны только давать свое заключение — и все. Других принципиальных или, как вы говорите, концептуальных различий в этих двух законах не вижу. Отчасти это можно объяснить тем, что мы принимали закон после союзного и постарались учесть его формулировки, отчасти, как я уже отмечал, потому, что наши положения были учтены в союзном законе.

Есть различия иного, частного характера. Согласно закону РСФСР, например, регистрацию религиозных организаций осуществляет Министерство юстиции РСФСР. Эта идея очень не понравилась Совету по делам религий — и союзный закон сохранил порядок регистрации в исполкомах. Но ведь исполкомы — это местные органы власти и подчиняются они не только республике, но и центру. Значит, не исключена возможность давления центра на местную власть, а через нее — на церковь. А Министерство юстиции — это другая система. Не

принято, чтобы министр юстиции СССР диктовал Министру юстиции России, как решать какие-то частные вопросы.

— А найдется ли в Министерстве юстиции необходимое количество кадров, способных профессионально выполнять эти функции?

— Дело не слишком мудреное. По смыслу республиканского закона автоматически будут регистрироваться типовые уставы — если зарегистрирован устав Русской православной церкви, то приходы подают типовой устав. А если появляется какая-то новая религия или новая конфессия, то они должны обращаться в экспертный совет. Вот здесь его авторитетное слово необходимо. В такой совет будут входить с правом решающего голоса представители церквей, религиоведы, юристы, специалисты в области прав человека. Регистрация устава необходима только для получения права юридического лица. Мы, таким образом, замыкаем всю систему на экспертном совете, а он не является распорядительно-исполнительным органом. Экспертный совет создает банк данных о религиозных объединениях, консультирует комитеты Верховного Совета и проводит религиоведческую и юридическую экспертизу, дает заключение по запросам органов государственного управления и суда.

— Какие статьи республиканского закона вызвали самые большие дебаты в парламенте?

— Были противники факультативного обучения религии в школах, обучения в учебное время, были возражения против религиозного обучения в зданиях школ, во внеучебное время.

Мы, однако, в отличие от союзного закона, пошли на то, чтобы решить эти проблемы положительно, разумеется, на основе принципа добровольности, согласия родителей и согласия ребенка. Да, ребенок тоже имеет свои права, зафиксированные в Декларации ООН о правах ребенка, принятой в 1989 году и ратифицированной нами в 1990 году.

Вообще, статью 9-ю нашего закона я считаю крупным достижением. Она называется «Светский характер системы государственного образования» и гласит: «Государственная система образования носит светский характер и не преследует цели формирования того или иного отношения к религии». Как видите — мы ушли от принципа отделения школы от церкви, у нас этого понятия в законе не существует. Прежде под светским у нас понималось, как правило,— атеистическое. Потому мы даем развернутую и вполне однозначную формулировку. Далее: «Преподавание вероучений, а также религиозное воспитание может осуществляться в негосударственных учебных и воспитательных заведениях, частным образом на дому или при религиозном объединении, а также факультативно по желанию граждан представителями религиозных объединений с зарегистрированным уставом в любых дошкольных и учебных заведениях и организациях». Возможно, режет слух это — с «зарегистрированным уставом», но эта формулировка важна, чтобы не дать лазейки всякого рода проходимцам.

Если продолжить разговор о различиях в союзном и республиканском законах, то я бы отметил, что в нашем законе более четко сформулировано положение о религиозных обрядах в армии. В союзном говорится лишь о том, что командование войсковых частей не препятствует приглашению священнослужителей в свободное время. Но прежде всего — свободного времени у солдата нет, есть только личное, да и его может не оказаться. А что значит «не препятствует»? Вот пригласили священника, остановили его перед КПП, позвонили командиру, а тот отвечает, что он сейчас занят — нет свободного времени — и пускай священник зайдет через недельку. Как это расценивать — препятствует он или не препятствует? Статья 22 нашего Закона гласит: «Граждане имеют право получать, приобретать и пользоваться предметами культа и религиозной литературой, равно как и право совершать и участвовать в религиозных обрядах в воинских частях всех родов войск, в лечебных учреждениях, в домах для престарелых и инвалидов (всех типов), в детских домах и интернатах, в местах предварительного заключения и отбывания наказания (включая штрафные изоляторы и помещения камерного типа).

Администрация данных учреждений обязана обеспечить реализацию этого права граждан на свободу вероисповеданий, в том числе путем предоставления отдельных помещений для совершения обрядов и церемоний, содействия в приглашении священнослужителей и создания условий для их свободного общения с гражданами».

— Мы все время говорим о защите верующих от государства, но иногда ведь приходится защищать верующих и от церкви, вернее от ее иерархов, причем защищать не только прихожан, но и приходских священников. Наш журнал однажды рассказал об истории несправедливого увольнения за штат священника, оказав моральную поддержку человеку, испытавшему на себе явный произвол епископа. Однако тут же последовал резкий окрик в адрес журнала, причем исходил он отнюдь не от церковных властей. Редакция журнала не раз получала и продолжает получать письма с просьбой о помощи, о защите. Ваш закон не предусматривает такие ситуации?

— Эти проблемы должна решать либо сама церковь, либо общественность, закон здесь, на мой взгляд, не должен вмешиваться. Долгое время у нас государство ограждало епископов от всякой критики, и сейчас ограждает, вот это-то и ненормально, пусть они останутся один на один с верующими. Тогда и выяснится их подлинный авторитет.

— Были ли претензии к закону у представителей других конфессий, мусульман, буддистов? Все ли их устраивает?

— Нет, претензий не было. Правда, когда мы предложили объявить государственными праздниками Рождество и Пасху, то мусульмане сказали: «А как же наши праздники?» Мы думаем над тем, как учесть интересы всех конфессий и всех наций. Вероятно, будет принято еще соответствующее постановление.

— В своей законотворческой деятельности использовали вы опыт зарубежных стран?

— Кое-что учитывали, но положение здесь парадоксально. На Западе такие законы принимались в ином, совершенно противоположном контексте — в духе ограждения общества от воинствующего клерикализма. Там подчеркивается другой аспект свободы совести — свобода иметь не только религиозные, но и иные убеждения. У нас же другая ситуация, у нас надо ограничивать воинствующее «государственное вольнодумство» — госатеизм, потому и другая направленность закона.

— Нет ли в вашем законе противоречий с уголовным законодательством?

— В одном пункте есть. По уголовному законодательству человек, имеющий сведения о преступлении, обязан об этом сообщить в соответствующие органы. А у нас в законе оговорена тайна исповеди: «Тайна исповеди охраняется законом. Священнослужитель не может допрашиваться или давать объяснения кому бы то ни было по обстоятельствам, которые стали известны из исповеди гражданина». В связи с этим мы намерены внести изменения в уголовный кодекс.

— Мне кажется, для вас важен дух принимаемого закона, а не сам закон, который может быть более или менее совершенен. Важны реальные изменения в отношениях между государством и церковью.

— Политика может измениться. Был плохой закон, и даже при хорошем отношении к церкви положение было скверное. А хороший закон должен оградить ее от произвола и при плохом отношении к церкви.

Беседовал В. **КАЗАНСКИЙ**

НЕОПОЗНАННЫЕ. ЛЕТАЮЩИЕ... ОБЪЕКТЫ?

Тайфун публикаций об НЛО пронесся по страницам газет и журналов, переходя границы приличия. Если судить по прессе, то «гуманоиды» заняты исключительно похищениями наших соплеменников и соплеменниц, перемежая эти уголовно наказуемые действия широковещательными заявлениями относительно грядущих катастроф. Мрачными прогнозами нас не запугаешь, а невнятные сообщения «очевидцев» все менее будоражат воображение читателей. В общем, чувствуется, что приелась тема. А зря. Даже если признать все, что связано с НЛО, заблуждениями ума, то и они могут дать пищу мыслителю. Нам кажется, что проблема НЛО медленно переходит из разряда бульварных сенсаций в сферу нравственно-философских исканий. Об этом свидетельствуют три предлагаемые вашему вниманию публикации.

НЛО: КОММЕНТАРИЙ К НЕИЗВЕСТНОМУ

П. БОНДАРЕНКО

Находимся ли мы исторически, в нашем здесь-бытии, у истока? Ведома ли нам сущность истока, внимаем ли мы ей? Или же... мы опираемся только на выученное знание былого?

Мартин ХАЙДЕГГЕР

Когда мы сталкиваемся с чем-то доселе нам неизвестным, возникает смешанное чувство опасливого любопытства и тревожной настороженности. Словно в детстве идешь наощупь в темноте по неизвестной комнате. Не то же испытываем мы, слыша или читая о Неопознанных Летающих Объектах? Может, это предощущение и н о г о способа существования, иной возможности бытия в этом мире? Невольно охватывает смутное ощущение Тайны, которое ближе нашему глубоко запрятанному «Я», чем бытовые проблемы, социальные стрессы и даже вопросы, связанные с будущим. Ибо здесь, в этой Тайне, по нашей необъяснимой убежденности, скрыта и загадка наших смертей и рождений. Но интуиция часто подводит. Ведь кроме туманного подозрения о внутренней связи феномена НЛО и глубинного существования нашего «Я» интуиция ничего предложить не может. Каков механизм этой связи? И есть ли она вообще? Не правильнее было бы опереться на традиционные способы рационального познания?

Известно около 30 гипотез о природе феномена НЛО: от техногенных версий об инопланетном вмешательстве, до версий, связанных с психикой человека. Поводов для споров и дискуссий более чем достаточно, так как любой аспект этой проблемы содержит много неожиданного и непонятного.

У многих уфологов анализ «поведения» пилотов НЛО вызывает сомнение в их разумности. «...Почти во всех случаях существа НЛО вели себя как идиоты или животные, а некоторые из них — как неисправные роботы»[1]. Часть пилотов занята сбором земных растений, животных и минералов, другие же лечат землян от смертельных недугов, третьи, наоборот, делают их калеками, запугивают, избивают или похищают живьем и увозят на своих «тарелках», чтобы более никогда не вернуть. Нередко НЛО оставляют после посадок самый обычный мусор...

Аргентинский уфолог Ж. У.Перейра насчитал 13 типов облика существ с «летающих тарелок». Это и похожие на манекены, марширующие с вытянутыми по швам руками, полулюди-полуроботы; безголовые существа; воинственные волосатые карлики; трехметровые шестирукие монстры с горящими глазами, без ушей и носов; амёбоподобные существа, «похожие на гроздья бананов», болтающие на чистейшем английском языке. Киль пишет о существах с глазами-бусинками, с кошачьими глазами, с глазами без зрачков, со сверкающими глазами, одноглазых и даже вообще без глаз». Многие пилоты являются нам как призраки, сквозь которых можно видеть окружающие предметы. Лишь «в десяти из двухсот случаев пилоты НЛО — нормальные человеческие существа, такого же роста и внешности, как и мы».

Описание очевидцами «летающих тарелок» или аппаратов в большинстве случаев совпадают: «тарелкообразные», «сигарообразные», «шарообразные» и т. д., хотя во многих показаниях есть и разнобой.

«Необходимо отметить хамелеонообразный вид вторичных признаков наблюдений: размеры объектов, внешность их обитателей, их слова, как они излагались,— меняются в зависимости от культурного окружения, на которое они налагались»[2]. Действительно, в 1897 году американцы были взбудоражены появлением в небе странных дирижаблей, летающих с удивительной скоростью. Их «двигатели» работали на непонятном принципе, и некоторым очевидцам, разбирающимся в моторах, вообще казались бутафорскими. В 30-х годах нашего века в небе над Европой барражировали многомоторные самолеты без опознавательных знаков, способные летать совершенно бесшумно и даже зависать на месте. В 40—50-х годах над Европой и США все чаще появлялись «классические» летающие тарелки, а среди населения распространялись слухи об инопланетном вмешательстве. В это время, как известно, человечество серьезно готовилось к прорыву в космос...

«Длительное изучение феномена показывает тщетность всех попыток

[1] *Дж. А. Киль — американский журналист, известный уфолог. В. кн.: «Странные существа во времени и пространстве»* [Jonn A. Kell Strange Creatures from Time and Space. Neville Spearmen Ltd. L. *1975*)

[2] *Ж. Валле, французский астроном и уфолог, в кн.: «Паспорт в Магонию».* [Jackues Vallee. Passport to Magonia L. (*1975*).

Ж.-О.-Д. ЭНГР.
Эдип и Сфинкс. 1808.

...В Древней Греции, в горах близ Фив Беотийских, по велению богов некогда поселилась дочь чудовищ Тифона и Эхидны. У нее было тело крылатой львицы и голова прекрасной женщины. Всем проходившим мимо она задавала вопрос, который ей поведали музы. Те, кто не мог на него ответить, гибли в ее объятиях, и устрашенные фивяне назвали ее Сфинкс — «Душительница». Лишь юный Эдип дал правильный ответ, и Сфинкс, как было предсказано, бросилась в пропасть, став для грядущих поколений символом загадки бытия. Сегодня нам кажется, что все загадки разрешит компьютер. Но так ли многомудр этот наш помощник, нами же сотворенный? Знает ли он то, что было ведомо Сфинкс?

Рисунок А. Шувалова.

отделить летающие объекты от общей обстановки, в которой они действуют. (...) Если внешность и поведение объектов являются функциями их истолкования в каждый определенный момент развития нашей культуры, то какие у нас шансы, что мы когда-нибудь узнаем правду?» — пессимистично вопрошает Валле.

Изощренность феномена НЛО не имеет пределов. Их пилоты говорят на всех языках нашей планеты. Они имеют тотальные знания о всей Вселенной, о прошлом и будущем человеческого рода, любого живого существа. Феномен часто следует модели религиозных чудес. Пилоты запросто «ходят по водам»; из светящихся шаров, а то и прямо с небес нам являются ангелоподобные существа, с нимбами вокруг голов и крыльями; множество людей были свидетелями явления Богоматери, святых. Киль замечает, что убежденные атеисты после встречи с НЛО, наслушавшись от пилотов теологических рассуждений и различных пророчеств, в одну ночь превращались в религиозных фанатиков.

Вывод неутешителен: причина, явившая феномен НЛО, нам неизвестна и вряд ли станет известной в обозримом будущем. Это печальное резюме появилось еще в 1975 году в книге Ж. Валле «Паспорт в Магонию»: «...Подведем итог: ни ударная программа, на которую будет брошено двадцать лауреатов Нобелевской премии, ни корреляция на ЭВМ наблюдаемых параметров, ни «телепатическая связь с высшими существами из космоса», ни организация сотен людей в наблюдательные команды, следящие за небом каждую ночь в бинокли... не дадут решения проблемы, которая не поддалась нашим радарам, самолетам, астрономам и физическим теориям на протяжении столь долгого времени».

Какое же знание приобрели мы, опираясь на привычные методы научного познания? В нашем мире присутствует нечто Всегда-Неизвестное. Мы обрели некоторое знание о наличии особой области, чья сущность нам никогда не будет известна. Другими словами, мы вышли на область, недоступную рациональному пониманию,— область трансцендентного. На этом пути легко впасть в отождествление феномена НЛО с Богом, включив феномен в русло религиозной эсхатологической традиции и приписав ему божественную природу. Тем более, что некоторые исследователи феномена упоминают об этом: Дж. А. Киль пишет: «демонологи, ангелологи, теоло-

ги, уфологи — все изучают один и тот же предмет, только с разных точек зрения». «Механизмы, породившие все эти различные явления, идентичны,— продолжает Ж. Валле. — Их человеческий контекст и воздействие на людей постоянны...». Возможно, такое толкование приближает нас к истине. Однако ассоциативные комплексы, связанные с религиозной мировоззренческой традицией, отнесение феномена НЛО к манифестациям Бога не решают проблему, а всего лишь «перепоручают» ее решение иной терминологической традиции. Сам же факт «перепоручения» создает иллюзию Известного.

Итак, мы располагаем лишь одним знанием — о существовании Всегда-Неизвестного. И никакие наши манипуляции с терминами и трактовками не делают его более известным.

Европейское мышление Нового и Новейшего Времени прочно утвердилось в своем представлении о существовании двух областей: Известного и Неизвестного, Познанного и Непознанного. При этом подразумевается, что с течением времени сфера Известного будет расширяться за счет сферы Неизвестного. Утверждается также, что познание бесконечно. Наше познание экстенсивно. Таким образом, увековечивается Неизвестное, и речь идет лишь об уменьшении его, что и составляет главную заботу познающего человека. В этой ситуации человек обречен на роль Сизифа, чья участь — процесс, но не результат. Более того, поражение постоянно сопутствует ему в стремлении познать мир. И здесь гносеологические вопросы приобретают явную трагическую экзистенциальную окраску.

Трагизм ситуации возрастает, когда человек познающий сталкивается с тем самым Всегда-Неизвестным. Знание о его существовании он уже обрел и теперь должен сделать выбор: упорно продолжать познавать мир прежним методом или усомниться в своем методе познания, а заодно и в достоверности накопленных знаний.

Но ведь в области философии Новое Время как раз и началось с картезианского сомнения. На нем, на этом сомнении, как раз и покоится уверенность нового человека в возможности познавать. И если нам приходится снова возвращаться к своим мировоззренческим истокам, уже исследованным всеразрушающим и всепроникающим сомнением, то в чем еще остается нам усомниться? Ответ один: в самом сомнении или, лучше сказать, в обладателе этого сомнения, в нашем горделивом «Я», которое из самого факта своего существования черпает уверенность в своем бытии. Теперь в знаменитом утверждении «Я мыслю, следовательно, существую», которое в течение нескольких столетий являлось своеобразной индульгенцией нашему образу мышления, нас должно заинтересовать именно это «Я».

Необходим радикальный пересмотр наших мировоззренческих ценностей. Мы будем беспомощны в попытках познавания до тех пор, пока не поколеблена наша уверенность в «позитивистской» возможности через описательные, констатирующие, измерительные, классифицирующие методы познать не только феномен НЛО, но и мир вообще. Человек должен пересмотреть наконец свое миропонимание, перестав считать себя царем природы, призванным изменить лицо земли. Надо «поставить под вопрос свою собственную метафизическую сущность»[3], поскольку существование Всегда-Неизвестного в одной области делает таким же Всегда-Неизвестным все другие области, в том числе и человеческое «Я», субъект познания.

Интуиция нас не обманула. Мы узнали наконец это глубинное сходство, внутреннее родство нашего таинственного «Я» и феномена НЛО. Мы узнали это свойство, равно присущее нашему бытию и бытию исследованного феномена — это неизвестность, непознанность. До сих пор мы уверенно стояли в позе Человека Гермесского, не зная, не думая о том, что наша самоуверенность основывается на легкомысленной невнимательности к своему «Я» — мы считали себя компетентными, уже «известными», «доказанными», вынесенными за скобки познания. Бездна разверзлась внутри нас, там, где мы меньше всего ожидали. Иррациональный хаос, доселе окружавший наш хрупкий рациональный космос, поглотил и последнюю нашу «достоверность» — «Я». Мы проиграли. Надо все начинать сначала. И, наверное, первый вопрос, который мы должны задать себе, прозвучит так: «Может ли Неизвестное познать Неизвестное?»

---

[3] *М. Хайдеггер. Европейский нигилизм. В кн.: «Проблема человека в западной философии». М., 1988, с. 313.*

Знаки явления бесов

Иеромонах Серафим РОУЗ

Наиболее загадочные аспекты феноменов НЛО для большинства ученых — а именно, странная смесь физических и психических характеристик, присущая им — вовсе не удивительны для тех, кто читает православные духовные книги, особенно Жития Святых. Бесы имеют тоже «физические тела», однако «материя» их настолько тонкая, что они не могут быть видимыми человеку, если его духовные «двери восприятия» не открыты по Божьему соизволению (как у святых) или против него (как у колдунов и медиумов)[1].

Православная литература дает много примеров явлений бесов, которые точно укладываются в схему НЛО: видения «телесных» существ и «осязаемых» предметов (самих ли бесов или их иллюзорных творений), которые мгновенно «материализуются» и «дематериализуются», всегда с целью устрашения людей и приближения их к погибели. Жития святого IV века Антония Великого («Восточные православные писания», 1976) и святого III века Киприана — бывшего волхва («Православное слово», 1976, № 5) полны подобных случаев.

В житии святого Мартина Турского (ум. 397), написанном его учеником Сульпицием Севером, есть интересный пример бесовских козней в связи со странными «физическими» явлениями, которые идентичны «близким контактам» с НЛО. Некий юноша по имени Анатолий стал монашествовать возле монастыря св. Мартина, но из-за ложного смирения стал жертвой бесовских наваждений. Он воображал, что беседует с «ангелами», и, чтобы

---

[1] *Православная доктрина о демонах и ангелах, их явлениях и видениях, суммированная великим православным отцом XIX века, епископом Игнатием Брянчаниновым, рассмотрена в книге «Души после смерти», изд. Братства св. Германа, Платина, Калиф., 1979. (Прим. автора).*

Вверху:

Изображение нечистой силы из средневековой христианской рукописи.

убедить других в его святости, эти «ангелы» обещали ему дать «сияющие одежды с небес» как знак того, что «сила Господня» обитает в этом юноше. Однажды около полуночи возле его скита послышался громкий топот танцующих ног и ропот как бы множества голосов, и келья Анатолия озарилась ослепительным светом. Затем наступила тишина, и заблудший появился на пороге кельи в своей «небесной» одежде. «Принесли свет, и все внимательно рассмотрели одеяние. Оно было удивительно мягко, с необыкновенным блеском и ярко-алого цвета, но невозможно было определить, что это за материя. В то же время при самом пристальном осмотре и наощупь оно казалось одеждой и ничем другим». На следующее утро духовный отец Анатолия взял его за руку, чтобы отвести к святому Мартину и узнать, не козни ли это дьявола. Заблудший в страхе отказывался идти, а «когда его принудили идти против его воли, одежда исчезла под руками тех, кто его вел». Автор повествования (который или сам присутствовал при этом, или слышал от очевидца) говорит в заключение, что «дьявол не в силах был продолжать свои наваждения или скрывать их природу, когда они должны были предстать перед глазами святого Мартина». «Настолько он владел силой видеть дьявола, что он узнавал его под любой личиной, в его ли собственном виде, или в различных обличьях «духовного зла» — в том числе и в виде языческих богов или под видом самого Христа, в царских одеждах и короне, озаренного ярким красным светом»[2].

Ясно, что явления сегодняшних «летающих тарелок» вполне в пределах возможностей демонской «техники»; и действительно, для этих явлений нет лучшего объяснения. Многообразные бесовские наваждения, известные из православных писаний, были приспособлены к мифологии космоса, только и всего; Анатолий, о котором рассказано выше, сегодня был бы известен просто-напросто, как «контактер». И цель «неопознанных» объектов в таких контактах совершенно ясна: навести на свидетелей трепет и чувство «таинственности», «дать доказательство» существования «более высоких форм разума («ангелов», если жертва верит в них, или «гостей из космоса» — для современного человека) и таким образом обеспечить веру тому «посланию», которое они хотят передать. Это послание мы рассмотрим ниже.

«Похищение» бесами, очень сходное с «похищениями» НЛО, описано в Житии святого Нила Сорского, основателя скита XV века в России. Немного спустя после смерти святого в его монастыре жил некий священник со своим сыном. Однажды, когда отрока послали с каким-то поручением, «вдруг на него напал какой-то чужой человек, который схватил его и унес, словно на крыльях ветра, в непроходимый лес и принес его в большую комнату в своем жилище и поставил его посреди дома против окна». Когда священник и братия молились святому Нилу, чтобы он помог найти мальчика, святой «пришел на помощь отроку и встал напротив комнаты, где был поставлен отрок, и когда он ударил в оконце своим посохом, все строение потряслось, и все нечистые духи попадали на землю». Святой приказал бесу вернуть отрока на то место, откуда он его похитил, и сделался невидимым. Затем, после того, как бесы некоторое время выли, тот же неизвестный схватил отрока и принес его в скит, как ветер... и бросив его в стог сена, исчез». Когда его нашли монахи, «мальчик рассказал им все, что с ним случилось, что он видел и слышал. И с тех пор отрок стал очень тихим и смиренным, словно отупел. Священник в ужасе вместе с сыном покинул скит»[3]. В случае подобного бесовского «похищения молодой человек, после того, как мать прокляла его, стал рабом беса «дедушки» на 12 лет и мог невидимкой появляться среди людей, чтобы помогать бесу смущать их души»[4].

Такие правдивые истории о деятельности бесов были обычны в прошлые века. Это признак духовного кризиса наших дней — то, что современный человек, при всей своей «просвещенности» и «мудрости», снова обращает внимание на такие происшествия — **но у него уже нет той христианской основы, которая помогла бы объяснить их.** Современные исследователи НЛО в поисках объяснения явления, которое стало настолько заметным, что им больше нельзя пренебрегать, примыкают к сегодняшним психическим исследователям в попытке сформулировать «единую теорию поля», которая охватила бы и психические, и физические феномены. Но эти ученые только продолжают линию подхода современных «просвещенных людей» и надеются, что их научные наблюдения дадут ответы в **духовной** области, к которой вообще нельзя подходить «объективно», а только с верой. Физический мир обладает моральной нейтральностью и может быть сравнительно хорошо познан объективным наблюдателем; но невидимый духовный мир обитаем существами и добрыми, и злыми, и «объективный» наблюдатель не в силах отличить одних от других, если он не примет откровения, которое дал человеку невидимый Бог. Так, современные исследователи НЛО ставят Божественное вдохновение Библии на одну ступень с вдохновленными сатаной автоматическими писаниями спиритов, и они не умеют отличать действия ангелов от козней бесов. Теперь они уже понимают (после долгого периода, когда среди ученых царили материалистические предрассудки), что есть нефизический мир, который совершенно реален, и они видят проявление его в феноменах НЛО; однако, пока они подходят к этому миру «научно», их будет так же легко ввести в заблуждение, как и самого наивного «контактера». Когда они пытаются определить, **кто** или **что** стоит за феноменами НЛО и какова может быть цель этих феноменов, они вынуждены высказывать самые дикие положения. Так, доктор Валле признается, что он совершенно озадачен и не знает, происходит ли НЛО от морально нейтральных «самоуправляемых механизмов» или от благосклонного «торжественного собрания мудрецов» (к вере в это нас склоняет миф о «внеземных существах»), или от ужасных сверхчеловеческих чудовищ, одна мысль о которых может свести человека с ума» — то есть, от деятельности бесов.

Истинная оценка происшествий с НЛО может быть сделана только на основе христианских откровений и опыта, и доступна только смиренному верующему христианину, который доверяет этим источникам. Разумеется, человеку не дано всецело «объяснить» невидимый мир ангелов и демонов; но дано достаточно христианских знаний, чтобы понимать, как эти существа действуют в нашем мире и как нам следует отвечать на их действия,

---

[2] *Ф. О. Хор, «Западные Отцы», Харпер Торчбекс, Нью-Йорк, 1965, с. 36—41.*

[3] *«Северная фиваида», изд. Братства св. Германа Аляскинского, 1975, с. 91—92.*

[4] *С. Нилус. О силе Божией и слабости человеческой (на русском языке), Троице-Сергиева Лавра, 1908; Братство св. Германа, 1976.*

ИЕРОМОНАХ СЕРАФИМ РОУЗ (*1934—1982*) *— уроженец Калифорнии, выходец из типично американской протестантской семьи. Получил образование в Калифорнийском университете (Беркли); за работу по мандаринскому наречию китайского языка ему присудили степень магистра искусств. Однако встреча с православным священником Глебом, представителем Русской Синодальной Церкви за рубежом, изменила направление его духовных интересов. С тех пор судьба Серафима Роуза связана с православием.*

В 1963 году он становится одним из основателей братства преподобного Германа Аляскинского. В 1965-м начинает редактировать журнал «Православное слово». В 1977 году принимает сан иеромонаха.

Автор ряда богословских книг, в их числе — «Православие и религия будущего» (отрывок из нее предлагаем вашему вниманию); «Душа после смерти», с которой надеемся познакомить читателя в нынешнем году.

особенно как избегать бесовских сетей. Исследователи НЛО пришли к выводу, что изучаемые ими явления по своему характеру идентичны явлениям, которые обычно называли «демоническими» («бесовскими»), но только христианин — православный христианин, просвещенный святоотеческими толкованиями Священного Писания и 2000-летним опытом контактов святых с невидимыми существами, способен понять полный смысл этих выводов.

Итак, в чем же смысл явлений НЛО в наше время? Почему они появились именно в этот период истории человечества? В чем их миссия? К какому будущему они ведут?

Прежде всего, феномены НЛО — это всего только часть той поражающей лавины «паранормальных» событий — которые всего лишь несколько лет назад большинство людей сочло бы «чудесами». Доктор Валле в «Невидимом колледже» выражает мирской взгляд на этот факт. «Наблюдения необычайных происшествий внезапно нахлынули на нас тысячами» (с. 187). «Что-то происходит в сознании человека» (с. 34); та же самая «мощная сила, влиявшая на род человеческий в прошлом, снова влияет на него в наши дни». На христианском языке это значит: на род человеческий насылается новое нашествие бесов. Исходя из христианских апокалиптических взглядов, мы можем видеть, что сила, до сих пор удерживающая последнее и ужасное проявление демонических действий на землю, уже взята от среды (2 Фессал., 2: 7), христианское мировоззрение больше не существует как единое целое, и сатана «освобожден из темницы своей», где его держала Благодать Церкви Христовой, чтобы «обольщать народы» (Откр., 20: 7—8) и готовить их к поклонению Антихристу в конце времен. Быть может, еще никогда от начала эры христовой бесы не проявлялись так открыто и повсеместно, как сегодня. Теория «гостей из космоса» — всего только один из предлогов,по которым они пытаются внушить людям мысль о том, что «высшие существа» отныне собираются взять на себя будущую судьбу человечества. (Многие сообщения о «большеногих» и других «чудищах» обнаруживают те же оккультные особенности, что и встречи с НЛО, и часто они совпадают с такими встречами.)

Кроме того, НЛО — всего лишь новейший из **медиумических** приемов, при помощи которых дьявол вербует сторонников своего оккультного мира. Они — ужасный знак того, что человек стал доступен демоническому влиянию как никогда прежде в христианские времена. В XIX веке было обычно необходимо отыскать темную комнату для сеансов, чтобы войти в контакт с бесами, а теперь достаточно только взглянуть на небо (правда, обычно ночью). Человечество растеряло все, что еще оставалось от основ христианского понимания, и теперь пассивно предоставляет себя в распоряжение любых «сил», которые могут спуститься с неба. Новый кинофильм — «Близкие контакты третьего рода» — потрясающее разоблачение того, насколько суеверным стал современный человек — готовый мгновенно ничтоже сумняшеся поверить и последовать за почти не видоизмененными бесами, куда бы они ни повели[5].

В-третьих, вот в чем заключается «миссия» НЛО: подготовить путь Антихристу; спаситель мира отступников грядет, чтобы властвовать над ним. Возможно, что он сам придет с небес, чтобы вполне походить на Христа (Матф., 24: 30; Деян., 1: 11); может быть, только «гости из космоса» приземлятся на глазах у всех, чтобы совершить космическое поклонение своему властелину; может быть, «огонь с неба» (Откр., 13: 13) будет только частью великих бесовских зрелищ последних времен. Как бы то ни было, послание к современному человечеству таково: ждать освобождения, но не от христианского откровения и веры в невидимого Бога, а от космических пришельцев[6].

Это одно из знамений последних времен, когда будут «ужасные явления и великие знамения с неба» (Лука, 21: 11). Уже сто лет назад епископ Игнатий Брянчанинов в своей книге «О чудесах и знамениях» (Ярославль, 1870; переиздано монастырем Св. Троицы, Джорданвилль, Нью-Йорк, 1960) отметил «стремление, которое встречается в современном христианском обществе, видеть чудеса и даже творить чудеса... Такое стремление открывает самообман, основанный на самолюбии и тщеславии, которое обитает в душе и владеет ею» (с. 32). Истинные чудотворцы стали редки и исчезают совсем, но люди «жаждут чудес более, чем когда-либо прежде... Мы постепенно приближаемся к времени, когда откроется широкое поприще для многочисленных и поразительных ложных чудес, чтобы привести к гибели тех несчастных потомков плотского мудрствования, которые будут соблазнены и совращены этими чудесами» (с. 48—49).

Вот что особенно заинтересует исследователей НЛО: «чудеса Антихриста будут большей частью происходить в воздушной стихии, где находится главное владение сатаны. Знамения будут в основном действовать на чувство зрения, очаровывая и обманывая глаз. Св. Иоанн Богослов, созерцая в Откровении события, предрекающие конец света, говорит, что Антихрист будет творить великие знамения, «так что и огонь низводит с неба на землю перед людьми» (Откр., 13: 13). Это знамение, указанное в писании как самое главное из знамений Антихриста, и место этого знамения в воздухе: это будет блистательное и ужасное зрелище» (с. 13). Святой Симеон Новый Богослов по этой причине замечает, что «молитвенный воин должен весьма редко взирать на небо, боясь злых духов воздушных, которые производят многообразные наваждения в воздухе» «Люди не поймут, что чудеса Антихриста не имеют никакой доброй, разумной цели, ни определенного смысла, что они чужды истине, преисполнены лжи, что это чудовищное, зловредное, бессмысленное лицедейство, которое растет, чтобы поразить, погрузить в смущение и забвение, обмануть, соблазнить, привлечь обольщениями напыщенных, пустых, глупых эффектов» (с. 11). «Все явления бесов обладают общим свойством — даже малейшее внимание, обращенное на них, уже опасно; от одной только такой внимательности, допущенной даже без всякой симпатии к явлению, человек может быть захвачен самым вредным впечатлением и подвергнуться серьезному искушению» (с. 50). Тысячи «контактеров» с НЛО и даже простые свидетели испытали на себе страшную истину этих слов; и немногим удалось спастись после того, как они были вовлечены в эти контакты всерьез.

Даже мирские исследователи НЛО сочли своей обязанностью предостеречь людей от опасности контактов. Так, Джон Киль пишет: «Шутки с НЛО так же плохи, как шутки с черной магией. Это явление делает своими жертвами невротиков, легковерных и незрелых людей. Параноидальная шизофрения, демономания, и даже самоубийство может постигнуть их — и уже не раз постигало. Легкое любопытство к НЛО может превратиться в разрушительную одержимость. По этой причине я настоятельно рекомендую родителям удерживать детей

---

[5] Недавно открытые «паранормальные» явления показывают, насколько нагло демоны используют физические средства (в частности, современные устройства), чтобы войти в контакт с людьми. (1). Один латвийский ученый (а следом за ним и другие) открыл явление таинственных голосов, которые появляются на магнитофонной ленте, даже если запись производилась в клинических условиях, в полной тишине, и результаты напоминают результаты медиумических сеансов. Присутствие медиума или «психика» в комнате как будто способствует этому явлению. (Константин Раудив, «Прорыв: поразительный эксперимент электронного общения с мертвыми», изд. Таплингера, Нью-Йорк, 1971).

[6] «Люди из космоса» с металлическими голосами уже некоторое время как будто пользуются телефоном, чтобы вступать в общение как с «контактерами», так и с исследователями НЛО. Конечно, вероятность розыгрыша в таком явлении очень велика. Но в последние годы **голоса умерших**, вполне убедительные для тех, кто с ними говорил, звучали в разговорах по телефону с любыми людьми. Едва ли можно отрицать, как замечает автор сообщения об этом явлении, что «древние демоны вновь маршируют среди нас» — и в таком количестве, о котором в прошлом и не слыхали». (Киль, «НЛО: операция Троянский конь». с. 306).

от этих интересов. Школьные учителя и другие взрослые не должны поощрять подростков в их увлечении этим предметом» («НЛО: операция Троянский конь», с. 220).

В другом месте епископ Игнатий Брянчанинов с трепетом и недобрыми предчувствиями сообщает о видении русского кузнеца в деревне под Петербургом на заре нашего века неверия и революций. В полдень он внезапно увидел множество бесов в человеческом образе, рассевшихся на ветках лесных деревьев, в странных одеждах и островерхих шапках, и поющих под аккомпанемент невиданных и диких музыкальных инструментов: «Наше время! Наше время!»[7].

Мы живем ближе к концу этого страшного века бесовского торжества и ликования, когда жуткие «гуманоиды» (еще одна из бесовских личин) становятся видимыми тысячами людей и овладевают душами тех, от кого отступила Божия благодать. Феномен НЛО — знак для православных христиан, чтобы они еще более осторожно и трезвенно шли по пути к спасению, зная, что они могут быть искушаемы и введены в соблазн не только ложными религиями, но даже с виду вполне материальными предметами, которые просто попадаются на глаза. В ранние века христиане с большой осторожностью относились к странным и новым явлениям, помня о кознях дьявола, но после наступления новой эры «просвещенности» большинство людей стало относиться к ним только с любопытством, подчас даже гонятся за ними, отодвинув дьявола в полувоображаемые области. Поэтому понимание истинной природы НЛО может послужить подспорьем для пробуждения православных христиан к созидательной духовной жизни, к созидательному православному мировоззрению, которое не так уж просто вывести из модных в наше время идей.

Сознательный православный христианин живет в мире, который несомненно пал, и внизу, на земле, и наверху, среди звезд — все одинаково далеко от потерянного рая, к которому он стремился. Он — частица страдающего человечества, происшедшего от одного Адама, первого человека, и все одинаково нуждаются в искуплении, даруемом безвозмездно Сыном Божиим через Его спасительную Жертву на Кресте. Он знает, что человеку не предначертано «эволюционировать» в нечто «высшее» и нет никаких причин верить, что на других планетах есть «высокоразвитые» существа; но он хорошо знает, что во вселенной есть и вправду «высшие разумные существа» кроме него: и они бывают двух родов, так что он стремится быть с теми, кто служит Богу (с ангелами) и избегать контактов с другими, которые отреклись от Бога и стараются из зависти и злобы втянуть человека в свое жалкое состояние (с бесами). Он знает, что человек из-за себялюбия и слабости легко склоняется к разным заблуждениям и верит в «волшебные сказки», которые сулят контакты с «высшими состояниями» или с «высшими существами», без подвигов христианской жизни — фактически как раз в качестве спасения, бегства от подвига христианской жизни. Он не доверяет своей собственной способности разоблачить козни бесов, и тем более особенно точно придерживается учений Священного Писания и Святых Отцов, которых Церковь и Христос дали ему на всю жизнь.

Такой человек имеет возможность противостоять религии будущего, религии Антихриста, в какой бы форме она ни появилась: остальное человечество, если не будет спасено чудом Господа, обречено на гибель.

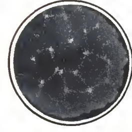
Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их. Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам их узнаете их...

---

[7] С. Нилус. Святыня под спудом, Сергиев Посад, 1911, с. 122.

В. КУДРИН

Молчание Вселенной

сенью прошлого года исполнилось 30 лет со дня первой безуспешной попытки установить контакт с разумной жизнью за пределами Земли. Американский радиоастроном Френсис Дрэйк в обсерватории Грин-Бэнк начал прослушивание радиоволн от звезд Эпсилон Эридана и Тау Кита, в надежде обнаружить осмысленные сигналы. Как в США, так и в СССР, проблема тогда мыслилась чисто технической. Согласно данным астрофизики, к 1960 году в нашей Галактике насчитывается порядка 10 тысяч планет с условиями, в которых возможна жизнь «земного типа». Если предположить возможность возникновения на этих планетах цивилизаций, освоивших радиосвязь (а именно это предполагают сторонники традиционных методов поиска внеземных цивилизаций), то мы давно уже зарегистрировали бы сигналы этих цивилизаций, так как современные средства радиотелескопии уже сегодня обеспечивают регистрацию излучений, по мощности не превышающих земные телевизионные передатчики, даже в том случае, если передающая цивилизация находится на противоположном краю Галактики. Тем не менее, несмотря на усиленное тридцатилетнее «прочесывание» неба радиотелескопами, сигналы, которые можно было бы уверенно интерпретировать как сигналы искусственного происхождения, обнаружены не были.

В сентябре 1971 года в Бюраканской астрофизической обсерватории состоялся первый советско-американский симпозиум, посвященный проблеме связи с внеземными цивилизациями. Большинству участников казалось само собой разумеющимся, что искать внеземные цивилизации следует посредством электромагнитных волн. Спорили лишь о том, «ловить» сигналы в радиодиапазоне,— или пытаться увидеть в телескоп так называемое «космическое чудо» — грандиозные необычные явления — следствия высокоразвитой технологии.

Но уже к следующему семинару по проблеме CETI[1], проходившему в Специальной астрофизической обсерватории Академии Наук СССР в станице Зеленчукской в 1975 году, многим стало ясно, что высокоразвитая цивилизация отличалась бы не величиной используемой ею энергии, а наилучшей регуляцией энергии. Высокоразвитая цивилизация не станет «сорить» в космосе продуктами своей технологической деятельности. Напротив,— чем более она развита,— тем незаметнее она для внешнего наблюдателя. Поэтому мы никогда не увидим ее «со стороны». Принцип, сформулированный Станиславом Лемом, гласит: «Чем производительней сумеет цивилизация использовать доступные ей источники энергии, тем труднее наблюдать эту деятельность на астрономических расстояниях. Труднее, ибо наилучшее использование означает оптимальную концентрацию энергетического потока в рамках законов термодинамики». Попытки «ловли сигналов» в радиодиапазоне также были признаны некоторыми исследователями неоправданными, так как трудно предполо-

---

[1] Communication with Extraterrestrial Intelligence — Контакт с внеземным разумом.

жить, что какая-либо цивилизация, освоив радио, вдруг застыла на этом этапе, не стала развивать более совершенные формы связи, а вместо этого пыталась бы посылать во Вселенную сигналы посредством быстро поглощающихся веществом электромагнитных волн. «Застать» цивилизацию в таком кратком временном интервале крайне маловероятно.

Начиная с 1975 года, отчетливо прослеживается новая тенденция в изучении проблемы связи с внеземными цивилизациями. Исследователи перестали заниматься вопросом о технических средствах связи и сосредоточились на поисках возможностей различения искусственного сигнала среди помех естественного происхождения. Стали подвергаться сомнению привычные формы передачи информации, высказываться предположения о возможности передачи информации средствами, характерными для искусства, в частности, некоего космического аналога музыки.

На основе докладов, прочитанных на Зеленчукском семинаре, издательство «Наука» выпустило в 1981 году сборник «Проблемы поиска внеземных цивилизаций». Новый подход к проблеме CETI наиболее ярко проявился в работе В. В. Иванова «О зависимости структуры языка от устройства, пользующегося языком» (1981). Оставляя в стороне вопрос о материальных носителях информации, автор пишет: «При отсутствии... ограничений на ввод и вывод сигналов за единицу времени, которые характерны для мозга, более вероятным представляется способ общения, при котором передаются за единицу времени... тексты как единое целое, без разделения на слова.

Не может ли такая «одномоментная» передача целого массива информации (приближение к которой в земных условиях достигается лишь в исключительных случаях в языке искусства и в некоторых других видах духовной деятельности) осуществляться путем излучения импульсов сверхгигантской амплитуды и сверхмалой длительности, возможность генерации которой предполагается для развитых ВЦ. Возможность дешифровки таких сообщений зависит от успехов быстро развивающейся новой научной дисциплины, исследующей текст как целое в отличие от классической лингвистики, не выходившей за пределы предложения как основной единицы высшего уровня. Не исключено, что для понимания физического характера таких сверхкоротких импульсов может оказаться полезным исследование человеческого мозга как приемника особого типа».

Тогда же Н. С. Кардашев выступил со статьей «Стратегия и будущие проекты CETI», в которой предлагал «...изучение возможности перехода в другие измерения (например, через заряженную черную дыру)». В этом случае внешний наблюдатель не будет свидетелем какого бы то ни было «космического чуда». Н. С. Кардашев перекликается здесь с Г. М. Идлисом, утверждающим в статье «Закономерности развития космических цивилизаций»: «...Возможна нетривиальная космологическая экспансия высокоразвитых цивилизаций из уже освоенных ими ограниченных пространственных областей не «наружу», а «внутрь» — во все новые и новые взаимно соприкасающиеся квазизамкнутые макромиры, которых в единой (связной) всеобъемлющей Вселенной, реализующей все свои потенциальные возможности и свободной от всяких космологических парадоксов, должно быть неисчерпаемое множество».

В декабре 1981 года в Таллинне состоялся очередной симпозиум по проблеме «Поиск разумной жизни во Вселенной». За время, прошедшее с предыдущих встреч, взгляды многих участников симпозиума претерпели существенные изменения. Бывшие энтузиасты идеи существования внеземных цивилизаций стали энтузиастами прекращения исследований по проблеме CETI. В частности, такими энтузиастами стали упоминавшийся в начале статьи американский астрофизик Френсис Дрэйк, а также советские ученые член-корреспондент АН СССР И. С. Шкловский и кандидат физико-математических наук Б. Н. Пановкин (ныне покойные). Позиция сторонников уникальности земной жизни имела морально-этический аспект: вывод о нашем одиночестве во Вселенной должен был заставить нас более ответственно относиться к сохранению жизни на Земле, к предотвращению войн. Например, Френсис Дрэйк считает, что, признав наше одиночество, «мы научимся понимать, что жизнь на Земле — вещь хрупкая, нежная, что мы обязаны очень осторожно относиться к ней, сохранять и охранять ее, защищать нашу планету».

Но решение этой задачи никак не зависит от идеи одиночества во Вселенной. Жизнь на Земле имеет свою неповторимую ценность, подобно тому, как ценность отдельной человеческой личности не теряется и не уменьшается от признания факта существования других личностей. Другой вопрос, что весь опыт безуспешных поисков проявлений внеземного разума приводит нас к выводу о непригодности естественнонаучных методов для этой цели.

С незапамятных времен сосуществуют две точки зрения на обитаемость миров во Вселенной. Еще древние философские школы — милетская и пифагорейская — придерживались идеи множественности обитаемых миров. Платон и Аристотель провозгласили идею уникальности жизни, ограничив ее Землей. Западное Средневековье, придававшее Аристотелю авторитет, почти равный авторитету Библии (несмотря на полную несовместимость их космогоний), покоилось на представлении об исключительности земной жизни. Новое время в лице Николая Кузанского и Леонардо да Винчи вновь извлекает из забвения идею широкого распространения жизни во Вселенной. Долгое время она была господствующей. Кульминацией господства идеи множественности обитаемых миров (понимаемых как повторение или легкое видоизменение земной жизни) над умами ученых можно считать первую половину XIX столетия.

Великие научные открытия конца XIX — начала XX веков нанесли по ней сокрушительный удар. Постепенно «отсеивалось» все больше и больше небесных светил, ранее считавшихся пригодными для жизни.

Сократ и Платон, отвергая жизнь в привычных для нас формах за пределами Земли, вместе с тем признавали бытие демонов, существ, по словам Платона, более божественного и лучшего рода, чем люди. Их воздействие на людей представлялось творческим, подобным воздействию неизвестных существ в приводимых выше цитатах из работ В. В. Иванова. Слово «демонический» во времена Сократа и Платона не несло в себе отрицательной оценки. Это уже в христианской традиции признаются духовные существа двух видов: ангелы Света и падшие ангелы (духи зла). Если контакт с первыми желателен, то в отношении вторых задача человека в том, чтобы не допустить контакта с ними, а, напротив, вступить с ними в борьбу. «Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они...» (1 Иоанна, 4:1). При этом вопрос о том, находятся ли эти существа на Земле, или в «иной цивилизации», вообще не ставится, так как духовные существа пространственно не локализованы.

Для характеристики христианского отношения к этой проблеме удивительно подходят слова Л. П. Карсавина, хотя сказаны они были по совершенно иному поводу: «...Из затруднения возможен лишь один выход: необходимо допустить (как об этом свидетельствует всеобщность идеи молитвы), что человеческая свобода совместима с Богом, не только Создателем, но и Мироправителем. Вне всякого сомнения, Бог движет всем, но каждое творение движимо Им по законам природы, созданной тем же Богом. А если так, то нет места безраздельному господству законов и находится место для чего-то не поддающегося рационализации»[2].

Таким образом, для христианского сознания, проблема CETI снимается, становясь частью проблемы спасения души (как и все вообще проблемы растворяются в этой). «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф., 6:33).

С точки зрения христианского сознания, нет смысла ни «прочесывать небо» в поисках «осмысленных сигналов», ни строить умозрительные конструкции о том, какой должна быть высокоразвитая цивилизация, а также гадать о том, существуют ВЦ или нет.

Вселенная наполнена жизнью. Но пытаться показать конкретные формы этой жизни средствами нашего земного языка, приспособленного для выражения земных реалий,— такая же безнадежная задача, как пытаться изобразить средствами этого языка конкретные подробности нашей будущей жизни.

---

[2] *Карсавин Л. П. Жозеф де Местр. Вопросы философии, 1989, № 3, с. 103.*

Священные камни Небесного Града

Е. ЛАЗАРЕВ

СТУПЕНЬ ВТОРАЯ. САПФИР

Предпоследняя ступень (ей соответствует зодиакальный знак Водолея) на путн к Небесному Иерусалнму в «Откровенин» Иоаиа Богослова отмечена сапфиром. С точки зрения минералогии это благородная разновидность корунда, которая бывает белой, желтой, зеленой, розовой — ио «настоящим» сапфиром, благороднейшим из камней знатокн мистической силы самоцветов называют «королевский сапфир» глубокого сииего цвета. Считается, что он дарует своему обладателю верность и скромность (если тот чист душой), помогает молитвениому сосредоточеиию. Поэтому сапфир иногда называют «камнем монахинь», который охлаждает страсти н хранит целомудрие.

Наиболее сильно эти таинства проявляются в астериях — звездчатых сапфирах, внутри которых горит шестнлучевая звездочка, похожая на снежинку. Дело в том, что кристалл сапфира имеет форму шестигранной пирамидки. Если в камне есть минеральные включения, параллельные граням кристала, то при огранке кабошоном (каплевидная форма, которая, как полагают, наиболее ярко выявляет магическую силу самоцвета) в сапфире видна звезда. Французскнй мистик прошлого века Элифас Леви в трактате «Камень — вещь живая», истолковывая три пересекающиеся линии звезды, пишет, что это три основы человеческой жизни: Вера, Надежда, Любовь. Вспомним: так звали сестер-христиаиок, погибших мученической смертью в 137 году. В православном месяцеслове под 17 (30) сентября они упоминаются вместе со своей матерью Софией. Но София — не только имя мученицы, В переводе с греческого это «мудрость». В христианском богословии София-Премудрость означает предвечный замысел Бога о мнре, объемлющий все сущее. В этом значенин София тоже является матерью — матерью всех добродетелей, из которых едва ли не самые высокне — Вера, Надежда н Любовь. В нконах Софию обычио изображают крылатой девой, окружениой иебесной сниевой. А ведь это цвет сапфира! Так прекрасная формула триединства добродетелей: «Вера, Надежда, Любовь и мать их София» отображается в каменных нероглифах звездчатых сапфиров, рожденных бесконечно давно в остывающем расплаве горных пород.

Сапфир известен людям с глубокой древности. Отец Павел Флоренскнй в книге «Столп и утверждение нстииы» повествует, что египетскнй первосвященник носил на грудн сапфир, на котором было начертано изображение богини Истины. Флоренскнй сближает египетское имя этой богини — Thme — с названием загадочного талисмана первосвященника древних евреев: Thmim. Само название сапфира (греч. sappheiros) Флоренский выводит из древнееврейского sphir — от корня sphr — «писать, говорить, писание, книга», то есть слово, премудрость. «В мнстериях египетскнй первосвященник бывал одет в небесно-голубое одеянне, усеянное звездами и стянутое желтым поясом. То же — у Аарона. Эта одежда обозначает храиителей вечной истины».

Флореиский исследует символнку цвета — именно тот признак, по которому в древности судили о магической силе камня. Плиний Старшнй так писал в своей «Естественной истории» о цвете сапфира: он «сверкает пятнами, подобными золоту», он «лазурного цвета, хотя иногда, но редко, бывает пурпурным». Полагают, что в древности сапфиром часто называли лазурит или ляпис-лазурь, по-латыни «лазурный камень». Возможно, его название происходит от арабского lazward, означающего небо или просто иечто синее. Уже тысячи лет назад предметы из ляпис-лазури получили распространение на Востоке, из этого камня приготовляли ультрамариновую краску. Амулеты н фигурки из египетских могильников очень часто лазурного цвета. Какой же смысл вкладывали древние в этот цвет? По словам Павла Флоренского, в ием «должно видеть символ души, устремляющейся в вечность. В Китае голубой цвет есть цвет мертвых, символ душ после смерти».

Нет ли здесь противоречия? Совместим ли образ Софии-Премудрости с эмблемой телесной смерти н одновремеино с идеей скромности и целомудрия? Флоренский отвечает на этот вопрос, обращаясь к древнеегипетским представлениям о трех языках: божественном (нероглифическом), священном (нератическом) н народном (демотическом). «Цвет небесного свода, лазурь, была в языке божественном символом вечной истины: в языке священиом — бессмертия; а в языке народном она делается символом верности» (Флоренский П. Столп и утверждеиие истины. М., 1914, с. 558-559). Речь идет о разных уровнях восприятия, разной глубине проникновения в тайны мира.

В апокрифическом «Сказании об Индийском царстве» Пресвитер Иоаин рассказывает о чудесном дворце, что стоит в недоступных горах Центральной Азии, о высоком зале (восемьдесят сажен — более ста шестидесяти метров), своды которого опираются на золотые столпы. В этом зале горит в паникадилах волшебное миро, дарующее бессмертие, а под сводами «учинена два яблока златы, в нихже вковаио по великому каменю самфиру того ради, дабы храбрость наша не оскудела». Быть может, камень, вдохновивший автора «Сказания...», был похож на самый большой звездчатый сапфир, известный сейчас? Он хранится в Нью-Йорке, в Американском музее естественной истории, и носит имя: «Звезда Индии».

Таковы предания о синем самоцвете, который можно найти на всех континентах земли, но который почти так же редок, как алмаз.

Продолжение следует

А. И. Куприн

СУЛАМИФЬ

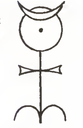
(Отрывок)

Посмотри, Суламифь, на эти сапфиры. Одни из них похожи цветом на васильки в пшенице, другие на осеннее небо, иные на море в ясную погоду. Это камень девственности — холодный и чистый. Во время далеких и тяжелых путешествий его кладут в рот для утоления жажды. Он также излечивает проказу и всякие злые нарости. Он дает ясность мыслям. Жрецы Юпитера в Риме носят его на указательном пальце.

ХИМИЧЕСКАЯ СВАДЬБА

Христиана Розенкрейца в году 1459

Валентин АНДРЕА

Таинственный знак из приглашения на Королевскую Свадьбу.

день первый

В канун Пасхи я сидел за столом в своем доме на вершине холма, готовя свое сердце к празднеству следующего дня, как вдруг поднялась ужасная буря, казалось, весь холм, на котором стоял мой дом, вот-вот развалится на части.

Я испугался, подумав, что это, должно быть, еще один трюк дьявола, причинившего мне немало зла, и тут вдруг почувствовал, будто меня дергают сзади за платье. В ужасе я оглянулся и тут увидел прекрасную восхитительную Деву[1] в небесно-голубом одеянии, усеянном золотыми звездами и с большими красивыми крыльями, имевшими множество глаз. С помощью этих крыльев она могла подниматься вверх. В правой руке она держала золотую трубу, а в левой — большую пачку писем, на всех языках, которые она должна была разнести по всем странам.

Из этой пачки писем она выбрала одно и почтительно положила его на стол. Затем без единого слова она расправила крылья и улетела вверх, издав на своей трубе прекрасной такой могучий звук, что добрую четверть часа после этого весь холм отзывался на него эхом.

Со страхом и дрожью я взял письмо. Оно оказалось таким тяжелым, как будто все состояло из золота. Маленькая печать скрепляла его, а на ней был оттиснут необычный крест с надписью: «В этом знаке — победа»[2]. Это принесло мне величайшее утешение, так как я знал, что этот знак был мало приятен и менее того полезен дьяволу.

В письме я обнаружил стихи, написанные золотыми буквами на лазурном фоне:

День зтот, зтот, зтот день,
Есть королевской Свадьбы день.
Еслн ты рожденьем н выбором
Бога
Прнглашен на зто празднество,
То возрадуйся!
Тотчас идн на гору,
Где стоят три велнчественных
храма,
И узрн там все от начала до
конца.
Вначале тщательно проверь
себя:
Пусть тот, кто веснт слншком
Мало, остережется.
Ни одного гостя не потерпнт
зта Свадьба
Кто не хранит бдительность
н нечист.

По мере того, как я читал эти предостережения, волосы мои вставали дыбом. Семь лет тому назад я узнал, в видении, что буду приглашен на Королевскую Свадьбу, и теперь, когда я определил положение планет, то убедился, что в самом деле наступило указанное тогда время. Но когда я исследовал себя, как получившего приглашение, и узрел свое невежество в мистических вещах, свое угождение плоти, свои построения величавых дворцов в воздухе и тому подобные чувственные замыслы, то был так потрясен своим ничтожеством, что заколебался между надеждой и страхом. Непонятные слова о трех храмах также огорчили меня.

Наконец я обратился к моему доброму ангелу с просьбой, чтобы он во сне направил меня по правильному пути, и уснул.

Во сне я обнаружил себя в мрачной темнице, скованным одной цепью со множеством компаньонов, пытающихся разорвать свои цепи и карабкающихся как пчелы один на другого. Когда вскоре мы услышали звуки труб и литавр и в открывшуюся темницу проник маленький лучик света, я умудрился ускользнуть от своих компаньонов и приподнять себя на валун возле стены темницы.

Затем у края отверстия появился старик со снежно-белыми локонами. Призвав к тишине, он объявил, что по милости его Древней Матери[3] к нам будет семь раз спущена веревка. Если кто-нибудь из нас сможет ухватиться за нее, то он будет поднят наверх и получит свободу.

Когда слуги Древней Матери спустили веревку, я никак не мог дотянуться до нее, а на кутерьму остальных было жалко смотреть. Через семь минут зазвонил маленький колокольчик, и веревка была вытянута наверх с четырьмя человеками, уцепившимися за нее. Снова и снова спускалась

ЛЕГЕНДА О БЕССМЕРТИИ

Книгу, с которой мы вас хотим познакомить, обходит стороной рационалистическая наука. К прагматической химии книга, действительно, не имеет никакого отношения. Тогда, может быть, это алхимия? Священный брак женского и мужского начал, порождающий философский камень,— главный сюжет алхимических книг, и в этом смысле, как читатель со временем убедится, «Химическая Свадьба» связана с кругом идей алхимии. Однако она отличается от алхимических трактатов большей глубиной и разнообразием сюжетных линий.

Что можно сказать о тех людях, чьи имена стоят на титуле книги? Студент Тюбингенского университета, будущий лютеранский пастор Иоганн Валентин Андреа (1586—1654) опубликовал «Химическую Свадьбу» в Страсбурге в 1616 году. Однако он, по убеждению основоположника антропософии Рудольфа Штейнера, лишь передал людям тайное знание — послание неземной «духовной силы».

Гораздо более легендарно второе имя. Антропософская традиция так излагает биографию Христиана Розенкрейца. Одно из его воплощений приходится на середину XIII века. В юности он воспринял мудрость двенадцати умнейших людей Европы и умер молодым. Через сто с лишним лет — в 1378 году он вновь рождается, в 1406-м отправляется к «Центрам Мудрости Мистерий», откуда возвращается семь лет спустя, усвоив интеллектом ту мудрость, которой обладал в предыдущем воплощении. Духовный опыт «Химической Свадьбы» пришел к нему в 1459 году, после чего он прожил еще четверть века, скончавшись в возрасте ста шести лет.

Читается книга как волшебная сказка о королях и королевах, о чудесном острове, где в семибашенном замке свершает-

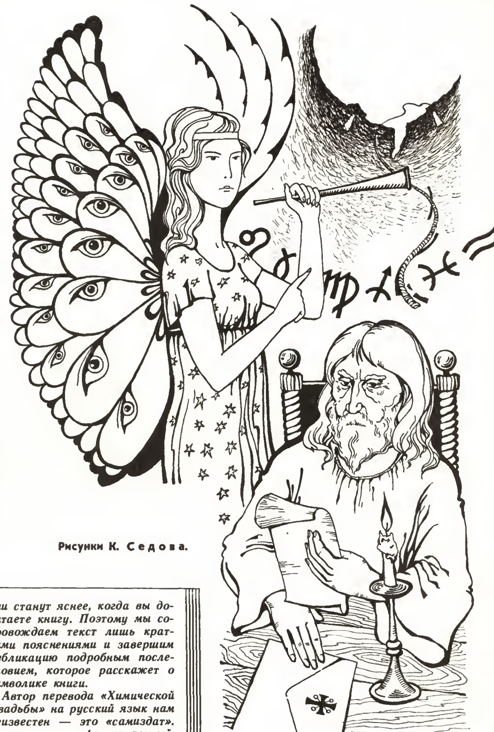
веревка, и каждый раз еще несколько человек вытаскивалось наверх; уже освобожденные помогали слугам тянуть.

На седьмой раз веревка качнулась в сторону, и мне удалось схватиться за нее, но когда веревку потянули вверх, я ударился головой об острый камень и начал истекать кровью, однако, несмотря на безнадежное положение, меня все же вытянули.

Затем темница снова закрылась, и мы, поднятые наверх, были освобождены от наших оков, а наши имена были записаны на золотую табличку. Потом мы поблагодарили Древнюю Мать за свое освобождение и начали прощаться с ней, каждому из нас был дан для расходов кусок золота. На одной его стороне было изображено восходящее солнце, на другой стороне стояли буквы Д.Л.С.[4]

Что касается меня, то я едва мог двигаться из-за ран, оставленных на моих ногах цепями. Древняя Мать, видя это, сказала мне: «Сын мой, пусть эти раны не тревожат тебя, но благодари Бога, позволившего тебе даже в этом мире вступить в такой высокий свет. Сохрани эти раны в память обо мне».

Проснувшись, я обдумал свой сон и понял из него, что Бог удостоил меня правом присутствия на этой мистической и тайной Свадьбе. Я облачился в белые полотняные одежды, накинул на плечи кроваво-красный плащ, завязав его крестообразно[5], а к шляпе прикрепил четыре красных розы. Затем я взял хлеба, соли и воды[6], и радостный, отправился в путешествие.

Рисунки К. Седова.

ся таинство воскресения из мертвых; как сказка о вещих снах, духовных странствиях и сокровенных знаниях, перед лицом которых даже старец всегда останется робким учеником. Книга внешне проста, но это простота кажущаяся, как в древних мифах. Такие тексты многоплановы. Можно воспринимать их и как легенды — в том не будет ошибки,— но можно попытаться заглянуть глубже.

«Химическую Свадьбу» комментировали антропософы, и их комментарии учтены при подготовке настоящей публикации. Они толковали «Химическую Свадьбу» как аллегорию духовного совершенствования человека (семь дней «Свадьбы» — семь этапов восхождения души). Но образы книги не всегда можно пояснить простой сноской: они проходят через весь текст, изменяясь и взаимодействуя; они станут яснее, когда вы дочитаете книгу. Поэтому мы сопровождаем текст лишь краткими пояснениями и завершим публикацию подробным послесловием, которое расскажет о символике книги.

Автор перевода «Химической Свадьбы» на русский язык нам неизвестен — это «самиздат». Но вполне профессиональный. Переводчик сделал сокращенный пересказ, прекрасно передающий как содержание, так и литературные особенности немецкого подлинника. Он придал динамику медлительному повествованию XVII века, непривычному для современного читателя.

Комментарии и послесловие подготовлены автором настоящего вступления по полному тексту оригинала в одном из последних изданий (Штутгарт, 1957).

Е. ЛАЗАРЕВ

День второй

Переполненный радостью окружающей природы, я шел, напевая, через лес, направляясь к зеленой степи, где стояли три высоких кедра. На одном из них была прикреплена табличка, предлагавшая выбрать один из четырех путей на Свадьбу.

Первый из них был описан как короткий, но опасный, ведущий в каменистые, едва проходимые места. Второй был длинный, но легкий. Третий путь был королевский, кото-

рым мог следовать лишь один из тысячи. Четвертым был путь, окруженный огнями и облаками, доступный только очищенным телам.

Табличка предупреждала также, что если однажды мы ступили на один из этих путей, то возврата уже не будет, и что если мы знаем за собой хотя бы маленький недостаток, то нам лучше не идти дальше.

Перед этими страшными предупреждениями я опустился на землю у основания дерева в большом волнении духа. Так я сидел, сбитый с толку, обдумывая, вернуться ли, а если нет, то какому пути следовать, и, вынув из сумки кусок хлеба, начал его есть.

Вдруг сидевший в ветвях снежно-белый голубь спорхнул вниз и очень смело приблизился ко мне. Я охотно разделил с ним свой кусок хлеба. Но на голубя ринулся черный ворон. Голубь пытался найти спасение в полете, ворон устремился за ним, а я за вороном.

Когда я прогнал ворона прочь, то вспомнил о сумке и хлебе, оставленных подле кедра. Но когда я обернулся, чтобы идти искать их, то поднялся такой сильный встречный ветер, что едва не свалил меня с ног. В то же время ничто не препятствовало мне идти вперед. Осматриваясь вокруг, я обнаружил, что уже ступил на один из четырех путей — на длинный окольный путь[7].

Так что весь этот день я шел этой дорогой, стараясь не сбиться ни влево, ни вправо. Путь сам по себе был настолько тернист, что я не раз сомневался в нем, но голубь летел прямо на юг и с его помощью я шел прямо по указанному пути. Наконец перед самым заходом солнца я заметил величественный портал, стоявший вдали высоко на холме. Я ускорил шаги, чтобы достичь его до наступления темноты.

Когда наконец я дотащился до портала, то от него навстречу мне выступил почтенный мужчина в небесно-голубых одеждах и представился мне как Страж Врат. Он спросил у меня письмо и Приглашение. С какой радостью я представил его!

Когда Страж услышал мое имя и узнал, что я брат Розы Креста, он удивился и, казалось, очень обрадовался. Он обошелся со мной с большим уважением и сказал: «Войди, брат мой, желанный гость ты для меня!»

В обмен на мою бутылку воды Страж дал мне золотой жетон и запечатанное письмо для Стража Вторых Врат. Он также попросил меня, чтобы я вспомнил о нем, когда это окажется для меня полезным.

Сгущались сумерки. Прекрасная Дева[8] в небесно-голубом одеянии и с чудесным факелом в руке начала зажигать фонари вдоль дороги к внутренним Вратам. Я поспешил дальше, но был напуган ужасным львом, сидевшим на цепи и загородившим мне дорогу. Как только он увидел меня, тут же поднялся и двинулся ко мне со страшным рыком.

Тут проснулся Страж, спавший на мраморной плите. Он отогнал льва и, прочитав запечатанное письмо, приветствовал меня с величайшим уважением, воскликнув: «Во имя Бога, добро пожаловать ко мне, человек, которого я уже давно рад видеть!»

В обмен на мою соль этот Страж дал мне другой золотой жетон.

К этому времени сумерки еще более сгустились и в Замке зазвонил колокол. Страж посоветовал мне быстрее бежать дальше, иначе я не успею достичь Врат, лежащих глубоко внутри, до того, как они закроются на ночь. Огни вдоль тропы стали гаснуть, и я был благодарен факелу Девы, ведшему меня сквозь темноту. Как только я вошел в Третьи Врата, ступая почти по пятам Девы, они так быстро захлопнулись, что прищемили часть моей одежды. Она так и осталась там, потому что мне не удалось уговорить Стража вновь открыть Врата.

Третий Страж записал мое имя в маленькую книжечку из тонкого пергамента и дал мне третий золотой жетон и пару новой обуви, потому что пол в Замке был из чистого, сияющего мрамора. Свою старую обувь я отдал нищему, сидевшему рядом с Вратами.

Два пажа, держа по факелу в руках, ввели меня в Замок и оставили одного в маленькой комнатке, где, к моему ужасу, незримые парикмахеры срезали у меня на макушке волосы, оставив висеть остальные седые локоны. Срезанные волосы были аккуратно собраны и унесены невидимой рукой.

Зазвонил колокольчик. Два пажа, светя факелами, повели меня через множество дверей по вьющимся лестницам в просторный зал, где было множество гостей — императоры, ко-

роли, принцы, лорды, знатные и незнатные, богатые и бедные, люди всех сортов, среди которых кое-кого я хорошо знал и не имел никаких оснований уважать. Последние, когда я спросил их, каким путем они попали сюда, рассказали, что вынуждены были карабкаться по камням.

Вскоре, когда зазвучали трубы, приглашавшие нас на пир, именно эти люди захватили почетные места, так что для меня и еще нескольких огорченных остался лишь маленький уголок за самым нижним столом. Но зато возле меня сидел прекрасный спокойный человек, чудесно рассуждавший о великолепных предметах.

Затем было внесено мясо и невидимыми руками роздано гостям, причем сделано это было очень искусно. Когда один из гостей похвастался, что видит этих слуг, то один из них так славно съездил кулаком по его лживой морде, что не только он, но и многие примолкли как мыши.

Люди похотливого сорта, захмелев, начали хвастаться своими способностями — один слышал ритмы небес, другой видел идеи Платона, третий мог сосчитать атомы Демокрита. Один старался доказать это, другой — то, а в целом наиболее жалкие идиоты шумели громче всех.

Среди этого шума и крика я проклинал день, когда решился прийти сюда. Я подумал, что Новобрачный поступил бы благоразумно, выбрав других дураков вместо меня на Свадьбу. Но так было только сначала.

Вдруг послышались чудесные мелодии. Музыка заиграла громче и была так торжественна, как будто предшествовала выходу римского императора. Сама собой открылась дверь, и в зал вошли тысячи пажей, марширующих с зажженными тонкими свечками. За ними скользил по воздуху позолоченный трон, где сидела Дева, светившая мне факелом на пути к Замку. Вместо небесно-голубых на ней были белоснежные одежды, сверкавшие чистейшим золотом.

Она приветствовала нас от имени Невесты и Жениха и предупредила, что на следующее утро мы все будем взвешены для выявления достойных присутствовать на Свадьбе. Каждый, кто чувствует себя достойным, будет сейчас препровожден в свою спальню, все сомневающиеся должны провести эту ночь в зале.

Когда Дева отбыла на своем парящем в воздухе троне, свечи, несомые невидимыми руками, проводили уверенных в себе к их постелям. Только я и еще восемь человек остались в зале, среди них мой застольный компаньон. Часом позже в зал пришли пажи, связали всех девятерых веревками и оставили нас в темноте и беспокойстве, оплакивающими самонадеянность, с которой мы приняли приглашение на Свадьбу.

Ночью мне приснилось, что я стою на высокой горе, возвышающейся над обширной долиной, в которой было множество повешенных. Одни висели выше, другие — ниже на своих веревках. Глубокий старик летал среди них и перестригал ножницами веревки. Висящие низко над землей падали мягко, висящие высоко с позором летели вниз. Это зрелище развеселило меня до глубины души и в приступе смеха я проснулся.

Продолжение следует

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *В оригинале «прекрасная женщина» (Weib). Ее ангельская природа достаточно ясна из последующего описания. Далее читатель встретится с другими гранями высокого женского образа, который проходит через всю книгу.*

[2] *In hoc signo vinces — латинская вставка. По преданию, эти слова (в сочетании с крестом) были явлены в видении императору Восточной Римской империи Константину, который сделал христианство государственной религией своей империи. Традиционный перевод этих слов в дореволюционной русской литературе: «Сим победиши».*

[3] *Буквально: «Древняя Госпожа» (Die alte Frau).*

[4] *Буквы здесь латинские: D.L.S. Их истолковывают как Deus Lux Solis («Бог — Свет Солнца») или Deo Laus Semper («Вечная хвала Богу»).*

[5] *В оригинале немного иначе: «препоясал чресла алой лентой, крестообразно перевязанной на плечах». Интересно сравнить этот образ с красными крестами на белом епископском оплечье в русских иконах. Далее мы увидим, что сопоставление с русской традицией не столь парадоксально, как кажется на первый взгляд.*

[6] *Хлеб, соль и вода в антропософской интерпретации символизируют соответственно волю, мышление и чувства — качества человека, находящегося в земном мире. При восхождении в мир высший он от них отказывается, приобретая впоследствии новые, более тонкие качества.*

[7] *Выбор пути с помощью птиц напоминает об ауспициях — гадании по птичьему полету — в древней Италии.*

[8] *Здесь употреблено именно слово «Дева» (Jungfrau).*

Музей эзотерической живописи

На 1-й странице обложки: Б. Козлов. Пилат 11. 1980. Холст, масло. 60×45 см. Лос-Анджелес.

«ПИЛАТ 11»

Среди современных московских художников особняком стоит фигура Бориса Козлова. Его первые живописные работы были созданы во времена «оттепели», в начале шестидесятых. Основная тема его творчества — библейские сюжеты. Картины Б. Козлова отличаются изысканностью композиции, точностью рисунка. Однако художник не иллюстрирует Библию, но предлагает свой вариант решения общечеловеческой проблемы осознания сущности бытия.

В работе «Пилат 11» нетрудно увидеть традиционные приемы средневекового христианского искусства: построение композиции, напоминающее о житийных иконах, своеобразную «витражность». Но все это подчинено теме, которая актуальна и сейчас — противоречию между желанием сохранить справедливость и формальными обязанностями человека, которые порой заставляют его нарушать эту справедливость. Именно в таком ключе многие представляют себе прокуратора Иудеи Понтия Пилата, обрекшего на казнь Иисуса Христа, хотя диапазон мнений о Пилате довольно широк — от признания его предателем до его апологии как почти христианина.

Верность религиозной тематике — основная причина, по которой в свое время Министерство культуры СССР запретило художнику выставляться.

На вопрос, почему он не обращается к светским темам, к современности, Б. Козлов в одном из своих интервью ответил так: «На мой взгляд, о современности можно говорить лишь как о современном прочтении вечных тем».

Сейчас многие работы художника (в том числе и те, что представлены здесь) находятся за рубежом — более чем в тридцати странах.

Б. КОЗЛОВ. Усекновение главы Иоанна Предтечи. Находится в церкви Иоанна Предтечи на острове Скирос в Греции.
Фото ТАСС

«МАЛЫЕ» ЦЕРКВИ В СССР

Датой рождения протестантизма — одного из трех основных направлений христианства — считают день 31 октября 1517 года, когда Мартин Лютер, будучи уже известным священником и проповедником, прибил в городе Виттенберге к воротам собора свои знаменитые 95 тезисов.

Реформация католицизма произвела переворот в духовной, политической и культурной жизни Европы. И хотя в центре борьбы между приверженцами ортодоксальной католической церкви и сторонниками ее реформации стояли, казалось бы, чисто богословские вопросы, за ними отчетливо выделились сугубо практические, земные проблемы и интересы. Если католическая церковь долгие века освящала феодальный уклад жизни, то протестантская разновидность христианства связывала, опять же, с божьей волей иной, нарождавшийся буржуазный строй, объявив прежний неправедным, противным истинной вере.

Однако и в самом протестантизме взаимодействовали, то смыкаясь, то противоборствуя, разные социальные силы, что помешало ему стать единым мощным движением и породило различные направления и секты. Какие-то из этих сект со временем распадались, вместо них возникали новые, иные постепенно утрачивали характерные сектантские черты, обретали организационную структуру, создавали собственную иерархию — то есть становились церковью.

В нашей стране к подобным «малым» протестантским церквам можно отнести евангельских христиан-баптистов, адвентистов седьмого дня, свидетелей Иеговы, меннонитов, в какой-то степени — пятидесятников.

Стремясь объективно показывать все реалии нашего бытия, редакция открывает новую рубрику «Протестантизм: «малые» церкви в СССР». Слово «малые» мы берем в кавычки, тем самым показывая его условность.

В новой рубрике «малые» церкви будут представлять их собственные руководители, богословы, пресвитеры и проповедники. Разумеется, это не исключает и присутствие точки зрения историка, религиоведа, публициста. Думается, именно в сопоставлении взглядов, позиций, мнений лежит верный путь к взаимопониманию и взаимообогащению духовного мира.

В этом номере мы знакомим вас с адвентистами седьмого дня.

Седьмой день — суббота

Возникновение «малых» церквей в протестантизме связано, как правило, с именем конкретного проповедника. В адвентизме (от латинского adventus — пришествие) это У. Миллер, проповедник баптистской общины города Хэмптон в штате Нью-Йорк. Летом 1831 года на молитвенном собрании он объявил, что вычислил точную дату второго пришествия Христа: 21 марта 1843 года. У. Миллер утверждал, что приход Христа должен быть зримым. Сенсационное известие быстро разнеслось по континенту.

Вслед за проповедью У. Миллер выпустил сначала брошюру, а затем и книгу «Доказательства Писания и истории о втором пришествии Христа в 1843 г., изложенные в обзоре докладов». Подсчеты У. Миллера основывались главным образом на Книге пророка Даниила.

К 1843 году У. Миллер уже имел тысячи последователей. Однако в вычисленное им время Христос на Землю не явился...

Проповедник был разочарован и подавлен, как и его последователи. Но, углубившись в Библию, он вскоре сообщил, что, исходя из еврейского календаря, год пришествия Христа должен длиться до 21 марта 1844 года. После того как не сбылось и это пророчество, назначен был третий срок, но и он миновал так же, как два первых... Баптисты Хэмптона отлучили У. Миллера, а другие общины отказались его принять. В 1849 году он умер, одинокий и почти всеми забытый.

Но последователи Миллера остались. Они утверждали, что его предсказание сбылось: Христос действительно пришел в указанный срок, но, прежде чем приступить к очищению святилища земного, он должен очистить небесное. Небольшие группы последователей У. Миллера объединились в церковь Адвентистов седьмого дня. Произошло это в 1846 году. Огромную роль сыграла в этом новая пророчица адвентистов Елена Уайт.

По ее словам, у нее часто бывали видения, когда Господь открывал ей различные истины, которые она должна была передавать верующим. Она пользовалась огромным авторитетом среди них. Содержание ее видений стали записывать и издавать в Америке массовыми тиражами.

Не вдаваясь в дискуссию о видениях, отметим только, что были и такие мнения, как, например, западногерманского историка К. Хюттена, специально изучавшего эту проблему: во многих сочинениях Елены Уайт легко обнаруживаются страницы чужого текста. Так, в книге «Жизнь Павла» более 200 мест, по его утверждению, заимствовано из сочинений Конбери и Хаусона «Жизнь апостола Павла».

Почему последователи У. Миллера называются адвентистами, наверное, понятно. А почему именно «седьмого дня»?

Обратимся снова к Е. Уайт. Во время одного из видений Бог указал ей на скрижали с десятью заповедя-

ми. Все они ярко сияли и лишь одна — четвертая, о соблюдении дня субботнего,— светилась тускло. Тут же явившийся ангел пояснил, что люди забыли эту заповедь и вместо субботы празднуют воскресенье, считая седьмым днем его. На самом же деле седьмой день — суббота. Именно эта идея и дала название конфессии.

Е. Уайт адвентисты обязаны и сформировавшейся догматикой, обрядностью, бытовым укладом, в котором особую роль играет «санитарная реформа», провозглашенная ею после одного из видений. Богословское обоснование «санитарной реформы» заключается в утверждении, что тело есть храм святого духа и, дабы не разрушать этот храм, следует вести соответствующий образ жизни. «Санитарная реформа» регламентирует режим труда и отдыха, рекомендует больше времени проводить на свежем воздухе, запрещает употребление мяса «нечистых» животных (например, свинины), чая, кофе, спиртных напитков, курение, всемерно поощряет медицинскую деятельность.

Отсюда разветвленная сеть различных медицинских учреждений, созданная адвентистами во многих странах, которая способствовала быстрому росту их известности.

В 1863 году, когда состоялась первая Генеральная Конференция АСД, в рядах этой церкви насчитывалось 3500 верующих, сегодня их примерно 5 миллионов.

Согласно вероучению АСД, каждый верующий должен вносить в общину десятую часть своих доходов. И хотя понятие «десятины» ныне часто трактуется весьма либерально, все же средства, собираемые с верующих и затем пускаемые в коммерческий оборот, весьма значительны.

В России первые последователи адвентизма появились в конце прошлого века в Таврической губернии, затем на Дону и на Кубани, а вскоре — в Поволжье и Прибалтике, поначалу в основном среди немецких поселенцев. Возникновение нового вероучения вызвало настороженность царских властей и даже преследование. Во-первых, еще действовал закон о штундистах, под который подпадали последователи адвентизма, а во-вторых, из-за призыва праздновать субботу, их обвинили в распространении «иудейской ереси». С 17 апреля 1905 года, после известного манифеста о веротерпимости, церковь АСД действовала уже легально и практически свободно вплоть до 1928—1929 годов.

Сегодня в нашей стране насчитывается более 30 тысяч адвентистов Седьмого дня, их церковь имеет примерно 450 молитвенных домов.

В. ХАРАЗОВ

Мы — адвентисты

С пастором московской общины адвентистов седьмого дня (АСД) Павлом Михайловичем КУЛАКОВЫМ беседует наш корреспондент Лариса Немира.

— После принятия Верховным Советом СССР закона «О свободе совести и религиозных организациях» активизируется деятельность всех церквей — «больших» и «малых», традиционных и нетрадиционных, в том числе, конечно, и вашей — АСД. Однако, если о православии, католицизме, исламе наш читатель в общем-то знает немало, то характер вероучения и деятельность Адвентистов седьмого дня для большинства все еще остаются малоизвестными. Незнание же, как свидетельствует опыт, порождает домыслы, подозрительность, а то и конфликты.

— Особенно, если учесть, что по отношению к АСД десятилетиями сознательно культивировались недоверие и предубежденность — сначала это делала господствовавшая в обществе православная церковь и государство, опирающееся на нее, а затем — государственный атеизм.

— Значит, едва ли не весь свой век в России адвентисты были гонимой церковью?

— Судите сами. Взять хотя бы нашу семью. Моего прадеда по материнской линии М. О. Демидова до революции арестовывали 25 раз, деда по отцовской линии П. С. Кулакова в сталинский период осудили на 10 лет и за плечами отца 5 лет лагерей. Все мое детство — это переезды с места на место и горькие слезы матери, зачастую не ведающей, где отец.

— Насколько я знаю, патриархи вашего рода приняли адвентизм еще в те годы, когда он только дошел до России.

— Да, один из них — мой прадед С. В. Кулаков, в то время он был членом первой Государственной думы, депутатом от области войска Донского. Другой прадед, М. О. Демидов, был не только пионером адвентизма, но и одним из руководителей новой тогда церкви. Он входил во Всероссийский Совет, возглавлял общины и на Северном Кавказе, и на Дальнем Востоке, и в Китае:

— Не повлияли ли на положение вашего прадеда как члена Думы его новые религиозные воззрения?

— Как известно, в первой Думе были представители и различных сословий, и самых различных взглядов. Вообще нетерпимость в те времена не доходила до поголовных репрессий.

— Но другого прадеда арестовывали 25 раз!

— Это говорит о том, что свободы, существовавшие до революции, были не настолько полными, чтобы исповедующим нетрадиционную религию жилось беззаботно.

— И все же, как я понимаю, послеоктябрьская история адвентизма отразилась на вашей семье куда тяжелей.

— Страдания, мытарства нашей семьи — не исключение. Этот путь прошли едва ли не все адвентисты. А ведь наша церковь с большими надеждами встретила революцию, одной из первых направила поздравительную телеграмму советскому правительству, выразив солидарность с провозглашенными им принципами свободы совести. И на первых порах надежды эти оправдались: мы получили право на свой центр, вообще десятилетие с 1917 по 1927 год я бы назвал «золотым» для адвентизма в России. Но уже в 27-м начали закрывать наши журналы, затем общины, а вскоре последовали и аресты. В 30-е годы арестовали председателя Всесоюзного Совета АСД Генриха Лебсака, он так и умер в ярославской тюрьме. Затем репрессировали его преемника пастора Григорьева. И все же церковь еще сохраняла официальный статус.

— Скажите, а было ли, на ваш взгляд, существенное отличие репрессий после Октября от дореволюционных преследований?

— По-моему, история России развивалась несколько односторонне. Культура ее по сути была монокультурой, нетерпимой к плюрализму. Всегда одна идеология, одна религия. До революции — идеология, выраженная в монархизме и православии. После революции, пока существовали некоторые свободы для различных вероисповеданий и общественных организаций, ситуация несколько изменилась, но с началом сталинизма все снова выпестовалось в традиционные формы: одна идеология, не признающая никакой альтернативы. Поэтому основания для репрессий в известном смысле были те же и до и после революции. И все же до нее наша церковь, хотя и преследовалась, но существовала, имея всероссийскую организацию. В Россию приезжали мис-

сионеры из Германии, наши люди могли выехать туда на учебу. Естественно, при господствующей церкви было нелегко и непросто, но такой размах, какой приняли репрессии после 30-х годов, не идет ни в какое сравнение, ведь преследованиям подвергались все вероисповедания, и священнослужители, и рядовые члены общин. И здесь адвентисты страдали не больше, чем другие церкви. Как известно, и русское православие было обезглавлено.

С. В. Кулаков, депутат 1-й Государственной Думы от области войска Донского, крестьянин.

Династия Кулаковых

Первый ряд: 2-й слева — И. П. Вельгоша, бывший руководитель церкви АСД в Казахстане (дед П. М. Кулакова по матери); 3-й справа — П. С. Кулаков, бывший руководитель церкви АСД в республиках Закавказья (дед по отцу).
Второй ряд: в центре — М. П. Кулаков, Президент Всесоюзного Совета АСД, вице-президент Генеральной Конференции. 2-й слева — Петр Михайлович Кулаков, директор радиоцентра «Голос надежды».

В послевоенный период ситуация несколько улучшилась, с поселения вернулся в Москву, чтобы возглавить Совет, Григорьев, но уже в начале 50-х вновь повеяло холодом. И хрущевская «оттепель» положение не изменила. Более того, именно в это время нашей церкви был нанесен самый тяжелый удар со стороны государства — был распущен Всесоюзный Совет АСД, а председателя в 24 часа выслали в Новосибирск.

Какое-то время в церкви АСД существовало своего рода двоевластие: ею продолжал руководить высланный председатель,и то же пытался делать Совет по делам религий через вновь избранного председателя Всесоюзного Совета АСД. Все, что происходило тогда, было лишь частью общего осуществлявшегося плана тотального «перевоспитания» верующих в связи с ожидаемым скорым наступлением коммунизма. Сроки вступления в коммунистический рай, как известно, были четко обозначены и так же четко было объявлено, что верующим места в нем нет, религия должна отмереть и отмирает. Мы опять не вписывались в очередную идеологическую программу.

По иронии судьбы в киевском Дворце съездов, где Никита Хрущев предрекал близкие времена, когда последнего верующего можно будет увидеть разве что по телевизору, весной прошлого года, то есть через 10 лет после обещанного наступления коммунизма, адвентисты провели евангелическое собрание, на котором с проповедью выступил президент Генеральной Конференции АСД Нил Вильсон.

— Что ж, такова судьба многих пророчеств. Вы сказали, что ликвидация Всесоюзного Совета была самым тяжелым ударом для АСД.

— Да, по сути в нашей церкви произошел раскол, она стала распа-

Президиум Всесоюзного Совета АСД, Москва, 1924 г.
1-й слева в первом ряду М. О. Демидов.

даться. Часть верующих и священнослужителей, стремясь хоть как-то сохранить официальный статус церкви, вела переговоры с властями, те же, кто не желал терпеть унизительной зависимости от них, не мог мириться с тотальным контролем, ушли в подполье. Собственно, раскол произошел не на два, а на множество направлений,

Положение это усугублялось тем, что уже с середины 20-х годов наша церковь была изолирована от всемирной организации АСД, Генеральной Конференции: были перекрыты все каналы международного общения, получения информации, литературы. В результате стало искажаться и само адвентистское вероучение — вместо того, чтобы руководствоваться праведностью Иисуса Христа, некоторые стали думать о самоправедности, что порождало новые и новые конфликты между верующими. Такое развитие событий, кажется, всерьез обеспокоило и государственные власти, однако их попытки как-то примирить различные объединения долгое время оказывались безрезультатными,— раскол зашел слишком далеко. Перелом наступил только после обращения к адвентистам Советского Союза прези-

дента всемирной церкви АСД с призывом войти в единую официальную церковь. Было это уже в 1982 году. Хорошо помню те три дня, когда около сорока руководителей наших адвентистских объединений съехались в Москву на встречу с президентом. Собрания проходили в аллее, неподалеку от гостиницы «Советская», в которой он жил.

— Интересно, что с какого-то момента процессы, происходящие в адвентистской церкви, как бы запаздывали на один такт развития политической истории, были его логическим следствием: в годы «оттепели» — раскол, в период «застоя» — объединение и нормализация. А что же сегодня? Принят новый закон, насколько он изменил жизнь вашей конфессии?

— Совсем недавно ни о чем подобном мы не могли и мечтать. Еще живы в памяти дни, когда местные власти, например, в Средней Азии, подгоняли к дому, где молились адвентисты, грузовики, из которых только что выгрузили цемент, загоняли в них всех, включая детей, чтобы потом выбросить их за несколько километров от жилья. Но сегодня мы принимаем новый закон как должное и сожалеем, что не все наши проблемы нашли в нем положительное разрешение.

К примеру, а это очень важно для адвентистов, так и не решен вопрос о возможности соблюдения субботы в армии. В этой связи я вспоминаю случай, происшедший с моим братом в первые же дни его службы. В субботу по вере своей он не мог исполнять обычные армейские обязанности. У ротного командира это вызвало буквально ярость, и он скомандовал тащить моего брата на работу — за ноги по снегу. Притащили, бросили, а брат убежал в тайгу,— это было на Дальнем Востоке. Весь день он проболил, вечером вернулся в часть. А там уже готовили суд, угрожали ему дисбатом за неподчинение начальству. Кто-то стал выяснять, из какой он семьи, кто отец. Выяснив, дело замяли. А если бы не было отца? Защиты прав личности в подобных ситуациях наше законодательство не предусматривает. Есть и еще ряд вопросов, по которым новый закон уже сегодня отстает от реальной действительности, не отвечает всем ее требованиям. Половинчатость в решениях сдерживает перестроечный процесс, к которому, на мой взгляд, большая часть наших граждан готова в отношении религии идти дальше, чем правительство.

— Какова сегодня структура вашей церкви? Насколько она жизнеспособна?

— Структура нашей организации строится по системе, принятой международной организацией АСД. Первичные организации — общины объединяются в регионы, или местные конференции, в которые входят от 20 до 80 общин. Могу сказать, к примеру, что на Украине мы имеем на сегодня восемь регионов, в Молдавии — два, в РСФСР — четыре и так далее.

На демократических началах представители общин раз в три года избирают руководство региона — председателя, секретаря и казначея. С помощью этого руководства осуществляется взаимодействие наших общин. Регионы объединены в союз, или унион. Раз в четыре года делегаты от регионов избирают свое руководство. Всего в Советском Союзе пять унионов: Российский, Украинский, Молдавский, Прибалтийский и Южный.

Общины адвентистов существуют в 192 странах мира. Они объединены в единую централизованную структуру всемирной церкви с четкой субординацией всех ее звеньев. Высший орган — Генеральная Конференция, переизбирается каждые пять лет на всемирном съезде.

До июля прошлого года Всемирная церковь АСД имела десять дивизионов. На всемирном съезде в Индианаполисе (США) церковь АСД в Советском Союзе была признана одиннадцатым дивизионом, что значительно повысило ее статус. Президент советского дивизиона, а им избран мой отец, М. П. Кулаков, теперь одновременно является вице-президентом Генеральной Конференции.

При Генеральной Конференции существует ряд международных ассоциаций. К примеру, одна из них занимается проблемой свободы совести и объединяет крупных религиоведов, членов правительств, конгрессменов, сенаторов, юристов различных стран мира. Есть при Генеральной Конференции и школа агрокультуры, и агентство помощи пострадавшим от стихийных бедствий, объединяющее как верующих, так и неверующих. Кстати, оно активно работало в Армении, построило на свои средства клинику. У нас в стране создано отделение этого агентства, которое мне предложено возглавить.

— Не кажется ли вам несколько архаичной жесткая иерархическая структура всемирной церкви АСД, тем более, что сегодня происходит повсеместная демократизация партийных, государственных структур во многих странах мира?

— Это существенный вопрос. Насколько мне известно, его решали недавно на своем съезде в Москве и христиане-баптисты. Речь шла о передаче полномочий центра местным церквам. Возможно, в этом есть определенная целесообразность для тех, кто такой вопрос ставит. Но что касается церкви АСД, то от централизации нашей системы мы не испытываем никаких неудобств, наоборот,— четко координируя жизнь всех подразделений, она упорядочивает деятельность церкви, обеспечивает ее единство и, если хотите, прогресс. Оперируя привычными в нашей стране понятиями, можно сказать, что в основе организации нашей церкви скорее не демократический централизм, а централизованная демократия. Инициатива на местах всегда поощряется, то есть она даже необходима.

Есть организации в мире, в которых местные подразделения взаимодействуют на джентльменских началах, но, на мой взгляд, в такой системе нарушается единство цели, что ведет к известным последствиям: нередко это разрушает саму природу церкви, тормозит ее развитие и рост.

— А как, учитывая новые возможности, складываются отношения с другими конфессиями?

— О том, чтобы к кому-то относиться худо, не может быть и речи. Как известно, протестантизм — дитя демократии, и все демократические системы мира созданы на его базе.

Наше учение представляет собой одну из последних реформаторских стадий в христианстве. И мы сознаем большую свою ответственность перед Богом. Наше дело — нести свет Евангелия, свет тех истин, которые открылись в период реформации. Только с добрым сердцем и чистой совестью можно делать это успешно.

И все же мне хотелось бы коснуться одного обстоятельства, которое может негативно сказаться на межконфессиональных отношениях. Новый закон о свободе совести провозглашает равенство всех конфессий, однако мы постоянно ощущаем известную ущемленность в правах в сравнении с православной церковью. Она сегодня и на трибунах, и на экранах, православные иерархи с государственными деятелями едва ли не рука об руку... А другие церкви? Или они не патриотичны, не заботятся о благоденствии своей страны?

Хотя государство исповедовало и все еще продолжает исповедовать атеизм, очевидно, как-то подсознательно его лидеры всегда воспринимали православие как свою, «нашу» религию, а все остальные вероисповедания — как «чужие», связанные с «империалистическими» центрами, потому опасные и нуждающиеся в жесткой узде. Надо сказать, в этой психологии серьезных изменений еще не было и нет.

Нельзя отрицать, что православная церковь имеет многовековую историю, она много дала и национальной государственности, и культуре России. Но аргумент в пользу привилегий этой церкви, который заключается в том, что она «большая», не выдерживает никакой критики. Известно, чем обернулось деление народов на большие и главные и малые, а потому не имеющие самоценности. Сегодняшние трагедии, национальные и межнациональные проблемы — яркий пример того, как не следует делать. Дабы не провоцировать межконфессиональные конфликты, необходимо учесть этот опыт.

Обращаясь в органы государственной и местной власти с просьбой решить проблемы, давно решенные в отношении православной церкви, мы постоянно натыкаемся на бюрократи-

ческие проволочки и препоны. Вот наша реальность. В свое время адвентисты имели в Москве 5 молитвенных домов. Сегодня же мы арендуем на несколько часов в неделю часть молитвенного дома, который, в свою очередь, арендуют баптисты. У нас с ними хорошие отношения, но ведь и с добрыми соседями жизнь в коммуналке сложна. А чего стоит история с организацией нашей духовной семинарии! Мы обращались за разрешением арендовать для нее помещение и к московским властям, и к тульским, но от тех и других получили отказ, потому что, как нам объяснили, Москва — столица, а Тула — город-герой. Как же можно в них — да адвентистскую семинарию! Слава Богу, обосновались в Тульской области, так как принципиальное разрешение на организацию учебного адвентистского заведения все же было получено.

А знаете, как это было? После долгих поисков мы облюбовали развалины бывшей средней школы, заросшие деревьями, заваленные мусором. Правда, развалины были немалыми, и уже это мы считали за счастье. В ночь того дня, когда было получено разрешение здесь строить, приехал наш десант, чтобы с раннего утра уже начать работы, пока не отняли наше сокровище. А была зима, 30 градусов мороза, и люди терпели до утра. Начали строить, а нам указание: чтобы никаких архитектурных «излишеств» и чтобы здание не было видно из-за растущих здесь деревьев... Спасибо бывшему председателю Совета по делам религий К. М. Харчеву, очень он нам помог.

— Непросто решался вопрос и о земле для подсобного хозяйства при семинарии.

— Трудности были, но все же нам выделили два гектара земли, а когда увидели, что на почве, считавшейся неплодородной, начинает что-то расти, предоставили еще 20 гектаров. Теперь за ее обработку мы даже получили благодарность местных Советов. На ферме мы выращиваем экологически чистые овощи.

Конечно, дела идут все лучше. Нам выделили землю для строительства библиотеки — она будет на 100 тысяч книг. Это будет первая протестантская библиотека, в фондах которой соберется христианская и нехристианская литература разных издательств мира, различных богословских школ. Мы хотим, чтобы в конце концов она стала особым культурным центром богословской мысли. Еще мы строим общежитие при семинарии, магазин для реализации продукции фермы, издательство, для которого уже получили от наших единоверцев из-за рубежа современную линию, способную выпускать до миллиона Библий в год.

— Адвентисты известны особым отношением к здравоохранительной деятельности.

— Вы правы. Наряду с проповедью Евангелия, просветительской деятельностью наша церковь во всем мире известна тем, что исполняет заповедь Христа — исцеляй, отсюда и особое отношение к медицине. АСД в мире имеют крупную сеть и медицинских учебных заведений, и больниц, где оказывают помощь всем нуждающимся. Причем особое внимание уделяется профилактике заболеваний — это главное. При Генеральной Конференции есть международная организация, которая наработала огромнейший опыт по борьбе с курением, алкоголизмом, наркоманией и другими пороками. Эта организация объединяет крупных ученых и врачей. Мы планируем открыть ее отделение и в Москве. Кстати, здесь мы уже оборудовали клинику «Вайбраит Лайф», что в переводе с английского значит «Жизнь, бьющая ключом», мы будем приглашать сюда для консультаций видных специалистов со всего мира. А во Владимире нам выделили 50 гектаров земли для создания специализированного санатория.

— Я слышала об открытии адвентистских кооперативов.

— Да, такие кооперативы существуют, как правило, строительные. Но к церкви они отношения не имеют — просто объединения предпринимателей-адвентистов, которые работают, надо сказать, довольно успешно.

— Получив открытый доступ к социальному служению, адвентистская церковь начала и активную благотворительную деятельность. Пожалуйста, расскажите, в каких направлениях она развивается.

— Мы помогаем в первую очередь тем, кто, на наш взгляд, больше всего нуждается в помощи: дети в детских домах, одинокие больные старики и люди, оказавшиеся в колониях. Наша церковь имеет свой хор, музыкальные коллективы. Средства, вырученные от концертов, мы перечисляем в детские дома. Одним из скромных шагов, предпринятых нами, было строительство спортивного зала в одном из детских домов. Все мы сделали собственными силами, для детей, живущих буквально в трущобах.

Очень важное дело — помощь больным. Члены нашей церкви, зачастую пенсионеры, ухаживают за парализованными. Это очень тяжелая работа. Когда наши люди пошли в больницы, медперсонал охотно устранился от исполнения самых элементарных своих обязанностей, но, увидев, как самоотверженно адвентисты помогают больным, зачастую придя после работы, некоторые стали внимательней и добросовестней исполнять свои обязанности. Вообще при той организации, которая существует в отечественных больницах, работать очень трудно даже нам. Поэтому мы думаем создать свою больницу или хотя бы взять подряд в одном из районных отделений, где наши врачи, молодые энтузиасты, могли бы показать пример христианского отношения к больному.

По воскресным дням члены наших общин бывают в колониях. Мы собираемся издавать на свои средства газету для осужденных.

— После стольких гонений, стольких жертв, о которых невозможно забыть, ваша церковь стремится помогать обществу. А что делается сегодня для реабилитации репрессированных членов церкви АСД?

— Мы не клеймим ни НКВД, ни КГБ, не собираем комиссий по реабилитации,— на все суд Божий. Людей, положивших жизнь за веру, теперь не вернуть. Мир несовершенен, абсолютная справедливость недостижима ни в каком обществе, и наша задача в этом мире — дать опору живым в христианской морали, она очистит и украсит их бытие. В жизни мы противостоим злу терпением и добрыми делами.

— В последние годы определилась заметная тенденция, в том числе и среди верующих ряда конфессий, к эмиграции. Коснулся ли этот процесс адвентистов?

— Нет. Можно говорить лишь о единичных случаях в связи с браком. Наши цели обращены к небесному жительству, и эмиграция, в частности, ради материальных благ у нас не поощряется, а для другой нет оснований. Земная жизнь, где бы она ни протекала,— наш временный дом, и наша миссия в нем — проповедовать Евангелие. Мы будем исполнять ее до конца там, где живем.

«Министерство внутренних дел
Департамент духовных дел
иностранных исповеданий
6 ноября 1906 г. № 5532

Господину губернатору

Высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 28 марта 1879 г. секте баптистов предоставлено исповедовать их вероучение, отправлять общественное богослужение в устроенных ими или отведенных ими для сего, с разрешения губернаторов, домах с возложением на местные гражданские власти ведения метрических записей браков, рождений и смертей баптистов.

Ныне правительствующий сенат указом от 14 марта 1906 г. за № 2783 разъяснил, что учение адвентистов представляется схожим с учением баптистов и может быть рассматриваемо как один из видов последнего, а так как баптистам по ст. 1106 Устр. иностр. исповедан. разрешено свободно исповедовать их вероучение, то нет достаточных оснований к отказу в том же и адвентистам.

Ввиду сего и в целях устранения неопределенности в вероисповедном положении адвентистов, насчитывающих в России около 3000 приверженцев, я признаю необходимым разъяснить, что на секту адвентистов распространяются действия всех правил, установленных для баптистов...

Министр внутренних дел
П. СТОЛЫПИН».

Фото ТАСС.

В Заокской семинарии открыто сельскохозяйственное отделение, которое готовит «мастеров-овощеводов широкого профиля». Первый курс лекций здесь прочел американский профессор Миттлайдер. Ректор семинарии М. М. Кулаков (справа) вручает ему подарок.

Заокская семинария АСД

Одиннадцатый дивизион

Ответственный работник Совета по делам религий[1] при Совете Министров СССР Е. В. ЧЕРНЕЦОВ дал интервью нашему корреспонденту.

— Евгений Васильевич, как вы охарактеризовали бы основные этапы адвентистского движения в нашей стране?

— Адвентисты в России появились еще до известной записки Столыпина от 6 ноября 1906 года. Отношение к ним и царских чиновников, и православной церкви было таким же, как и ко всем штундистам[2]. С момента этой записки и вплоть до 1927—1928 годов каких-либо официальных или административных гонений на адвентистов седьмого дня не было. В этот период они издавали свою литературу, имели учебные заведения, практически беспрепятственно открывали и содержали молитвенные дома. По данным Российского союза союзов в конце 1916 г. в России насчитывалось 269 адвентистских общин с 6085 членами секты. Евангельскую работу вели 78 специально подготовленных работников, которые распространяли «спасительную весть» «от Тихого океана до немецкой границы, от Северного Ледовитого океана до жаркой Бухары»[3].

Однако среди российских адвентистов начались разногласия в связи с отношением к службе в армии. Зародились они, правда, не на российской, а на европейской почве,— с началом первой мировой войны и со смертью духовного вождя АСД — Елены Уайт. Раскол произошел в 1926 году, когда на съезде в Германии была создана организация адвентистов-реформистов, категорически отрицавших участие в войнах. В нашей стране раскол произошел двумя годами раньше, на 5-м Всесоюзном съезде АСД, когда часть делегатов выступила против принятия обращения о лояльности к Советской власти. Они вышли из общины и создали свою организацию.

В 1928—1929 годах начались гонения на адвентистов, как и на остальные «малые» протестантские движения. Из 200 имевшихся в 1929 году проповедников к началу 50-х годов осталось всего двое. 198 были репрессированы.

— Известно, что в 1943—1944 годах отношение Сталина к религиозным организациям изменилось. Отразилось ли это на судьбе адвентистского движения?

Адвентистам седьмого дня, так же, как и евангельским христианам-баптистам, разрешено было создать централизованную организацию, хотя, с точки зрения Генеральной Конференции АСД, ее руководство было неканонично, и это вызвало внутреннее напряжение и разногласия.

— А 50-е годы? Были ли они для адвентистов более или менее спокойными?

— По сравнению с 30-ми — безусловно. После смерти Сталина изменилась духовная атмосфера в стране, началось возвращение с «архипелага ГУЛАГ». Менялось к лучшему и отношение к адвентистам и другим протестантским церквам, хотя и медленнее, чем к православию.

— Ну, а потом, как известно, наступило время «сокращения сети религиозных организаций». Наш журнал уже писал о масштабах этого «сокращения». Так, за шесть месяцев 1961 года закрылось 880 православных храмов. Волна повального «сокращения» накрыла, очевидно, и адвентистов?

— Конечно, пострадали все конфессии, но тогда более всех пострадала, как это ни странно, именно православная церковь. Очевидно, дело в том, что Русская православная церковь — самая крупная религиозная организация, к тому же с достаточно прочной иерархической структурой. Однако давление властей и на православную церковь, и на протестантские конфессии было, в сущности, одинаковым. Только велось оно разными методами. Православный храм закрывали административным путем, а в протестантской общине провоцировался раскол, в результате которого возникали общины, действующие нелегально, то есть нигде официально не числящиеся. Это устраивало и местные, и центральные власти, ибо улучшало отчетность, реальное же положение дел в расчет не принималось.

Был еще и такой метод. Вместо регистрации вновь возникающих общин, тех же, например, адвентистов, их оформляли как филиалы. Таким образом достигалась не только «стабилизация» сети религиозных организаций, но ее «сокращение». Лишь в начале 70-х годов наметилась

[1] *Месяц спустя после интервью преобразован в Экспертно-консультативный совет.*

[2] *Штундисты — христиане-протестанты, название которых происходит от совершения, помимо общественного богослужения, молитвы в определенные часы (нем. Stunde — штунде, букв. «час»).*

[3] *Г. И. Лебсак. Великое адвентистское движение и Адвентисты седьмого дня в России. Киев, 1918, с. 286.*

нормализация отношения к религиозным организациям. Процесс этот шел и трудно и противоречиво вплоть до 1986 года, когда ситуация коренным образом изменилась.

— Да, сегодня изменения в этой сфере к лучшему очевидны. Как это сказалось на церкви Адвентистов седьмого дня?

— Церковь Адвентистов седьмого дня СССР получила по решению Генеральной конференции АСД статус дивизиона — наиболее крупного регионального подразделения. Это означает и признание каноничности структуры, и руководства церкви АСД в нашей стране, в чем было в свое время отказано. Если же говорить о внутренней жизни церкви АСД, то она стала среди других протестантских церквей наиболее активна не только в проповеди, но и в практических делах. Еще в ту пору, когда подобная деятельность отнюдь не поощрялась, адвентисты на свой страх и риск построили учебный корпус для Желыбинской школы-интерната. Кстати, когда шла проработка нового закона, первые и наиболее радикальные предложения дали именно адвентисты. Они выдвинули несколько значительных проектов в области медицины и просвещения, таких как открытие в Ленинграде детского кардиохирургического центра, где предусматривается обмен специалистами с таким же центром в США, поставка современного оборудования, а в дальнейшем — развертывание целой сети подобных центров.

Недалеко от Заокского, где сейчас находится административно-учебная резиденция АСД, создается реабилитационный детский комплекс под руководством В. Дикуля. Подобных примеров немало. Словом, сегодня церковь Адвентистов седьмого дня активно реализует свои интересы, причем они вполне соответствуют интересам общества. Можно сказать, что в ее деятельности на первый план заметно выходит социальное служение.

— А что можно сказать о реальных правах и возможностях церкви АСД по сравнению с Русской православной церковью?

— Закон требует одинакового отношения ко всем церквам — будь то традиционные, «большие», как их называют по числу последователей, или «малые».

— В одном из своих выступлений генсек Российской компартии И. К. Полозков заявил, что церковь является естественным союзником партии, очевидно, имея в виду именно Русскую православную церковь.

— Да, большинство государственных деятелей, когда говорят о церкви вообще, то имеют в виду, как правило, именно Русскую православную церковь, ибо плохо представляют себе те реалии многоконфессиональности, в которых мы живем. Кое-кто, правда, помнит еще и о католиках, мусульманах, но уж о «малых» — протестантских — церквах нет и речи. Большинству они мало известны.

— Однако верующие, по моим наблюдениям, эту дискриминацию замечают и ощущают. Например, у нас спрашивают, почему центр Русской православной церкви находится в Москве, а центр АСД — в Тульской области? А ведь АСД — это организация с большими международными связями.

— Конечно, положение ненормальное. Центр в Москве — это удобно и выгодно, как самой церкви, ее зарубежным партнерам, так и государству. Неравенство церквей в жизни, к сожалению, сохраняется. Видимо, и государство, и общество еще не созрели до приятия «малых» церквей в качестве равноправных религиозных организаций. Это относится и к адвентистам седьмого дня.

— А газеты, журналы, радио, телевидение? Здесь, на мой взгляд, провозглашенное и закрепленное в новом законе равенство вероисповеданий никак не отразилось.

— Мне кажется, дело еще и в том, что журналистам гораздо легче показывать православные храмы и их священников, нежели «малые» церкви. В первом случае хватает простой зрелищности, во-втором — нужна психологичность, внутренняя драматургия. А для этого требуется профессионализм, который в журналистике тоже в дефиците.

Кстати, хотел бы заметить, что истинная свобода совести требует уважения и к убеждениям атеистов.

Беседовал В. ХАРАЗОВ

ФИЛОСОФСКИЕ ЧТЕНИЯ

ДОБРО

КАК ПРАВДА

Этическая концепция В.Соловьева

«АЗ ЕСМЬ ПУТЬ И ИСТИНА И ЖИЗНЬ»,— эти слова Христовы могли бы стать эпиграфом ко всем творениям Владимира Соловьева. Его концепция, как и всякая христианская философия, христоцентрична и вместе с тем антропоцентрична. В чем состоит высокое предназначение человека, какому жизненному пути надлежит ему следовать, если он считает себя христианином? Вот основной вопрос, который ставит В. Соловьев в одной из позднейших своих работ «Оправдание добра».

В предисловии ко второму изданию этого произведения автор пишет: «Назначение этой книги — показать как правду, то есть как единственный правый, верный себе путь жизни во всем и до конца — для всех, кто решится предпочесть его.»* Не вдаваясь в критику тех или иных положений

Марк СМИРНОВ,
священник

«Оправдание добра» — сочинение, написанное за чрезвычайно короткий срок — всего за три года, в 1897 году оно было закончено и вскоре издано. До конца жизни оставалось еще три года, и, отставив в сторону литературную критику и публицистику, которой был так увлечен до последнего времени, Владимир Соловьев торопится завершить свои труды по теоретической философии. Он словно бы предчувствует близкий конец. Нет, речь не только о финале его земного бытия, гораздо важнее было для философа его предощущение эсхатологического конца российской истории, предчувствие приближающегося царства Антихриста, когда даже церковь окажется служительницей его культа и уклонится от прямого исповедания Христа, когда «большинство иерархов, священников и монахов признают Антихриста своим владыкой».

В. Соловьев один из первых почувствовал обреченность империи, первый прочел на ее лице черты грядущей катастрофы. Революции и войны, завершившиеся кровавым ужасом тридцатых годов, готовили и финал драмы Церкви — она преклонилась-таки перед безбожным тираном и восславила его как «богоданного мужа» и «идеала для всякого человека». Как и в «Повести об Антихристе» В. Соловьева, верной Христу осталась только горстка христиан, предпочитавших этому унижению Церкви тюрьмы и лагеря.

Как не вспомнить тут слова другого русского философа В. В. Розанова, в идейных спорах частого противника нашего героя: «Зачем мы ссорились с Владимиром Соловьевым? Ведь мы оба были пророки...» В. В. Розанову также явственно представилась новая трагическая эра русского православия, которое в борьбе с безбожием, в лице своих мучеников, отрешившись от имперского духа «господствующего исповедания», уйдет в катакомбы, где, облачившись в «черные ризы», придет в храм, «где все другое», где «на место одних книг приготовляются другие главные...»

В период работы над «Оправданием добра» Соловьев переживает кризис теократической идеи. В Российской державе он видит не мессианский идеал с ее всемирной задачей — осуществления правды Христовой на земле, а империю угнетения, попирающую гражданские и религиозные свободы. Он больше не верит в возможность союза царя, первосвященника и пророка. В этой триаде остался только пророк. Вероятно, таким пророческим служением Соловьев считал свою миссию, свое жизненное предназначение.

Он ставит перед собой цель: построить ясную и определенную систему христианской философии, без которой проповедь Евангелия, в ее эсхатологическом значении, невозможна. Что он имел в виду? В Евангелии от Матфея Иисус, отвечая на просьбу учеников, рассказывает на горе Елеонской о приметах кончины мира. Сказав о грядущих войнах, о восстании народа на народ, о гладе и море, о гонениях на христиан, совершенно неожиданно для учеников Иисус говорит: «И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец».

Вот эти-то слова Христа Соловьев берет за основу своих размышлений и считает необходимым сделать доступной всякому человеку истину о Христе, но не внешним распространением, а сознательным исповеданием Христа, где христианская философия служила бы рациональным обоснованием веры. Для Соловьева это значило «оправдать веру отцов», «оправдать добро» — то есть божественное начало в мире и человеке — и тем самым подготовить то «малое стадо» верных Христу последователей, которое сможет выстоять в единоборстве с Антихристом.

Таким образом, теоретическая философия Соловьева — это, прежде всего, христианское осмысление человека и истории с их неизбежной борьбой добра и зла.

Этическая система Соловьева и сегодня, как и в конце XIX века, имеет непреходящее значение — это единственная в русской философии законченная концепция христианской нравственности. И его вера в неистребимость добра, пребывающего в человеке, быть может, еще более, чем прежде, насущна нам, духовным наследникам Соловьева, свидетелям трагической истории века двадцатого.

этой книги, попробуем на ее основе дать по возможности полную характеристику этической системы Соловьева в том виде, в каком она окончательно сложилась к концу его жизни.

Соловьев начинает с определения нравственного смысла жизни. Он не приемлет различные пессимистические теории, находя противоречие в действиях их создателей, которые, отрицая всякий жизненный смысл, тем не менее опровергают самих себя, продолжая жить. Он называет их несерьезными отрицателями, противополагая им «серьезных» отрицателей, т. е. самоубийц. Размышляя об этой категории людей на примере литературных и исторических персонажей — Ромео, Вертер, Клеопатра — он приходит к выводу, что их отрицание смысла жизни вытекало из крайне узкого представления о нем самом, поскольку связывался он с осуществлением личных, пусть даже возвышенных интересов или с торжеством политической, а значит исторически преходящей идеи. Тем не менее сами факты самоубийств как отражение краха воображаемого идеала свидетельствуют о том, что и для самоубийц жизнь имела определенный смысл.

В. С. Соловьев не разделяет и взгляда Ф. Ницше, получившего в ту пору широкое распространение. Великий имморалист считал, что смысл жизни содержится в ее эстетической стороне: имеет право на существование лишь то, что сильно, красиво, величественно.

Возражая ему, Соловьев приводит в пример Александра Македонского, являющего собой чуть ли не хрестоматийный образ силы, могущества и красоты. Покорив многие земли, собрав несметные сокровища, став царем земным, он в итоге, как и все смертные, «паде на ложе и позна яко умирает» (1 Мак. 1:5). И философ спрашивает: «Разве сила, бессильная перед смертью, есть в самом деле сила? Разве разлагающийся труп есть красота? Древний представитель силы и красоты умер и истлел, не иначе, как самая бессильная и безобразная тварь, а новейший поклонник силы и красоты заживо превратился в умственный труп». Не значит ли это, что конец всякой здешней силы есть бессилие, и конец всякой здешней красоты есть безобразие» (с. 87).

* *Соловьев В. С. Философское наследие. Соч в 2-х тт., М., 1988. Т. I, с. 79. Далее при цитировании в тексте указываются страницы этого тома.*

И они, мнимые и призрачные — от тщеты, и только та сила и красота божественны и значит истинны, что неразрывно связаны с добром.

Далее Соловьев выступает против теорий, которые, признавая, что смысл жизни в добре, рассматривают его как нечто данное раз и навсегда и осуществленное в непреложных формах (семья, государство, историческая церковь), забывая, что все эти формы суть исторические институты, постоянно развивающиеся и не носящие характера всеобщности. Он не может согласиться и с противоположной позицией, с тем, что добро существует только в субъективных состояниях человека, в его личном добром отношении к людям. Оба этих противоположных положения по мнению философа ошибочны, ибо ищут добро не там, где оно есть, и придают значение безусловного тому, что по природе своей условно и преходяще.

Что же такое добро по Соловьеву? Это, во-первых, его чистота или автономия. Оно ничем не обусловлено. Чистое добро требует, чтобы его избирали только ради него самого, без всякой иной мотивации. Здесь определенно сказывается влияние Канта. Во-вторых, это полнота добра. И в-третьих, его сила. В двух последних положениях Соловьев вполне независим от Канта и проводит через них свою идею всеединства.

Идея добра присуща человеческой природе, то есть «человек в принципе или по назначению своему есть б е з у с л о в н а я внутренняя форма для добра как безусловного содержания» (с. 96). Нравственный закон написан в человеческом сердце. Философ выступает против тех, кто утверждает, что нравственность целиком вытекает из положительной религии. Разумеется, говорит он, истинная религия помогает и даже дает своим приверженцам силы исполнять добро, но сама она не является источником, во всяком случае, единственным источником нравственности. При этом философ ссылается на «самого великого поборника прав веры — апостола Павла»: «ибо когда язычники, не имеющие закона по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, в чем свидетельствуют совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Римл. 2:14—15).

Действительно, на земле много различных религий, но нравственные нормы их близки друг другу. Когда христианский миссионер убеждает язычника в нравственном превосходстве христианства, он все-таки предполагает наличие у своего слушателя хотя бы в скрытом состоянии тех же нравственных норм, что и у него. Значит, существуют общие, «написанные в сердце» нормы морали и у христианина, и у язычника. Искони присущую человеку веру в нравственный порядок философ склонен называть естественной религией.

Нравственность, по мнению Соловьева, независима также от теоретической философии. Разум только развивает, на почве опыта, изначала присущую ему идею добра. Но само это знание (знание что́ есть добро) еще не способно направить человека на путь нравственного подвига, точно так же, как при недостаточном разумном понятии о том, что есть добро, впору натворить бед. Авраам при величайшей нравственной восприимчивости, но неясном представлении о существе добра принимает решение принести в жертву Богу своего сына Исаака. В противоположность ему «развращенное сердце и при полном знании должного заставило пророка Валаама предписаниям высшей воли предпочесть царские дары» (с. 117).

Таким образом, мысль Соловьева сводится к тому, чтобы совершенно сознательно и свободно подчинить нашу волю от природы заложенной в нас идее добра, идее лично продуманной, «разумной».

Что же есть добро в человеческой природе? Естественная нравственность, по мнению Соловьева, коренится в трех свойствах человеческой натуры: чувствах стыда, жалости и благоговения.

Чувство стыда должно напоминать человеку о его высоком достоинстве. Оно выражает отношение человека к творению низшему в сравнении с ним. Смысл его в том, что человек стыдится проявлений своей животной природы, прежде всего, в ее самом коренном процессе — половой любви. Тем самым он доказывает, что является не только природным существом, но и имеет особое, лишь ему присущее сверхприродное значение. Это значит, что чувство стыда есть чувство специфически человеческое, которого полностью лишены даже самые высокоорганизованные животные — лошади, собаки, обезьяны. Первое, что сделали Адам и Ева, вкусив от дерева добра и зла — опоясание из листьев смоковницы. «Я стыжусь своей животности,— заключает свою мысль Соловьев,— следовательно, я еще существую как человек» (с. 124). Не только физически существую, но и нравственно. И далее он пишет: «Материалистическая наука тщетно пыталась бы дать со своей точки зрения удовлетворительный ответ на столь давно поставленный человеку вопрос: кто возвестил тебе, что ты наг?» (с. 124). Ответ на него был бы прост, «если бы удалось связать этот нравственный факт с какою-нибудь материальною пользою для особи или для рода в борьбе за существование... Но именно такой связи и невозможно найти» (с. 124—125).

Второе нравственное начало человеческой природы есть чувство жалости. В нем заключается, по Соловьеву, источник всех отношений к себе подобным, то есть к людям. Человек ощущает чужое страдание и отзывается на него с большей или меньшей степенью болезненности и активности, проявляя таким образом солидарность с другими. Зачатки этого чувства есть и у животных, особенно в отношениях детенышей и родителей. Поэтому, говорит Соловьев, «если человек бесстыдный представляет собою возвращение к скотскому состоянию, то человек безжалостный падает ниже животного уровня» (с. 127).

И наконец третье — чувство благоговения. Оно выражает отношение человека к высшему началу. Это чувство преклонения перед высшим составляет основу любой религии.

Было бы примитивно выводить истоки религии всего лишь из страха или своекорыстия, хотя эти низшие чувства, безусловно, также способствовали ее зарождению и развитию. Но глубочайшим ее основанием является религиозно-нравственное чувство благоговейной любви человека к тому, что превосходнее его самого. Философ выводит это из благоговейного, религиозного отношения человека к родителям и предкам.

Итак, чувства стыда, жалости и благоговения охватывают в основе своей всю область возможных нравственных отношений человека к тому, что ниже его, равно ему и выше его. И стыд, и совесть (как развитие того же стыда) произрастают из одного корня, причем корня чисто человеческого свойства. Следовательно, такая первичная нравственность «есть не что иное, как реакция духовной природы против грозящего ей подавления и поглощения со стороны низших сил — плотской похоти, эгоизма и диких страстей» (с. 134).

Исходя из этого, Соловьев развивает положения своей нравственной философии. Прежде всего, он указывает на те принципы, которые, основываясь на указанных первичных элементах нравственности, в различных этических учениях прошлого попеременно выступали на первый план. Таких принципов три: 1) принцип аскетизма, 2) принцип альтруизма и 3) принцип религиозный.

Начнем по порядку. Автор пишет:

«Самоутверждение нравственного достоинства — полусознательное и неустойчивое в простом чувстве стыда — действием разума возводится в **принцип аскетизма»** (с. 135). Это, однако, не значит, что отрицается материальная природа вообще. Даже в крайне аскетических религиозно-философских системах Индии, например, в буддизме — нет отождествления материальной природы со злом. Предметом отрицания в аскетизме является излишняя активность низшей природы, которая стремится сделать разумного человека своим орудием или бесполезным придатком физического процесса. Но человеческий разум властно диктует, чтобы природная жизнь человека обязательно была подчинена жизни духовной. Аскетизм возводит в принцип все то, что способствует победе духовного над чувственным. Добиться этого возможно путем отречения или воздержания от всего того, что этому препятствует. Основное требование аскетизма сводится к следующему: подчиняй плоть духу, насколько это нужно для его достоинства и независимости. Напротив, недостойно человека быть закабаленным слугой материи, рабом своей материальной природы.

Эта идея достойного и недостойного бытия и есть по сути проблема добра и зла. И хотя цель жизни есть добро, но низшее, животное в человеке стремится нивелировать высшее, и в этом смысле являет собой зло. Так возникают два противоборствующих начала — духовное и плотское.

Но не следует смешивать, замечает философ, понятие плотского с понятием телесного. «Тело,— пишет он,— и с аскетической точки зрения, есть «храм духа», тела могут быть «духовными», «прославленными», «небесными», тогда как «плоть и кровь царства Божия не наследуют». «Плоть есть животность возбужденная, выходящая из своих пределов, перестающая служить основой духовной жизни...» (с. 14). Следовательно, не сама по себе, а только в этом своем дурном отношении к духу материальная природа человека есть то, что по библейской терминологии, называется плотью. Однако аскетизм не может быть какой-то самоцелью. Ведь человек способен подчинить себе свою низшую природу и для злых целей. Самодовлеющий аскетизм ведет к гордыне и лицемерию. И разве среди аскетов не встречаются жестокие эгоисты? Более того, замечает философ, такой «праведник» гораздо хуже в моральном плане, чем простодушный пьяница, сострадательный развратник. «Служители средневековой церкви, мучившие и сжигавшие еретиков, евреев, колдунов и ведьм, были по большей части люди в аскетическом смысле безупречные, но односторонняя сила духа, при отсутствии жалости, делала их воплощенными дьяволами» (с. 153).

Следует вывод: принцип аскетизма имеет нравственное значение лишь тогда, когда он соединен с принципом альтруизма.

Альтруизм имеет глубинные корни в человеческой природе. Его основа — чувство жалости. И если чувство стыда выделяет человека из животного мира и противопоставляет его всей прочей природе, жалость, напротив, связывает человека со всем живым миром. При этом нравственным может быть только сострадание, а не сорадование, ибо последнее может быть и аморальным, например, пьяница может сорадоваться пьянству других. Напротив, сочувствие страждущему заставляет страдать и нас, в противовес нашему эгоизму, и значит сострадание не имеет своекорыстных мотивов (поиска удовольствия). Следовательно, это чувство чисто альтруистическое.

Однако, придавая исключительно важное значение жалости, Соловьев возражает Шопенгауэру, когда тот утверждает, что это чувство является единственной основой нравственности. Не следует смешивать жалость или сострадание с непосредственным отождествлением себя с другим, как это представляется Шопенгауэру. Согласно Соловьеву, когда человек жалеет другого человека или животное, он не принимает себя за него, а видит в нем подобное ему существо, желающее жить, и признает за ним это право так же, как и за собой. Из идеи жалости, таким образом, вытекает идея справедливости, основной признак которой заключается в следующем: поступай с другими так, как хочешь, чтобы они поступали с тобой. Это является общим правилом альтруизма, которое Соловьев расчленяет на два частные правила: 1) не делай другому ничего такого, чего себе не хочешь от других, 2) делай другому все то, что сам хотел бы от других.

Первое правило Соловьев называет правилом справедливости, второе — милосердия, и они нераздельны. «Между этими двумя сторонами или степенями альтруизма,— пишет философ,— есть действительное различие, но нет и не может быть противоположности и противоречия. Не помогать другим значит уже обижать их; человек последовательно справедливый непременно будет исполнять и обязанности милосердия, а человек истинно милосердный не может быть в то же время несправедливым» (с. 168).

Рассмотрев два принципа нравственности — аскетизм и альтруизм, Соловьев переходит к анализу третьего принципа — религиозного. Нравственные правила справедливости и милосердия хотя и включают в свой объем всю область живых существ, но не покрывают всех отношений даже между людьми. Например, уже в отношениях малолетних детей к родителям проявляется чувство, которое никак нельзя свести к справедливости или милосердию. В нем есть нечто специфическое. Ребенок непосредственно признает превосходство родителей над собой и свою зависимость от них, он чувствует к ним благоговение. В этом благоговении детей к родителям заключается, по мнению Соловьева, зародыш религиозной нравственности.

Не то же ли самое происходит с человечеством в его развитии на ранних стадиях? Автор оспаривает ту точку зрения, согласно которой истоки религии следует искать в фетишизме и культе природных сил. Ведь если признать камень или деревяшку за существо высшего порядка, значит уже в своем сознании нужно иметь понятие о высшем существе. И значит не страх перед силами природы, а смерть на ней — благоговейное почитание умершего предка, прародителя — дали человечеству первых богов. «Не в виде случайных фетишей и рукодельных идолов, а также не в виде величественных или грозных явлений природы, а в живом образе **родителей** впервые воплощается для младенствующего человека идея Божества. Поэтому, вопреки господствующему мнению, с самого начала в религии нравственный элемент имеет хотя не исключительное, но весьма важное значение. По своей первоначальной идее божество имеет преобладающий характер П р о в и д е н и я» (с. 174).

В древнейшую, матриархальную эпоху Провидение воплощалось в образе матери. С установлением патриархальных отношений роль матери начинает ограничиваться функциями кормилицы и первой воспитательницы. Достигая сознательного возраста, ребенок видит, что сама мать находится в зависимости от другого, высшего, более сильного существа — отца, кормильца и защитника всей семьи. На него-то и переносится религиозное почитание. Подобную эволюцию проходит и все человечество.

Религиозное отношение детей к родителям проявляется в полной мере

и после смерти родителей. На этом почитании основывается культ предков — религия, характерная в разные эпохи для всех народов. Отец при жизни становится как бы кандидатом в боги, посредником между действительным богом и потомками. «Едва ли,— замечает Соловьев,— можно сомневаться, что прообразом духов были души умерших предков (в Литве и Польше общее имя для всяких духов есть **деды** — дзяды; у нас стихийные духи — **дедушка** водяной, **дедушка** леший, также **хозяин** домовой)» (с. 176). Философ подчеркивает, что при самых различных религиозных представлениях — от первобытных культов до христианского поклонения Отцу Небесному — нравственной сущностью религии остается одно и то же: сыновнее отношение к высшему, признание своей зависимости от чего-то невидимого и неведомого. Естественно возникает вопрос, имеет ли смысл то, от чего я завишу. Если нет, то и мое зависимое существование также бессмысленно. Если же признать за этим высшим смысл, значит обрести разумность мировой связи и целесообразность во всем, что делается во вселенной.

Человек всеми своими сознательными силами противится тому, чтобы оказаться явлением случайным в мире или бессмысленным. «Сознательно и разумно делать добро я могу только тогда, когда верю в добро, в его объективное, самостоятельное значение в мире, т. е., другими словами, верю в нравственный порядок, в Провидение, в Бога. Эта вера логически первее всех положительных религиозных воззрений и установлений, равно как и метафизических учений, и она в этом смысле составляет то, что называется естественною религией» (с. 180).

«Добродетельный человек есть человек, **каким он должен быть.** Другими словами добродетель есть нормальное или **должное отношение** человека ко всему» (с. 185). Рассматривая как добродетель три основы нравственности — стыд, жалость и религиозное чувство — Владимир Соловьев логически выводит троякий характер должного, в зависимости от отношения человека к тому, что выше, ниже его и или подобно ему.

В самих нравственных отношениях изначально заложена тройственность. Взять, к примеру, такое эмоциональное состояние как энтузиазм. Рожденный высокими принципами и идеалами он, безусловно, выступает как добродетель. По отношению к несерьезным вещам он представляет собой досадную слабость, а направленный на предметы низкие становится постыдной манией. Следовательно, сами по себе качества характера нравственно нейтральны и, в зависимости от сферы своего приложения, могут выступать то как добродетели, то как пороки. Точно так же, храбрость, которую мы чаще всего воспринимаем как добродетель, может оказаться пороком при храбром совершении бесчинства. Ложь, направленная на спасение жизни невинного человека, может стать добродетельным поступком, в то время как правдивость с обратным результатом едва ли можно квалифицировать таким образом. Даже мудрость не всегда является добродетелью, если вспомнить хотя бы библейского «змия», «мудрейшего из животных земных».

Основательному анализу подвергаются и три так называемые богословские добродетели: вера, надежда и любовь. Не всякая вера, подчеркивает философ, есть добродетель. Например, вера в философский камень или вера бесов, которые веруют в Бога и «трепещут», не является добродетелью, ибо в первом случае она направлена на предмет вымышленный, нереальный, а во втором случае, хотя и относится к предмету абсолютно реальному и достойному, но относится к нему недостойным образом: вместо радости и благоговения — с ужасом и отвращением. Следовательно, добродетелью может почитаться лишь вера в высшее существо, отношение к нему с сыновним благочестием. Не является добродетелью и надежда, когда речь идет о надежде «на князи и сыны человечестии» или надежде на Бога в ожидании от него лишь материальных благ. Добродетелью является лишь та надежда, которая относится к Богу как к источнику истинного грядущего блага. Наконец, третья величайшая добродетель — любовь — не является таковой, когда направлена на предметы суетные и греховные. Лишь любовь к Богу и ближнему есть добродетель в высшем смысле этого слова.

Жить по добродетели, по разумению долга, как пишет Соловьев, трудно, и потому такая праведность — явление в высшей степени редкое. Философ ставит перед собой задачу: найти такое практическое начало, которое представляя собой нечто не только должное, но и в высшей степени желательное для людей, имело бы силу определять их поведение независимо от естественных склонностей души. Так возникает вопрос: если добро понимается как высшее благо, то в чем это высшее благо заключается.

В этой связи предметом исследования становится так называемая практическая философия — эвдемонизм, имеющая два направления: гедонистическое и утилитаристское.

Гедонизм основан на принципе удовольствия, а оно, удовольствие, ведет человека к гибели. Ведь таким образом развиваются самые дурные и порочные его наклонности. Утонченные же и непагубные наслаждения (наукой, искусством) доступны далеко не всем, да и те, кому они доступны, не спасутся от смерти, тлена и небытия. Так, высшее благо, когда вместо должного поставлено желательное, сводится к удовольствию.

Однако, как отмечает далее философ, человеческая личность не может найти окончательного себе удовлетворения лишь во внешнем благополучии. Индивид, как часть общества, испытывает живейшую потребность в служении общему благу или пользе. В этом состоит принцип утилитаризма. Для Соловьева эта теория несостоятельна, поскольку утилитаризм стремится вывести альтруистические принципы нравственности из природного эгоизма. По Соловьеву, первоначальное определяющее значение в жизни существ принадлежит все-таки не эгоизму, а самоотречению, часто просто неосознанному. Например, рабочие пчелы умирают за общую матку, птица за своих птенцов и т. д. Утилитаризм же основывается на понятии «пользы», согласно которому каждый человек желает пользы прежде всего непосредственно себе, а всякая личная польза имеет основанием общее благо. Поэтому человек, желающий себе пользы, должен желать общего блага и служить ему. На самом же деле та польза, которую желает себе всякий человек, не имеет никакого отношения к абстрактно понимаемому всеобщему благополучию, до которого эгоисту нет никакого дела.

Продолжение следует

«Мне открылась языческая идея — гармония естества»

Александр БЕЛОВ

Имя Александра Белова хорошо известно нашим постоянным читателям — он ведет заочную школу славяно-горицкой борьбы на страницах нашего журнала уже второй год. Надо признаться, открывая школу, мы несколько сомневались — наша ли эта тема, имеет ли отношение к духовным и нравственным поискам воинское искусство, пусть и столь уникальное, как возрожденные усилиями А. Белова и его сподвижников традиционные боевые искусства древней Руси. Однако уроки А. Белова сделали его одним из самых популярных наших авторов. Особенно много писем он получает от молодых, тех, кто стремится к осмысленной и серьезной работе над собой. Дело в том, что славяно-горицкая борьба, как ее разрабатывает Александр,— это не просто боевые приемы. Она пронизана целой системой мировоззренческих, нравственных, религиозных установок, которые сначала реализуются в практике тренировок и постепенно становятся жизненным кредо.

Читатели задают множество вопросов Александру Белову. Наиболее полный ответ на них получат те, кто будет регулярно следить за его публикациями в нашем журнале в течение всего года.

А пока мы познакомим вас с содержанием беседы, которая состоялась в редакции с А. Беловым. Напоминаем, что Александр изучает и постигает историю, мифологию, фольклор, психологию дохристианского славянства.

— Как видно, вы все глубже проникаетесь связью техники славяно-горицкой борьбы с психологическими основами воинского мироощущения. Занимаясь столь серьезно реконструкцией языческих славянских идеалов и принципов, не сделались пи вы и сами язычником!

— Сделался. И не только я. В Москве уже зарегистрирована языческая община. Она возникла не на пустом месте. Языческое движение существует уже довольно давно — и не в одной лишь России. Есть язычники в Армении, в Литве. Я думаю, это естественное следствие процессов национального пробуждения. Что касается меня самого, то, занимаясь реконструкцией боевых техник, я не мог это делать, не погружаясь в породившую их духовную культуру. Древние религиозные верования за долгие века гонений, искажений не исчезли, но стали эзотерической системой. Дело ведь не в том, чтобы точно описать, воспроизвести какой-то образ. Надо проникнуть в его сакральное значение, понять «подтекст», идею.

— Можно сказать, таким образом вы реконструируете славянскую идеологию!

— И да, и нет. Мне хочется осознать все грани славянского миропонимания: жизнь тела, психическая жизнь, мироощущение, жизненная сила, энергия,— все это, если говорить современным языком, целостно, совокупно, интегрированно. Гармония естества — вот языческая идея, которая мне открылась раньше других.

— Слово «язычник» сегодня чаще всего воспринимается негативно. Ведь христианство по своей природе интернационально. Помните, «во Христе нет ни эллина, ни иудея». Язычество же, напротив, в нашем сознании связывается с обособлением, с враждебностью чужому. Известно, что в гитлеровской Германии поощрялись древнегерманские культы, воспитывавшие национальное высокомерие, чувство превосходства по отношению к «неарийцам».

— Вы подняли очень важные вопросы. Да, некоторые понимают язычество как противостояние всем мировым религиям, в частности, христианству. Есть такие взгляды и в нашей общине, но я их не разделяю. Православие, по моему убеждению, было подготовлено языческими мудрецами, волхвами. Как стать интернационалистом, если не познаешь, не ощутишь национальное? Простая аналогия: не уважающий себя, не может уважать другого. Думаю, это относится и к народам.

Язычество по своей сути широко, глубинно и великодушно. Никакие политические движения не должны иметь отношения к его реконструкции. В этом важный момент языческого эзотеризма. Он связан вечными законами природы, а они — вне современных распрей.

— Вопрос о соотношении вечного и современного достаточно сложен. Надеюсь, мы еще будем обсуждать его на страницах журнала. В связи с этим — какие вы видите перспективы в сотрудничестве вашей общины и нашего журнала!

— Они могут быть разнообразны. Сейчас разработана система боя в исконно русских традициях. В основе ее — принцип равновеликого противодействия. Она располагает широким арсеналом эффективных приемов, позволяющих погасить агрессию нападающего, остановить нападающего, не раскручивая при этом схватки боя. Возможно, такое определение и покажется кому-то нарочито мудреным. Но именно такова суть системы, а более ясное представление о ней, я думаю, вы можете получить в цикле бесед, который я с удовольствием подготовлю для вашего журнала. Вообще, язычник по своей природе не агрессивен и закон гармонии всегда руководит им. Согласно этому закону — агрессия рождает агрессию, злоба — злобу. «Око за око» — помните? Поэтому мы ищем форму борьбы, которая способна была бы погасить конфликт.

— Итак, читатель может надеяться на новые встречи с вами!

— Я тоже надеюсь на это.

— Тогда совместными усилиями будем знакомить читателей нашего журнала как можно подробнее с вашими находками.

— Безусловно. Я заинтересован в распространении моих знаний. Я уверен, что проникнувшись языческими идеями, человек обретет достоинство, силу и красоту.

— Спасибо! До встречи на страницах «Науки и религии»!

Беседу записал
В. АХРАМОВИЧ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИКСТЛАН

К. КАСТАНЕДА

29 июня 1961 г., суббота.

Стать недоступным

Эти несколько дней дон Хуан поражал меня тонким знанием повадок диких зверей и птиц. Сегодня он вначале объяснил, а потом и показал, как ведет себя охотник, знающий «куропаточьи уловки». За объяснениями промелькнул весь день, я так увлекся, что не замечал течения времени, даже про себя не вспомнил. Дон Хуан посмеивался: небывалая вещь, чтобы я забыл поесть.

К вечеру в хитроумную ловушку, которую он научил меня ставить, попалось пять куропаток.

— Нам хватит и двух,— сказал он, выпуская остальных.

И принялся учить меня запеканию дичи. Я предложил было вырыть специальную ямку и устлать ее молодыми, зеленеющими ветками с кустов; сверху яму полагалось тоже прикрыть ветками и присыпать землей — так делал мой дед. Но дон Хуан возразил: нечего вредить кустам.

Поев, мы поспешно направились к холмам. Присели на склоне. Я в шутку сказал, что, доверь дон Хуан приготовление ужина мне, я изжарил бы все пять птиц, и по дедовскому способу,— вышло бы много вкуснее.

— Верно,— согласился он. — Но в этом случае мы вряд ли бы ушли со стоянки подобру-поздорову.

— Почему? Что бы нам помешало?

— Все — и кусты, и куропатки...

— У вас не поймешь, когда вы говорите серьезно, а когда шутите,— пожаловался я.

Он притворно-нетерпеливо махнул рукой и чмокнул губами.

— Это из-за твоего странного представления о том, что такое «говорить серьезно». Вот я люблю смеяться и часто смеюсь, но каждое мое слово более, чем серьезно. С чего ты взял, что мир таков, каким ты его воображаешь? Не много ли ты на себя берешь?

— У меня нет оснований считать его другим,— ответил я.

Темнело. Я подумал, не пора ли домой, но дон Хуан явно не торопился, да мне и самому тут нравилось.

Вскоре, однако, задул холодный ветер. Дон Хуан вдруг вскочил и сказал, что нужно взобраться на верхушку холма и стать там на свободной от кустов площадке.

— Не бойся. Я тебе друг и присмотрю, чтобы ничего дурного не случилось.

— А что может случиться? — встревожился я.

Он умел вот так, неожиданно, испугать меня, коварно нарушить мою безмятежность.

— Да мало ли что — в сумерках мир загадочен,— пояснил он. — Но что бы ты ни увидел, не бойся.

— А что я могу увидеть?

— Пока не знаю. — И, повернувшись, уставился вдаль, на юг.

Я тоже стал смотреть.

Внезапно он вытянул шею и левой рукой указал на чернеющий в отдалении кустарник.

— Вот оно! — воскликнул он, как будто найдя, что искал.

— Что там?

— Вот оно! — повторил он. — Смотри!

Я видел только кусты.

— Оно здесь,— возбужденно выкрикнул он.

В эту минуту в лицо мне ударил порыв ветра, у меня заслезились глаза. Я снова посмотрел на темную массу кустарника.

— Не вижу ничего особенного...

— Потому что тебе отвели глаза.

— Как это?

— А так... Мы нарочно взобрались на холм — здесь нас легко достать.

— Чему достать, ветру?

— Не только ветру,— сурово ответил он. — Ты кроме ветра ничего не умеешь различить...

Я напряженно вглядывался. А дон Хуан молча вступил в заросли, покрывавшие почти всю макушку холма, и принялся обламывать длинные ветки. Наломав восемь, он велел и мне сделать то же; при этом я должен был громко просить у кустов прощения за то, что приходится их «калечить».

Потом он приказал быстро выскочить на голую площадку и улечься на спину, между двух больших камней. Он с удивительным проворством покрыл все мое тело ветками, лег рядом, укрывшись таким же образом, и прошептал, что я должен быть внимателен: сейчас так называемый ветер стихнет, ведь мы стали неприметны.

В какой-то момент, к моему изумлению, ветер действительно стих. Произошло это не сразу, а постепенно, и, если бы дон Хуан не предупредил меня, я бы, пожалуй, и не заметил: ветер довольно долго шуршал в листьях, прямо у меня над ухом, но все слабее, слабее — и, наконец, успокоился вовсе.

Я шепнул дону Хуану, что ветер унялся, и он, тоже шепотом, велел не двигаться и не шуметь: то, что я называю ветром, на самом деле — нечто иное, и это нечто имеет собственную волю и может заметить нас.

Я нервно рассмеялся.

Сдавленным голосом дон Хуан приказал прислушаться — как вокруг тихо... Он сейчас встанет, и я должен аккуратно, левой рукой, освободиться от веток и тоже встать.

Мы одновременно поднялись с земли. Дон Хуан глянул на юг и резко развернулся к западу.

— Прячется... — пробормотал он. — Смотри!

Я вглядывался изо всех сил, но не замечал ничего необычного: просто колышется под ветерком кустарник.

— Оно здесь,— сказал дон Хуан.

В эту минуту в лицо крепко ударил ветер. Вообще, ветер, кажется, задул, как только мы встали с земли. Но я в эти чудеса не верил: наверняка, есть логическое объяснение.

Дон Хуан тихонько засмеялся и сказал, чтобы я не забивал голову чепухой.

— Давай-ка наломаем новых веток. Жалко кустиков, но ничего не поделаешь, тебя надо «остановить».

Он собрал в кучу прежние ветки, набросал сверху земли. Затем мы сломали по восемь новых. Ветер дул не переставая, ерошил мне волосы. Дон Хуан укрыл меня, приказал не шевелиться, не издавать ни звука и сам быстро лег рядом, замаскировался.

Мы пролежали так минут двадцать; за это время резкий, настойчивый ветер удивительным образом присмирел. Задержав дыхание, я ждал дон-хуановского знака. Вот он тихонько сдвинул с себя ветки и поднялся. Я последовал его примеру. Ветра совсем не было, листочки едва подрагивали.

Дон Хуан не отрывал взгляда от кустарника к югу от нас.

Продолжение. Начало в № 7, 8, 9 и 12 — 1990 г. и в № 1.

— Вон оно! — воскликнул он.

От неожиданности я отпрыгнул в сторону и чуть не упал. Он же громко велел подойти и посмотреть.

— Да на что смотреть? — в отчаянии спросил я.

Он сказал, что то, что я называю ветром (на самом деле это совсем другое) похоже на пушистое облачко — крутясь, оно плывет прямо по верхушкам дальних кустов сюда, к нашему холму.

Кусты вдалеке действительно волновались.

— Подходит ближе... — шепнул дон Хуан. — Ищет нас...

И тут же в лицо мне хлестнуло ветром. Я испугался. Я не видел, конечно, никакого облачка, но странную волну, бегущую по верхушкам кустов, различал ясно. Стараясь не поддаваться страху, и я принялся искать какое-нибудь приемлемое объяснение. Должно быть, окрестности овеваются постоянными воздушными потоками, и дону Хуану об этом хорошо известно; более того, он умеет предугадать их появление. А дальше все просто: он выжидает нужное время после очередного порыва, ложится — и ветер как раз стихает; встает — и в обычный срок ветер оживает.

Дон Хуан прервал мои размышления.

— Нам пора.

Я заупрямился: хотелось постоять еще немного и убедиться, что ветер опять стихает.

— Я не успел ничего разглядеть, дон Хуан,— сказал я.

— Но кое-что все же заметил,— возразил он.

— Опишите еще раз, что именно я должен был заметить.

— Облачко, все в завитушках, или просто клочок тумана, или человеческое лицо — и оно вот так крутится. — Он показал перебором рук. — И двигается всегда в известном охотнику направлении — поэтому он знает, в какую сторону идти ему самому.

Я хотел было поиздеваться над этой чепухой, но дон Хуан говорил так серьезно и веско, что я не решился. Он пристально посмотрел мне в глаза, и я отвел взгляд.

— Глупо считать, будто мир именно таков, каким ты его представляешь. Мир загадочен. Особенно в сумерках. — Подбородком он указал на «ветер». — Вот оно может последовать за нами, и попробуй убеги; а может — убить...

— Ветер?!

— В это время дня, в сумерки, нет ветра, а есть только сила.

Мы просидели на вершине холма около часа. Все это время ветер не унимался.

30 июня 1961 г., пятница.

Вечером, поужинав, мы с доном Хуаном вышли во дворик. Я сел на свое место у порога и принялся работать над дневником. А он улегся на спину, сцепил руки на животе. Мы целый день провели дома, из-за «ветра». Дон Хуан объяснил, что вчера мы нарочно потревожили «ветер», а тот шутить не любит. На ночь мне даже пришлось укрыться ветками.

Внезапно подул ветер, и дон Хуан с необыкновенным проворством вскочил на ноги.

— Черт! Он ищет тебя.

— Ни за что не поверю! — смеясь, ответил я.

Такое отношение к его словам диктовалось не упрямством; я просто не верил в то, что у ветра есть собственная воля, и он ищет меня — как и в то, что вчера он отыскал нас на вершине холма и нарочно налетал.

— Думать, что ветер есть нечто самостоятельное — это упрощенчество,— сказал я.

— А что же такое ветер, по-твоему? — задиристо спросил он.

Я терпеливо объяснил: наличие масс теплого и холодного воздуха ведет к возникновению разницы в давлении, и в результате воздушные массы перемещаются как вертикально, так и горизонтально. Я довольно долго втолковывал ему основные понятия метеорологии.

— Иными словами, ветер — это лишь теплый и холодный воздух? — озадаченно спросил он.

— Увы... — Я торжествовал.

Но дон Хуан взглянул на меня и покатился со смеху.

— Какое тонкое знание мира! — сказал он язвительно. — Последнее слово науки, да? А для охотника это — полная чепуха. Какое в воздухе давление — все равно; живущему на воле известно, что в сумерках ветер всегда становится силой. Любой настоящий охотник знает об этом, и действует исходя из этого.

— Как же он действует?

— Пользуется силой, спрятанной в вечернем ветре.

— Каким образом?

— По-разному. Может укрыться от силы и застыть в неподвижности — когда настанет ночь, сила облечет охотника в защитный...

Дон Хуан запнулся и, в поисках слова, сделал руками округлое, охватывающее движение.

— Кокон? — подсказал я.

— Верно, кокон. Он надежно защищает охотника: никакой зверь не тронет — ни пума, ни койот. Даже случись поблизости горный лев — лишь обнюхает и уйдет прочь... Если охотник, наоборот, хочет показаться силе, он в сумерках поднимается на вершину холма, и сила сама найдет его. Например, когда задуман ночной переход или просто нужно не спать всю ночь, охотник должен открыться ветру. Это и есть секрет великих охотников — точно знать, в каком случае открыться, а в каком — затаиться.

Я плохо понял. Дон Хуан терпеливо повторил; на примере вечернего ветра он хотел объяснить всю важность двух состояний — когда человек открыт и когда он прячется.

— Нужно уметь сознательно выбирать то или другое. А ты не думаешь об этом и постоянно открыт.

Я не согласился. Мне, наоборот, казалось, что я по натуре скрытен.

— Ты не понял. Речь не о том, чтобы скрытничать, делать из чего-то тайну. Нужно просто стать недоступным. Скажу по-другому: нет смысла прятаться, если все кругом понимают, что ты прячешься. В этом и есть твоя беда: то прячешься — так, что это каждому ясно, то безотчетно открыт, и на тебя со всех сторон так и сыплются неприятности...

Я чувствовал, что мои позиции пошатнулись.

— Не надо ничего говорить,— сухо сказал дон Хуан. — Все мы глупцы, и ты не лучше других. Когда-то и я был, вроде тебя, постоянно открыт, и в конце концов, сил у меня осталось только на то, чтобы ныть и жаловаться. Чем и занимался — в точности, как ты сейчас. — Дон Хуан смерил меня взглядом и шумно вздохнул: — Я, правда, был тогда помоложе. Но однажды почувствовал, что больше так жить не могу — и переменился, стал изучать искусство охотника. Можно сказать, в тот день я постиг тайну двух состояний: открытости и притаенности.

Я сказал, что смысл его слов от меня ускользает, непонятно, что такое «открытость». Тогда он привел испанские выражения: «ponerse al alcance», и «ponerse en el medio del camiho»,— «оказаться в чьих-то руках» и «оказаться посреди людной дороги».

— Выберись из толпы, сойди на обочину,— говорил он. — Сейчас ты стоишь — прямо посередине дороги, а на ней не спрячешься, это самообман. Ты как на ладони, тебя видит всякий прохожий.

Интересная метафора, но все же туманная...

— Вы говорите загадками,— упрекнул я.

Он долго смотрел на меня в упор, потом принялся напевать мексиканскую песенку. Я насторожился. Напевает — значит, жди какого-нибудь подвоха.

— Послушай,— улыбнулся он,— а где та белобрысая? Она же тебе нравилась.

Я взглянул ошеломленно. Он весело рассмеялся.

— Ты сам о ней рассказывал.

— Не помню...

— Рассказывал, не спорь.

Я снова хотел было возразить, но он жестом остановил меня:

— Неважно, откуда мне известно про девушку, главное — она тебе нравилась.

Во мне закипала злоба.

— Не брыкайся,— сурово сказал дон Хуан. — Давно пора расстаться с ощущением собственной важности... Когда-то у тебя была любимая женщина, а потом ты ее потерял.

Я стал вспоминать: может, и правда рассказывал? Как-будто разговор о ней не заходил, однако полной уверенности не было. Мы всегда беседовали в машине, я сидел за рулем и, естественно, ничего не записывал. Не исключено, что во время одной из поездок... Мне стало стыдно, что я так упрямо отнекивался. Я сказал дону Хуану, что он прав: в моей жизни действительно была светловолосая девушка, и она мне была дорога.

— Где же она теперь? — спросил он.

— Мы расстались.

— Почему?

— По многим причинам...

— По многим? Нет только по одной — ты был слишком открыт.

Я серьезно попросил объяснений. Разговор, наконец, затронул мне душу. Он, наверное, понял это и сморщил губы, пряча лукавую улыбку.

— Все вокруг знали о ваших отношениях,— сказал он уверенно.

— Разве это плохо?

— Очень! Девушка была по натуре тонкая, деликатная.

Я откровенно сказал, что ненавижу эту его манеру: безапелляционно говорить о вещах, которые ему неизвестны — будто он сам видел, как было дело.

— Да я действительно «видел»! — с обезоруживающим жаром воскликнул он. — Я точно знаю, та девушка — человек тонкий, хороший.

Спорить было бессмысленно, я злился: зачем он бередит рану.

— Не такой уж и хороший... — пробормотал я. — Слабый она человек...

— Не слабее тебя,— спокойно сказал он. — Но важно даже не это, а то, что ты именно такую девушку и искал, и значит, она в твоей жизни — особый человек, а об особых людях нужно всегда отзываться хорошо.

Я смешался.

— Чего вы от меня хотите, дон Хуан? Растравили, а дальше что?

— А ты не поддавайся, гони грусть,— строго сказал он.

— Нет, скажите,— чего вы добиваетесь?

— Чтобы ты понял, что такое «стать недоступным». Я напомнил о девушке, потому что с ветром не все мог объяснить... Ты потерял ее от того, что был постоянно доступен, постоянно у нее под рукой, и еще оттого, что твоя жизнь идет по шаблону.

— Ошибаетесь, никогда я не жил по шаблону!

— Всегда жил, и теперь живешь. Пусть твой шаблон не совсем обычный, а все же — шаблон. Поверь, это так.

Я надулся было, но его взгляд почему-то будоражил, словно толкал к некой цели.

— Охотник умеет стать недоступным,— говорил он. — Будь ты охотником, ты встречался бы со своей девушкой лишь изредка, а не так, как это у вас повелось: день за днем вместе, и остается в конце концов одна только скука. Ведь верно?

Я молчал. Он, конечно, прав...

— Стать недоступным — значит, соприкасаться с миром изредка, бережно. Зажариваешь не пять куропаток, а одну; не ломаешь куст лишь для того, чтобы зажарить ее повкуснее; не открываешься силе, заключенной в ветре, если нет на то причины; не пользуешься людьми, тем более любимыми и тобой,— как вещами, наизнос.

— Я никогда так не пользовался людьми!

— Неправда. Именно из-за таких отношений ты и способен заявить, что люди тебе наскучили... Быть недоступным — значит, намеренно избегать истощения отношений между собой и миром, не уподобляясь человеку, который в голодном нетерпении поглощает всю пищу, что под рукой, будто ест в последний раз — все пять куропаток!

Это был удар ниже пояса. Дон Хуан довольно рассмеялся и похлопал меня по спине.

— Охотник знает, что всегда раздобудет дичь, и поэтому не тревожится о пропитании. Вообще, тревожиться — значит, неразумно открываться, становиться доступным. В тревоге и отчаянии хватаешься за первое, что подвернется — дело ли, человека... Непременно и сам измучаешься, и измучаешь того, кто казался спасителем.

— Но в повседневной жизни невозможно остаться недоступным. Я работаю, постоянно общаюсь с людьми.

— Тебя никто и не просит от них прятаться,— спокойно объяснил он. — Суть в другом: охотник относится ко всему бережно, нежно — к вещам, растениям, животным, людям, силе... Охотник тесно соприкасается с миром, но одновременно остается недоступным.

— Но тут противоречие: нельзя быть недоступным, если ежедневно, ежечасно соприкасаешься с миром, с людьми.

— Ты не понял,— терпеливо сказал дон Хуан. — Охотник недоступен, потому что не выжимает из мира все соки, а осторожно выцеживает одну только каплю — и сам исчезает, едва оставляя след...

Продолжение следует

ДАРЫ ПРИРОДЫ

В амазонской сельве произрастает еще много такого, о чем нынешние ботаники даже не подозревают. Зато аборигены Амазонии вовсю пользуются неизвестными нам дарами природы.

Сок одного из таких загадочных растений — низкорослой лианы яха — обладает более чем странным свойством. Человек, принявший некую дозу, как бы засыпает и видит галлюцинации, похожие отчасти на описание жизни Гулливера в стране лилипутов или путешествие Алисы в стране чудес: с высоты птичьего полета он наблюдает за жизнью крошечных людей и животных. Этот миничеловеческий спектакль во всех подробностях совпадает с ощущениями ясновидцев, когда те, в минуты священнодействия, освобождаются от своей тяжелой физической оболочки и путешествуют по мирам известным и неизвестным.

Все мы знаем, что человек на определенной стадии опьянения чувствует себя и более могучим, и более мудрым. Сок удивительной лианы намного действеннее перебродившего виноградного сока и даже продуктов его перегонки. Сознание собственной значимости под влиянием яха расширяется до вселенских размеров. При этом наше земное, отягощенное ежедневными заботами сознание как бы остается в покинутом физическом теле, а подсознательные процессы чрезвычайно активизируются. В таком состоянии человек начинает видеть то, о чем трезвому материалисту и думать-то не позволено. У него как бы открывается внутреннее зрение: он, например, может наблюдать за жизнью антиподов, незримо посетить место военных действий на противоположном конце континента или любой уголок Вселенной. Примерно то же самое происходит и с медиумами, когда они находятся в каталептическом состоянии.

Самое интересное, что ученым пока не удалось объяснить это явление только лишь воздействием наркотических веществ на мозг.

С большим вниманием прочитал статью В. Монтлевича «Буддизм на севере России» в вашем журнале «Наука и религия», № 2 за 1990 год. Особый интерес вызвали сведения о Лубсан Сандан Цыденове. Я человек старый и хорошо знал многих его современников. Говорили разное: что он, будучи незаурядным человеком, объявил себя царем бурятского народа; что он был психически больным человеком, подверженным бредовым идеям... По многочисленным данным, С. Цыденов в 1921 году был жив и сидел в то время в Верхнеудинской тюрьме.

В статье В. Монтлевича говорится: «Растанемся на время с Лубсан Санданом». Но далее о нем не упоминается. Может быть, продолжение будет в других номерах? Все, что касается истории нашего бурятского народа, глубоко интересует не только меня.

А. С. ЦЫВАНОВ,
с. Соловьевск
Борзянского р-на Читинской обл.

На публикацию в нашем журнале статьи В. М. Монтлевича «Буддизм на севере России» (№ 2, 1990) откликнулось не менее ста читателей. В числе других нам написал председатель Совета Ленинградского общества буддистов Ц. Ч. Чимитов. По его мнению, Монтлевич не имел права писать об истории Ленинградского буддийского храма, поскольку он не входит в Совет общества. Действительно, Монтлевич связан не с буддийской школой гелугпа, которая преобладает сейчас в СССР и которую представляет Чимитов, а с другой, более древней традицией — тантризмом. В 20—30-е годы именно это направление во многом определяло жизнь буддийского храма в Ленинграде.

В 30-е годы все ламы всех направлений буддизма были репрессированы. Против тантрического буддизма выдвигались наиболее чудовищные обвинения, основанные на превратном толковании эротических образов искусства тантры (подобно тому, как в Римской империи христианское таинство причащения Крови и Плоти Христовой навлекало на христиан обвинения в ритуальном умерщвлении людей). Продолжая разговор, начатый год назад, мы обращаемся к имени ламы Б. Д. Дандарона, который исповедовал тантрический буддизм. Дандарон был духовным преемником Лубсан Сандан Цыденова, который действительно возглавил созданное в Бурятии в 1919 году «теократическое государство», что, видимо, и стало причиной его гибели в советских лагерях. Лишь в 1989 году в печати появились материалы, которые доказывают несостоятельность обвинений «теократов» в связях с атаманом Г. М. Семеновым. Напротив, теократическое государство сорвало призыв бурят-буддистов в белогвардейскую армию, так как убийство противоречит главной заповеди буддизма. Это вызвало репрессии Семенова против «теократов» (пытки, заключение в тюрьму), о чем многие потом постарались забыть. Но в Кижинге, на родине Сандан Цыденова, память о нем живет и сейчас — память об учителе веры и жизни.

Лама Б. Д. Дандарон в 1937 году был приговорен к смертной казни — ее заменили 25-ю годами заключения. В 1956 году его освобождают, но в 1972 году, когда шли печально знаменитые «процессы сектантов», арестовывают вновь. Автор очерка о нем В. М. Монтлевич — ученик ламы Дандарона, в 1972 году был вместе с ним арестован за свои религиозные убеждения.

Итак, мы продолжаем скорбную повесть о людях, отдавших жизнь за веру. Они равны в своей трагической судьбе. Мы еще расскажем на страницах журнала и о погибших ламах школы гелугпа, хранящей традиции своего основателя — великого учителя Цзонхавы.

Б. Д. Дандарон с Ю. Н. Рерихом и сотрудниками Бурятского Института общественных наук (1959 г.). Между Дандароном и Рерихом — Б. В. Семичев, который, так же, как Дандарон, вернулся из лагерей.

В. МОНТЛЕВИЧ

«ТАНТРА — НА ЗАПАД!»

О духовном подвиге Бидии Дандарона

Если что-либо должно быть сделано,— делай, совершай с твердостью.

Ибо расслабленный странник только больше поднимает пыли.
БУДДА

С именем Бидии Дандарона связана первая проповедь буддизма в новом культурном и этническом ареале.

В младенце Дандароне, появившемся на свет 13 декабря 1914 года в семье ламы-философа и поэта Агван Силнам Тузол Доржи, признали новое рождение тибетского хамбо-ламы из Гумбума Джаягсы Гэгэна. Духовный вождь буддистов Бурятии, «Царь Учения» Лубсан Сандан дает новорожденному имя Ригзин, что на санскрите звучит как Видьядхара и отразилось в светском имени Дандарона — Бидия. Вскоре из Тибета в Бурятию прибыла делегация лам, чтобы забрать мальчика на воспитание, но Лубсан Сандан сказал: «Он нужен здесь». И Дандарон остался.

В июле 1921 года Лубсан Сандан передает Бидии Дандарону свое духовное могущество и титул Царя

Учения — Дхармараджи. Ритуал духовных посвящений и провозглашения нового Дхармараджи прошел при большом стечении верующих в специально построенном для этого небольшом храме. Церемонию довелось наблюдать советскому буддологу Б. И. Панкратову (1892—?). Среди других подробностей события он выделяет почетный трон из шестнадцати плоских квадратных подушек, какого он никогда до тех пор не видел, хотя посетил почти все буддийские страны.

Вскоре исчезает (а по одной из версий — уезжает на Запад) Лубсан Сандан. К тому времени уже умер отец Дандарона, и мальчик остался на воспитании матери Балжимы (1870—1973). Она была не только хранительницей родовых традиций, но и — как ученица Лубсан Сандана — буддийской подвижницей. Многие годы посвятила созерцательной практике.

С раннего детства ламы обучали Дандарона тибетскому и монгольскому языкам, приобщали к буддизму. Но он учился и в общеобразовательной школе, где одним из его учителей был Хоца Намсараев, будущий бурятский писатель.

Популярность Дандарона среди верующих была велика, и с началом широкой антирелигиозной кампании для него наступает тяжелое время, когда он испытывает постоянное давление и угрозы от местных властей. Видимо, это и побудило его покинуть Бурятию. Он становится студентом Ленинградского института авиаприборостроения. И в то же самое время слушает лекции на восточном факультете университета, не оставляет занятий языками.

Образование на воле завершить не удалось — 22-летнего Бидию Дандарона арестовывают. Обвинение бессмысленно, но именно по таким обвинениям приговаривали тысячи людей к высшей мере. Таков был приговор и Дандарону. Но он не был исполнен, немедленную смерть заменили 25 годами лагерей.

Начались странствия по кругам советской каторги. Годы, проведенные в заключении, Дандарон назвал своими университетами. Ибо и в тех, казалось бы, невыносимых условиях продолжалась творческая жизнь, продолжалось познание. Он встретил там образованнейших людей — в том числе российских немцев — историков и философов. Возник даже неокантианский кружок. Плодом этого общения стали его труды «Взаимоотношение материи и духа» и «Эстетика». Продолжилось и буддийское образование — с помощью оказавшихся в лагерях лам. Учась, Дандарон учил и сам. В лагерях раскрылся его талант проповедника, и у него появились не только собеседники, но и последователи. «...Постепенно из них сложился своего рода буддийский круг такой пестроты, которую мог явить только лагерь того времени. Они занимались буддийской философией и йогой, но главное — осмыслением своей собственной жизни и своего положения в смысле буддийской философии и йоги. В течение нескольких лет Дандарон руководил этими занятиями. Это явилось пробой собственных сил, произведенной людьми над самими собой, в которой можно видеть истинность практического буддизма...»,— пишет востоковед А. М. Пятигорский, которому Дандарон рассказывал о своих лагерных годах.

Портрет Б. Д. Дандарона в тантрийском наряде — в короне Калачакры (1965 г.)

В числе лагерных учеников Дандарона был поляк Кокошка. Когда в конце войны его препроводили на Запад, он, сделав себе ложный перелом руки, под гипсом вынес из зоны листы рукописи учителя «Необуддизм».

Во время одного из просветов между отсидками вместе с ламой Падма Доржи Дандарон пишет письмо Сталину с ходатайством о возрождении буддийских монастырей в Бурятии. И вскоре, в 1946 году два монастыря (дацана) действительно были открыты — в Аге и около Улан-Удэ. «Я возродил дацановскую форму буддизма на два поколения»,— так потом говорил он об этом событии.

В 1956 году — после 19 лет заключения — освобождение и полная реабилитация. И вот Дандарон — младший научный сотрудник Бурятского института общественных наук. Его главное занятие — разбор и описание богатейшего в мире собрания тибетских и монгольских рукописей и ксилографов. Вскоре у него появляется замечательный наставник в его научных трудах — Юрий Николаевич Рерих, вернувшийся в 1957 году на родину, тибетолог и буддолог с мировым именем. Встретившись в 1959 году в Улан-Удэ, Дандарон и Ю. Н. Рерих разработали детальный план буддологических исследований. Юрий Николаевич не прожил на Родине и трех лет, умер от сердечной болезни. Но успел дать импульс возрождению отечественной буддологии.

Ценнейшим вкладом в нее был подготовленный Дандароном «Краткий тибетско-русский словарь» (издан в 1963 г. совместно с Б. В Семичевым, под редакцией Ю. М. Парфионовича), ставший на долгие годы непременным спутником европейских буддистов. Он также перевел и издал знаменитый «Источник мудрецов» —

буддийский терминологический словарь, подготовленный буддийским просветителем XVIII века Джанжа Рольби Дорже (1717—1786).

Особый период в жизни Дандарона, который и назвали его биографы духовным подвигом, начался в 1965 году, когда к нему в Улан-Удэ приехал его первый европейский ученик. С этого времени можно говорить о возникновении буддизма как религиозного движения на западе России. К Дандарону идут ученики из Ленинграда, Москвы, Тарту, Вильнюса, Каунаса, Кишинева. Дандарон говорил: «Это не они едут ко мне в Улан-Удэ, это буддизм идет на Запад!»

Передача духовной традиции в пространство иных культур, других народов — в особенности в тех случаях, когда это происходит впервые,— требует особого, духовного мужества — «неустрашимости Будды». Не сразу и не все ламы поддержали духовное новаторство Дандарона. «Зачем Западу буддизм, там есть свой Бог»,— говорили ему многие из них. Но не все. Его проповедь буддизма для западных искателей восточной духовности поддержали лама-философ Готавон, настоятель Иволгинского дацана Цыбен Цыбенов, тувинский лама Гендун Цырен, лама-врач Дашиев. С удивительным пониманием и глубоким осознанием важности и необычности происходящего воспринимали приход к буддизму представителей новых народов верующие буряты — гостеприимные жители Кижингинской долины и Улан-Удэ.

Дандарон обучил своих новых учеников не только практике тантр, но и основам буддийской философии. Он пишет ряд блестящих статей, которые стали основой для изучения теоретического буддизма. В его книге «Мысли буддиста» (1970) — содержащей всего лишь 235 машинописных страниц, изложена буддийская философия, этика и теория путей — замечательное пособие для начинающих буддистов-практиков.

Не случайно Дандарон передавал ученикам основы именно тантрийских практик — методы трансформации психики и сознания, раскрытия естественной природы личности. Это самый верный путь передачи буддийской традиции представителям других культур, воспитанных в традициях иных. Импульс проповеди Дандарона быстро нашел отклик — спонтанно реализовалась вместерожденность Учительства и ученичества. И уже окруженный учениками Дандарон подтверждает: «Тантра — на Запад!». Времени ему было отпущено мало, и как бы зная об этом, он находит оптимальные формы передачи духовного знания — через абсурд, ситуационную неопределенность, через методы быстрого вскрытия интуиции и реализации недвойственности, через игру, смех и гнев. Это была его Махамудра*.

Росла известность Дандарона как ученого и как учителя, ширился круг учеников. Человек независимый, погруженный в духовное творчество, он, естественно, находился под неустанным присмотром властей. «Что характерно для отношения к Дандарону местных бурятских властей, так это то, что они ненавидели его именно за его принадлежность к буддийской духовной традиции — религии, ими гонимой и отвергнутой. Что касается другой стороны его проповеди: проповедуемого им философского универсализма буддизма,— то эта сторона была им просто недоступна, ибо они уже отступились от традиции. И Дандарон как бы служил им живым напоминанием об их отступничестве от прежней культуры и о невозможности реального принятия ими никакой другой, хотя он сам, будучи человеком глубоко позитивного склада, никогда не имел в виду упрекать их за это»,— так вспоминает об учителе А. М. Пятигорский в своем эссе «Уход Дандарона».

В августе 1972 года в Бурятии начинается — не могло не начаться — так называемое «дело Дандарона». Вместе с ним арестовывают четырех его учеников, с остальных берут подписку о невыезде из Улан-Удэ. Дандарона обвиняют в организации религиозной группы. «Дело» было затеяно во всероссийском масштабе — обыски проходили в Москве и Ленинграде, в Прибалтике. В Москве изымают буддийские книги у известной и всеми почитаемой О. Ф. Волковой (1926—1988) — санскритолога и буддолога, допрашивают А. М. Пятигорского, в Тарту безуспешно пытаются допросить буддолога Л. Мялля. Допрашивают учеников в Ленинграде, пытаются привлечь к ответственности за явно дружеское и откровенно сочувственное отношение к Дандарону бессменного преподавателя тибетского языка на восточном факультете Ленинградского университета Б. И. Кузнецова. Однако на западе России антибуддийскую кампанию свернули. О. Ф. Волковой принесены извинения, возвращены книги. В Бурятии же все продолжалось. Чтобы не допустить четырех арестованных учеников до суда, их после десятиминутного амбулаторного обследования объявляют душевнобольными: все та же печально знаменитая «вялотекущая шизофрения». Судят одного Бидию Дандарона. Безуспешно пытаются доказать суду полную невиновность Дандарона адвокаты Н. Я. Немеринская и Н. Я. Герасименко. Суд соглашается с прокурором Байбородиным и выносит приговор — пять лет лагерей общего режима Дандарону уже 58 лет. Позади девятнадцать лет сталинских лагерей. И снова лагерь — в сыром и гиблом месте, в продуваемом ветрами поселке Выдрино на южном берегу Байкала.

Не потерявший достоинства в сталинских лагерях, Дандарон и в брежневском ведет себя независимо. Здесь, в «гневном мандала» — в ограде из колючей проволоки, под прицелом часовых на вышках, продолжает борьбу. В письмах ученикам он развивает идею синтеза буддизма с современными положениями физики и философии. Пишет новый труд — о карме народов, судьбе Союза с позиций теории тантры. Но эта, так называемая «Черная тетрадь» исчезает при очередном лагерном обыске. Некоторое время положение Дандарона облегчает подполковник Колбасьев, однако с его уходом из лагеря ситуация резко ухудшилась. За малейшую провинность — штрафной изолятор, ледяное помещение, с пристегивающейся на день койкой, жалкая пайка хлеба на сутки и легкое нижнее белье. 26 октября 1974 года Дандарон уходит из этого рождения и, возможно, из этого места.**

Ученики называли его Изначальным Учителем. Он говорил: «Есть много традиций (буддизма. — В. М.): цзонхавинская, Ньингма, Каржуд и другие. Моя традиция их всех объединяет». Поэтому правильнее говорить не о традиции, а о «полноте» учения, проповеданного Дандароном. Он создал — сам и с помощью учеников — буддийскую ситуацию на Западе России, в Эстонии, Литве и позже в Латвии, где духовная почва уже была подготовлена для этого в довоенные годы деятельностью Общества Рериха и легендарного Карла Теннисона. Появление и официальное признание (в 1989 г.) буддийских общин в Ленинграде, Москве, Эстонии и Риге — плод духовного подвига Дандарона. Но его помыслы шли дальше — он видел в буддизме, внешкольном и внемонастырском, возможность нового синтеза всех человеческих знаний; возможность духовного эволюционного скачка, хотя и допускал угрозу гибели в случае кармической необходимости.

Сегодняшний день, день тревог и надежд, как никогда ранее востребовал духовного. Единство нравственности и высокого интеллектуального напряжения буддизма спонтанно вскрывает — и на Западе, и в нашей стране — скрытую природу многих людей, обнаруживая в них носителей древнего учения Будды.

Ленинград

Современный адрес Ленинградского Буддийского Храма: 197228, Ленинград, Приморский проспект, 91.

* *Махамудра (санскр. «Великий Символ») — медитативная практика, преображающая чувства и переживания человека в мандалу — священный образ мира в буддизме. — Прим. ред.*

** *Имеется в виду, что он не будет перевоплощаться в тех местах, где жил в своем последнем рождении. — Прим. ред.*

МИФОЛОГИЯ.
РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

КАНОН ПЕРЕМЕН

А. КОБЗЕВ

***Когда вещи доходят до крайней точки,
они непременно возвращаются обратно.***

Время создания величайшего творения китайской культуры — «Книги перемен» можно предположительно определить по самому раннему упоминанию о ней — оно относится к 672 году до нашей эры. В русском китаеведении встречается несколько вариантов названий этого памятника: И цзин, Чжоу и, Канон Перемен и, наконец, Чжоуская Книга Перемен. В прошлом году в нашем журнале (№ 4, 5) была опубликована статья В. Масленникова «Загадки «Книги Перемен». Она вызвала большой интерес у читателя неискушенного, однако не удовлетворила специалистов. Тем не менее интерес к теме пробужден — об этом свидетельствует редакционная почта. И мы решили познакомить читателя с самим текстом этой замечательной книги. Прикоснемся к древней тайне, записанной для нас неизвестными мудрецами, постараемся уловить посланный нам из глубины времени намек — осмыслить, вникнуть, догадаться. Поведет нас лабиринтом древнекитайской философской мысли Юлиан Константинович Щуцкий — единственный переводчик «И цзин» на русский язык. О нем и о его научном подвиге рассказывает доктор философских наук А. И. Кобзев.

Хотим предварить публикацию* некоторыми сведениями, которые помогут лучшей ориентации в загадочной «И цзин».

Как указывают китайские исследователи, представления о противостоянии противоречий в мире природы и общества «И цзин» рассматривает как результат взаимодействия двух противоположных сил — темного и светлого начал. Взаимодействия эти представляют собой два типа отношений: взаимного влечения и взаимного отчуждения. Первый процесс — это взаимное влечение, привлечение и превращение; второй — изоляция, разделение и взаимное отчуждение. Но на первом этапе превращения гексаграммы происходит изменение, ведущее в другую сторону, то есть неудача переходит в удачу, что выражено в афоризме: «Когда гексаграмма *фо* доходит до конца, появляется гексаграмма *тай*.

Интересна логика «И цзин», неведомыми путями нашедшая отражение и в нашем сознании: отношения между подобным выражаются взаимным отчуждением. Так, если верхние и нижние части гексаграммы символизируют светлое начало, то «чрезмерное присутствие животворных сил светлого начала ведет к изменениям, связанным с одряхлением и ослаблением».

Для превращения гексаграммы имеет значение не только качество символа — *ян* или *инь*, но и местоположение черты. К каждой черте даются афоризмы для уяснения происходящих изменений; так, в гексаграмме *цянь* все черты означают светлое — *ян*, но каждая из них представляет нового, другого дракона. (Дракон символизирует твердость светлых животворных сил.)

Кроме того, можно отметить, что первая и шестая черты большинства гексаграмм указывают на готовящиеся перемены, например: «перемены начинаются с крошечного», «когда вещи доходят до крайней точки, они непременно возвращаются обратно», «сначала крик и вопли, потом смех», «сначала смех, потом крики и вопли» и т. д.

С точки зрения древних, «И цзин» дает ответы на все вопросы бытия.

Пифагор составил собственную числовую систему, подобную ицзинской.

Лейбниц восторгался тем, что «И цзин» впервые в истории человечества выдвинул идею о двоичной системе счисления.

Современные электронно-вычислительные машины основаны именно на двоичной системе счисления.

Итак, перед вами удивительная, волшебная философско-теоретическая и мантико-практическая древнекитайская гадательная книга «И цзин».

** Мы признательны редакции журнала «Проблемы Дальнего Востока», любезно предоставившей материалы для этой нашей публикации.*

—КИТАЙСКАЯ БИБЛИЯ

«КАНОН ПЕРЕМЕН», или в менее точном, но более известном переводе «Книга перемен» («И цзин», другое название «Чжоу и»), относится к числу величайших и одновременно наиболее загадочных творений человека. С точки зрения породившей его китайской культуры (древнейшей из ныне существующих на Земле) он представляет собой творение Сверхчеловека, запечатлевшего в особых символах и знаках тайну мироздания. Потому проповедуется особое отношение к «Канону перемен» — как к Книге книг, Священному писанию, одному из духовных чудес света, которых у человечества, как имматериальных, наверное, не более семи. В настоящее время это ясно не только носителям синоиероглифической культурной традиции в странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии,— к такому выводу пришли и просвещенные люди в развитых странах Запада.

В нашей стране одним из первых это осознал блестящий востоковед, ученый и поэт Ю. К. Щуцкий (1897—1937). Проделанная им более полувека назад работа по переводу, изучению и истолкованию «И цзин» продолжает оставаться уникальной в СССР и, по-видимому, непревзойденной на Западе. Жизнь автора оборвалась трагично, но его произведение в соответствии с умонепостижимым законом несгораемости рукописей избегло уничтожения и через двадцать с лишним лет после насильственной гибели своего создателя счастливо увидело свет[1]. Практически сразу после опубликования «Китайская классическая «Книга перемен» была признана классикой отечественного китаеведения, и именно в таком качестве она ныне подготовлена нами к переизданию.

Самые обширные сведения и новейшие данные о «Каноне перемен» и его выдающемся переводчике и исследователе Ю. К. Щуцком были недавно опубликованы на страницах журнала «Проблемы Дальнего Востока»[2]. Из этих публикаций явствует, что, хотя общепризнанным является наличие у «Канона перемен» двух ипостасей — философской и мантической,— до последнего времени львиная доля научного интереса уделялась первой из них, а вторая принималась на правах бедной родственницы. Из недр плодотворно развивающегося в 80-е годы и богатого разного рода открытиями отечественного ицзиноведения появились всего несколько специальных работ, освещающих гадательный аспект «Канона перемен»[3].

Между тем по понятным причинам в обыденном сознании как раз этот аспект всегда превалировал, хотя до недавних пор интерес к нему не находил достойного удовлетворения уже по той простой причине, что тираж всей изданной по данной теме литературы был совершенно ничтожен. Содержащая перевод основного мантического текста, без которого настоящее гадание невозможно, книга Ю. К. Щуцкого была выпущена тиражом 1400 экземпляров 30 лет тому назад и стала раритетом.

Однако в последнее время неутолимый спрос в указанной области начал постепенно определять предложение. Но, как часто бывает в подобных случаях, «силами быстрого реагирования» потребителям был предложен некий суррогат. Остросюжетная, но недостоверная информация из-под бойких перьев потекла и в курортную газету, и на страницы хорошо иллюстрированных столичных журналов. Автор этих строк даже наблюдал кооперативно-компьютерное гадание по «И цзину» с эффектным изображением на дисплее и невообразимыми ответами на вопросы в одном промтоварном магазине (один рубль за один ответ). А материал П. Бондаровского под грифом «Загадочное», опубликованный журналом «В мире книг» («Слово»), затем был размножен многотысячным тиражом и, по-видимому, принес своим предприимчивым издателям прибыли, близкие к магическим шестизначным (как и гексаграммы «И цзина») числам.

Но, увы, эта коммерческая магия весьма далека от своего мантического первоисточника. Между подлинным текстом «Канона перемен» и широко распространившейся перепечаткой толкований 64 гексаграмм из статьи П. Бондаровского, воспроизведшего фантазии некоей венгерской писательницы Дюлы Хернади, которая, в свою очередь, следует за столь же неизвестной специалистам и откровенно опустившей предмет до «максимально коммерческого уровня» американкой Барбарой Хейслип, такая же разница, как между Библией и «Забавной библией».

Исходя из сложившейся ситуации, мы считаем своим долгом предоставить всем заинтересованным лицам возможность ознакомления с более достоверной информацией. Для этого нами составлена краткая справка о классических способах гадания по «И цзину» и подготовлен к публикации необходимый для осуществления данной мантической процедуры текст канона. Последний представлен в авторитетном и пока единственном на русском языке переводе Ю. К. Щуцкого, издание которого мы сверили с рукописью, исправили и заново отредактировали, устранив явные ошибки и пропуски, а также несколько унифицировав терминологию (исключительно в пределах авторских вариантов).

Китай с древнейших времен был страной высокоразвитой гадательной культуры. Древнейшие памятники китайской письменности — это не что иное, как гадательные надписи. И позднее, в средние века, в сопредельных странах Китай считался родиной гадательной практики, а его император величался «царем мантики»[4].

Однако китайский подход к гаданиям всегда отличался взвешенностью и рационализмом. Уже в таком древнейшем каноне, как «Шу цзин» (Канон (документальных) писаний», гл. «Хун фань» — «Величественный образец», раздел-чоу 7), была нормативно зафиксирована следующая иерархия совещательных инстанций: «Если у Вас, государь, возникнут большие сомнения, то обдумайте их сначала в своем сердце, затем обсудите их со своими сановниками и чиновниками, посоветуйтесь со своим многочисленным народом и спросите ответа у гадателей на черепашьих щитах и стеблях тысячелистника»[5]. А более чем через две тысячи лет, в XVIII веке, известный писатель, крупный ученый-конфуцианец и государственный деятель Цзи Юнь (1724—1805) утверждал: «...Сами духи не одухотворены, их одухотворяют люди. Тысячелистник, щит черепахи, сухая трава, кости — хотя по ним можно узнать, что тебе предопределено, беда или счастье,— чудотворными они становятся лишь с помощью человека»[6].

На наш взгляд, истоки совмещения высокоразвитости мантики с ограничительно-рационалистическим подходом к ней следует искать в особенностях главного гадательного канона — «И цзин» — «Чжоу и».

«Чжоу и» включает в себя каноническую часть (в двух разделах), созданную, видимо, в VIII—VII вв. до н. э., — собственно «И цзин» и комментирующую часть, созданную в VI—IV вв. до н. э.,— «И чжуань» (или «Ши и» — «Десять

---

[1] *Щуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен». М., 1960.*

[2] *Кобзев А. И. «Чжоу и» — китайская баблия // Проблемы Дальнего Востока, 1989, № 3; он же. Победа синих чертей (о Ю. К. Щуцком) // Там же. 1989; № 4.*

[3] *Зинин С. В. Построение гексаграмм «И цзина» // Проблема человека в традицаонных китайских учениях. М., 1983. с. 17—26; он же. Мантические ритуалы бу и ши в эпоху Чунь цю (VIII—V вв. до н. э.) // Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1988. С. 155—172; А. И. Кобзев. Гексаграммная мантика в эпоху Чунь цю // Двадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 1. М., 1989. с. 10—22.*

[4] *Подробно см.: С. В. Зинин. Исследования по китайской мантике (обзор) // Народы Азии и Африки. М., 1989. № 5. с. 168—177.*

[5] *Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 1. М., 1972. с. 108.*

[6] *Цзи Юнь. Заметки из хижины «Великое в малом». М., 1974. с. 227.*

крыльев», то есть семь комментариев — чжуань, три из которых имеют по два раздела), в которой важнейшее значение имеет «Си цы чжуань» («Комментарий привязанных афоризмов»).

Происхождение канонической части «Чжоу и» связано с двумя важнейшими видами гадальной практики — на панцирях черепах и костях крупного рогатого скота,— в результате которой образовывались геометрические символы; и на стеблях тысячелистника, в результате которой образовывались числовые комбинации. Древнейшие мантические приемы преобразованы в «Чжоу и» в нумерологическую систему математикоподобных операций с числами и геометрическими фигурами, задача которой — «разделять по родам свойства всей тьмы вещей» («Си цы чжуань»).

Специфическую основу «И цзина» составляют возникшие, вероятно, еще в конце II — начале I тысячелетия до нашей эры 64 гексаграммы (люшисы гуа) — особые графические символы, состоящие из шести расположенных друг над другом черт двух видов — целой и прерванной — во всех комбинаторно возможных сочетаниях. Черты, называемые «девяткой» и «шестеркой», истолковываются как знаки универсальных мироустроительных сил *инь* (прерванная) и *ян* (целая), а их двойные, тройные и т. д. комбинации — как знаки более конкретных воплощений *инь* и *ян* во всех сферах бытия. Центральную роль в этой системе играют восемь триграмм (ба гуа) — сочетания из трех черт, считающиеся половинными компонентами гексаграмм и знаменующие собой восьмеричный набор универсалий:

8. Кунь	7. Гэнь	6. Кань	5. Сюнь	4. Чжэнь	3. Ли	2. Дуй	1. Цянь	Верхние триграммы / Нижние триграммы
2	23	8	20	16	35	45	12	8. Кунь
15	52	39	53	62	56	31	33	7. Гэнь
7	4	29	59	40	64	47	6	6. Кань
46	18	48	57	32	50	28	44	5. Сюнь
24	27	3	42	51	21	17	25	4. Чжэнь
36	22	63	37	55	30	49	13	3. Ли
19	41	60	61	54	38	58	10	2. Дуй
11	26	5	9	34	14	43	1	1. Цянь

Цянь — творчество, крепость, небо, отец;
Кунь — исполнение, самоотдача, земля, мать;
Чжэнь — возбуждение, подвижность, гром, первый сын;
Кань — погружение, опасность, вода, второй сын;
Гэнь — пребывание, незыблемость, гора, третий сын;
Сюнь — утончение, проникновенность, ветер (дерево), первая дочь;
Ли — сцепление, ясность, огонь, вторая дочь;
Дуй — разрешение, радостность, водоем, третья дочь.

В теоретическом (философском) аспекте каждая черта может быть *иньской* или *янской*, а в практическом (гадательном) — еще и «молодой» или «старой». Обладая этими свойствами, черты занимают определенные позиции в гексаграмме, которые могут им соответствовать или нет. Чертам *ян* соответствуют нечетные позиции, чертам *инь* — четные, поэтому наиболее гармоничной в данном смысле является гексаграмма № 63 **Цзи цзи** (Уже конец), а дисгармоничной — парная ей по принципу противоположности гексаграмма № 64 **Вэй цзи** (Еще не конец). Первая (нижняя) позиция знаменует начало, зарождение процесса: вторая — апогей его внутреннего развития; третья — кризисный переход от внутреннего состояния к внешнему; четвертая — внешнее обнаружение процесса; пятая — его максимальное проявление; шестая — завершение или перерождение в иной процесс. Позиции также символизируют следующие свойства и образы: 1 — твердость, ступни, простолюдин; 2 — мягкость, голени, служилый; 3 — справедливость, бедра, вельможа; 4 — гуманность, туловище, придворный; 5 — яновость, плечи, государь; 6 — иневость, голова, совершенномудрый.

Две нижние, две средние и две верхние позиции занимают три диграммы, соотносимые соответственно с тремя главными уровнями мироздания — земным, человеческим, небесным.

Три нижние и три верхние позиции занимают две триграммы, первая из которых символизирует внутреннюю, наступающую, созидающуюся ситуацию, а вторая — внешнюю, отступающую, разрушающуюся ситуацию. Как и в случае с отдельными чертами, нижней (первой, нечетной) триграмме соответствует сила *ян*, а верхней (второй, четной) — сила *инь*. В данном смысле наиболее гармонична гексаграмма № 11 **Тай** (Расцвет), а дисгармонична парная ей по принципу противоположности гексаграмма № 12 **Пи** (Упадок). Одинаковые позиции в двух триграммах, составляющих гексаграмму, коррелятивны друг другу. Эта корреляция позиций — первой и четвертой, второй и пятой, третьей и шестой — «действительна» тогда, когда на них располагаются противоположные черты.

Важнейшую роль играют называемые «женой» и «мужем» вторая и пятая позиции как центральные и потому определяющие для триграмм. Кроме того, одна из них является нижней, а другая верхней в тетраграмме, выделяемой внутри гексаграммы. В свою очередь эту «ядерную» тетраграмму разбивают на две «взаимопроникающие» триграммы, которые охватывают 1) вторую, третью, четвертую и 2) третью, четвертую, пятую позиции. Они могут быть вычленены и использованы соответственно как нижняя и верхняя триграммы для получения новой, производной гексаграммы, характеризующей более глубокое состояние рассматриваемой ситуации.

Внутри гексаграммы нижняя и верхняя позиции (каждая из которых входит только в одну триграмму) означают расходящиеся крайности, две центральные позиции (каждая из которых входит в три триграммы — нижнюю или верхнюю и обе взаимопроникающие) — слишком сблизившиеся элементы, а вторая и пятая (каждая из которых входит в две триграммы — верхнюю или нижнюю и одну из взаимопроникающих) — гармоничное пребывание в середине, что отвечает их срединному положению в основных триграммах. Наличие в триграмме или гексаграмме одной черты *инь* или *ян* делает ее позицию доминирующей. С этим принципом, по-видимому, связаны способы гадания, предполагающие выделение в гексаграмме только одной изменяющейся или, напротив, неизменённой (при изменении всех остальных) черты, которая обусловливает получение вторичной, производной от первой, гексаграммы.

В исходном источнике, содержащем описание техники гадания по «И цзину»,— «Си цы чжуань» — речь идет о стеблях тысячелистника. Для осуществления этого древнейшего мантического приема (ахиллеомантики) нужны 50 стеблей тысячелистника, которые можно заменить аналогичными предметами, например счетными палочками или спичками. Они кладутся пучком на стол,

покрытый тканью, желательно шелковой. Правой рукой следует взять один стебель и сразу же отложить его в сторону и более им не пользоваться, а оставшиеся 49 обеими руками разделить по центру на два пучка. Левый из них зажать в левой руке, а из правого правой рукой взять один стебель и поместить его между мизинцем и безымянным пальцем левой руки. Затем вынимать правой рукой из левого пучка по четыре стебля. Оставшиеся (1, 2, 3 или 4) стебли поместить между безымянным и средним пальцами левой руки. Отсчитанные по четыре стебли правой рукой вновь возвратить налево. Той же рукой взять правый пучок и левой рукой извлекать из него также по четыре стебля. Остаток поместить между средним и указательным пальцами левой руки. Всего между пальцами левой руки может оказаться 5 или 9 стеблей в следующих комбинациях: 1+1+3, 1+2+2, 1+3+1, 1+4+4. Отложить их в сторону, а все оставшиеся стебли обеими руками вновь соединить в один пучок, состоящий из 44 или 40 стеблей, и повторить с ним вышеописанную операцию, называемую «изменением». В ее результате между пальцами левой руки оказываются 4 или 8 стеблей в комбинациях: 1+1+2, 1+2+1, 1+3+4, 1+4+3. После их откладывания в пучке может остаться 40, 36 или 32 стебля. Далее произвести точно такое же третье «изменение», в результате которого между пальцами левой руки образуются такие же комбинации стеблей, что и во втором «изменении».

После этой трехэтапной процедуры оставшийся пучок может состоять из 36, 32, 28 или 24 стеблей. Указанные суммы при делении на 4 дают соответственно числа 9, 8, 7, 6. Они символизируют черты гексаграммы: 9 — «старый *ян*» (⊖), 8 — молодая *инь* (— —), 7 — молодой *ян* (—), 6 — «старая *инь*» (—x—). Определив полученную черту, аналогичным образом осуществить еще три «изменения», которые позволяют получить вторую черту. Расположить ее над первой (нижней). Шестиступенное построение гексаграммы предполагает проведение 18 «изменений». Если полученная гексаграмма состоит из одних «молодых» черт, то далее рассматриваются только она и связанный с нею текст. Если же среди ее черт находится одна или несколько «старых», то таковые преобразуют в их противоположность (*инь* — в *ян*, *ян* — в *инь*) и в дополнение к первой рассматривают подобным образом выведенную из нее вторичную гексаграмму как выражающую тенденцию последующего развития ситуации, предсказанной в первой гексаграмме (см. ниже).

Для применения менее древнего и более простого способа гадания нужны минимум три и максимум восемнадцать одинаковых монет, которые положено изъять из обращения и использовать только мантически. В полном варианте каждая полученная черта обозначается выкладыванием трех определивших ее монет, а для получения следующей берутся новые три монеты. В сокращенном варианте все производится с помощью одних и тех же трех монет. Удобны, например, трех- и двухкопеечные, поскольку базовыми тут являются числа 3 и 2 — стандартные символы сил *ян* и *инь*. Принимается, что одна сторона монеты выражает число 3, а другая — 2. Совместное бросание трех монет в качестве жребия и сложение выражаемых ими чисел дает четыре возможные суммы: 9, 8, 7, 6 — с которыми следует поступить точно так же, как при первом способе (с помощью стеблей). Здесь построение гексаграммы требует шести жеребьевок.

Суммарная вероятность получения черт *инь* и *ян* обоими способами одинакова. Однако при использовании стеблей в три раза более вероятно выпадение «старого *ян*», чем «старой *инь*», что обусловливает большую вероятность соответствующего появления во вторичной гексаграмме черты *инь*, нежели *ян*. В целом вероятности выпадения числовых символов при обоих способах таковы:

	9	8	7	6
тысячелистник	3/16	7/16	5/16	1/16
монеты	2/16	6/16	6/16	2/16

Слегка усложнив гадание с помощью монет, можно достигнуть абсолютно той же вероятности выпадения числовых символов, что и при использовании стеблей.

Такой синтезирующий оба главных мантических способа вариант был предложен в 1980 году американскими философами Э. А. Хакером и В. Дж. Кохом. Для получения числового символа каждой черты их метод предполагает не одну, а две жеребьевки: сначала бросание одной монеты, а затем, как и при стандартном способе,— трех монет. Результаты идентифицируются с базовыми числами 6, 7, 8, 9 следующим образом:

бросание 1 монеты	бросание 3 монет	графический символ	числовой символ	вероятность выпадания
2 (реверс)	2 2 2 3 3 3	—×—	6	1/16
	3 3 2 3 2 2	— —	8	7/16
3 (аверс)	3 3 2 3 3 3	—⊖—	9	3/16
	2 2 2 3 2 2	——	7	5/16

Наконец, гадание по «И цзин» может быть осуществлено и без использования каких-либо материальных посредников (стеблей или монет). Несколько подобных методов описал выдающийся средневековый философ-нумеролог Шао Юн (1011—1077), но, возможно, они гораздо более древнего происхождения. Для методов Шао Юна характерно усиление роли триграмм и выдвижение на первый план их временного смысла, соответствующего исходной концепции «круговых перемен» (чжоу и).

Рассмотрим один такой метод. Для его реализации необходимо знать четыре числа, обозначающих год, месяц,

Аналогичные сведения о последующем времени — до 2019 г. можно почерпнуть в книге: В. В. Цыбульский. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии. М., 1987.

Цикл знак	7 у	8 вэй	9 шэнь	10 ю	11 сюй	12 хай	1 цзы	2 чоу	3 инь	4 мао	5 чэнь	6 сы
Двух-часье	11—13	13—15	15—17	17—19	19—21	21—23	23—1	1—3	3—5	5—7	7—9	9—11
Год	1990—1991	1991—1992	1992—1993	1993—1994	1994—1995	1995—1996	1996—1997	1997—1998	1998—1999	1999—2000	2000—2001	2001—2002
Месяц 1	27 I	15 II	4 II	23 I	10 II	31 I	19 II	7 II	28 I	16 II	5 II	24 I
2	25 II	18 III	4 III	21.II	12 III	1 III	19 III	9 III	27 II	18 III	6 III	23 II
3	27 III	15 IV	3 IV	23 III / 22 IV	11 IV	31 III	18 IV	7 IV	28 III	16 IV	5 IV	25 III
4	25 IV	14 V	3 V	21 V	11 V	30 IV	17 V	7 V	26 IV	15 V	4 V	23 IV / 23 V
5	24 V / 23 VI	12 VI	1 VI	20 VI	9 VI	29 V	16 VI	5 VI	26 V / 24 VI	14 VI	2 VI	21 VI
6	22 VII	12 VII	30 VI	19 VII	9 VII	28 VI	16 VII	5 VII	23 VII	13 VII	2 VII	21 VII
7	20 VIII	10 VIII	30 VII	18 VIII	7 VIII	27 VII	14 VIII	3 VIII	22 VIII	11 VIII	31 VII	19 VIII
8	19 IX	8 IX	28 VIII	16 IX	6 IX	26.VIII / 25 IX	13 IX	2 IX	21 IX	10 IX	29 VIII	17 IX
9	18 X	8 X	26 IX	15 X	5 X	24 X	12 X	2 X	20 X	9 X	28 IX	17.X
10	17 XI	6 XI	26 X	14 XI	3.XI	22 XI	11.XI	31.X	19 XI	8 XI	27 X	15 XI
11	17 XII	6 XII	24 XI	13 XII	3 XII	22 XII	11 XII	30 XI	19 XII	8 XII	26 XI	15.XII
12	16 I	5 I	24 XII	12 I	1 I	20 I	9 I	30 XII	17 I	7 I	26 XII	13 I

день и двухчасье по китайской системе двенадцатиричного исчисления времени. Эти данные для ближайших 12 лет (от 1990—1991 до 2001—2002 г.) представлены в таблице. Первую строку в ней занимают номера циклических знаков из набора 12 «земных ветвей» (ди чжи), названия которых даны во второй строке. Третья строка заполнена соответствующими им двухчасовыми периодами суток, или так называемыми стражами. В 4-й и 5-й строках указаны годы, а в остальных двенадцати строках — начальные даты (по григорианскому календарю) лунных месяцев, пронумерованных в первом столбце. Тут некоторые данные разделены надвое и содержат две даты. Это означает наличие вставного (эмболисмического) месяца, который в китайском календаре не получает собственного номера и обозначается тем же циклическим знаком, что и предшествующий ему месяц. Однако дни во вставном месяце, как и в других, имеют свою отдельную нумерацию.

Числовые обозначения (номера́ соответствующих циклических знаков) года и двухчасья прямо извлекаются из таблицы, а месяца и дня — элементарно высчитываются. К примеру, гадание происходит в 18.00 15 октября 1990 года, 1990 году соответствует знак № 7, 18 часам — № 10, а 15 октября — это 27-й день 8-го лунного месяца. Следовательно, четыре временны́х координаты предполагаемого момента гадания выражаются числами 7, 8, 27, 10. Первые три из них следует сложить (в нашем примере: $7+8+27=42$). Если полученная сумма меньше или равна 8, то в приписываемой Фу-си (мифическому императору, культурному герою) последовательности триграмм (1. Цянь, 2. Дуй, 3. Ли, 4 Чжэнь, 5. Сюнь, 6. Кань, 7. Гэнь, 8. Кунь) надо выбрать имеющую данный номер. Если же полученная сумма больше 8, то из нее надо вычесть ближайшее меньшее число, кратное 8, и разность считать номером триграммы в той же последовательности Фу-си (в разбираемом примере. $8\times5=40$, $42-40=2$, то есть триграмма № 2 Дуй). Затем к первоначальной сумме трех временны́х показателей следует прибавить четвертый — число двухчасья — и с новой суммой проделать ту же операцию, что и с предыдущей (в примере: $42+10=52$, $8\times6=48$, $52-48=4$, то есть триграмма № 4 Чжэнь). Первая из полученных триграмм располагается сверху, вторая — снизу, что и дает искомую гексаграмму (в примере: Дуй ☱ + Чжэнь ☳, то есть гексаграмма № 17 Суй ䷐).

Описываемый метод построения гексаграммы не из черт, а из триграмм предполагает выделение только одной изменяющейся черты, которая определяется посредством отдельной процедуры. Для этого берется уже имеющаяся сумма всех четырех временны́х показателей и соотносится с числом 6. Если эта сумма меньше или равна 6, то она прямо рассматривается как номер позиции изменяющейся черты в гексаграмме, а если больше — то сводится до разности с ближайшим меньшим числом, кратным 6, которая и считается номером искомой позиции (в нашем примере: $6\times8=48$, $52-48=4$ — позиция № 4, черта ян). Установленная подобным образом черта изменяется в ее противоположность, на основании чего выделяется вторичная гексаграмма (в примере: гексаграмма № 17 Суй ䷐ переходит в гексаграмму № 3 Чжунь ䷂ в которой позицию № 4 занимает черта инь). Дальнейшие действия отвечают общим принципам гадания по «И цзину».

После получения тем или иным из описанных способов одной или двух гексаграмм надлежит найти ее или их в тексте «И цзина», что легко осуществимо с помощью таблицы 2, трансформирующей последовательность триграмм по Фу-си в последовательность гексаграмм по Вэнь-вану (полуисторический персонаж XII—XI в. до н. э.), запечатленную в самом «И цзин». Ответ на поставленный перед гаданием вопрос призваны дать многосмысленные мантические формулы и афоризмы ко всей гексаграмме и к ее отдельным чертам.

КАНОН ПЕРЕМЕН

Первая часть

(№ 1) ䷀ ЦЯНЬ. ТВОРЧЕСТВО.

Изначальное свершение: благоприятна стойкость.

(I) В начале девятка. Нырнувший дракон. — Не действуй. (II). Девятка вторая. Появившийся дракон находится на поле. — Благоприятно свидание с великим человеком. (III) Девятка третья. Благородный человек до конца дня деятелен; вечером он осмотрителен, точно в опасности. — Хулы не будет. (IV) Девятка четвертая: Точно прыжок в бездне. — Хулы не будет. (V) Девятка пятая. Летящий дракон находится в небе. — Благоприятно свидание с великим человеком. (VI) Наверху девятка. Возгордившийся дракон. — Будет раскаяние.

При действии девяток смотри, чтобы все драконы не главенствовали: тогда будет счастье.

(№ 2) ䷁ КУНЬ. ИСПОЛНЕНИЕ.

Изначальное свершение: благоприятна стойкость кобылицы. Княжичу есть куда выступить. Выдвинется (он) — заблудится, последует — обретет господина. Благоприятно: на юго-западе обрести друзей, на северо-востоке — утратить друзей. (Пребудешь) спокойно в стойкости — (будет) счастье.

(I) В начале шестерка. (Если ты) наступил на иней, (значит) близок и крепкий лед. (II) Шестерка вторая. Прямота, повсеместность, величие. — И без упражнения не будет (ничего, что бы) не (было) благоприятно. (III) Шестерка третья. Тая (свои) проявления, надо бы быть стойким. — Пожалуй, следуй за царем в (его) делах. Без того, чтобы совершать (самому), доведешь (дело) до конца. (IV) Шестерка четвертая. Завязанный мешок. — Не будет хулы, не будет хвалы. (V) Шестерка пятая. Желтая юбка. — Изначальное счастье. (VI) Наверху шестерка. Драконы бьются на окраине. — Их кровь синя и желта.

В действии шестерок благоприятна вечная стойкость.

(№ 3) ䷂ ЧЖУНЬ. НАЧАЛЬНАЯ ТРУДНОСТЬ.

Изначальное свершение: благоприятна стойкость. Незачем иметь, куда выступить. Благоприятно для возведения князей.

(I) В начале девятка. Нерешительное кружение на месте. — Благоприятно пребывание в стойкости; благоприятно для возведения князей. (II) Шестерка вторая. В трудности, в нерешительности четверка коней тянет в разные стороны! — (Если бы) не разбойник, (то был бы) брак. Но девушка стойко не принимает его. Через десяток лет примет. (III) Шестерка третья. Выйдешь на оленя без ловчего —

* Перевод Ю. К. Щуцкого, сверка с оригиналом, исправление и редактирование А. И. Кобзева.

лишь (попусту) войдешь в лес. — Благородный человек предвидит события: не лучше ли оставить (начатое дело, ибо его) продолжение приведет к сожалению. (IV) Шестерка четвертая. Четверка коней тянет в разные стороны! Добивайся брака. — В дальнейшем счастье. Ничего неблагоприятного. (V) Девятка пятая. Трудно ее милостям. — В малом — стойкость к счастью, а великом — стойкость к несчастью. (VI) Наверху шестерка. Четверка коней тянет в разные стороны! Слезы до крови — льются сплошным потоком.

(№ 4) ☶☵ **МЭН. НЕДОРАЗВИТОСТЬ.**

Свершение. Не я ищу юношей; юноши ищут меня. По первому гаданию — возвещу; повторное и третье — смутит. Раз смутит — не возвещу. Благоприятна стойкость.

(I) В начале шестерка. Развитие недоразвитого. — Благоприятно для применения казней над людьми, для освобождения колодок на руках и ногах, ибо продолжение (их несвободы) приведет к сожалению. (II) Девятка вторая. Приятие недоразвитых — к счастью; взятие жены — к счастью. Сын управляет всем домом. (III) Шестерка третья. Незачем брать жену. (Она) увидит богача и не соблюдет себя. — Ничего благоприятного. (IV) Шестерка четвертая. Стеснение от недоразвитости. — Сожаление. (V) Шестерка пятая. Недоразвитость юноши. — Счастье. (VI) Наверху девятка. Удар по недоразвитости. — Не благоприятствует (тому, чтобы) быть разбойником; благоприятствует (тому, чтобы) справиться с разбойником.

(№ 5) ☵☰ **СЮЙ. НЕОБХОДИМОСТЬ ЖДАТЬ.**

Обладателю правды — изначальное свершение. Стойкость — к счастью. Благоприятен брод через великую реку.

(I) В начале девятка. Ожидание на окраине. — Благоприятно применение постоянства. Хулы не будет. (II) Девятка вторая. Ожидание на (прибрежном) песке. — Предстоят незначительные разговоры. В конце концов — счастье. (III) Девятка третья. Ожидание в тине. — Близится приход разбойников. (IV) Шестерка четвертая. Ожидание в крови. — Выйди из пещеры. (V) Девятка пятая. Ожидание за вином и яствами. — Стойкость к счастью. (VI) Наверху шестерка. Войдешь в пещеру, и будет приход трех неторопливых гостей. — Отнесись к ним с уважением, и в конце концов будет счастье.

(№ 6) ☰☵ **СУН. ТЯЖБА.**

Обладателю правды — препятствие. С трепетом блюди середину — к счастью. Крайность — к несчастью. Благоприятно свидание с великим человеком. Не благоприятен брод через великую реку.

(I) В начале шестерка. Не навеки будет то, в чем усердствуешь. — Будут незначительные разговоры, а в конце концов — счастье. (II). Девятка вторая. Не одолеешь в тяжбе. — Поверни — и беги. Триста дворов — население твоего города — не (накличет) беды. (III) Шестерка третья. Кормись от обретенного встарь. — Будешь стойким в опасности — в конце концов будет счастье. Пожалуй, следуй за царем в (его) делах. Без того, чтобы совершать (самому). (IV) Девятка четвертая. Не одолеешь в тяжбе. (Если) опять подчинишься приказу, (то положение) изменится. — Будешь спокоен в стойкости — будет счастье. (V) Девятка пятая. Тяжба. — Изначальное счастье. (VI) Наверху девятка. Быть может, будешь пожалован парадным поясом, (но) до конца утреннего приема (тебе) трижды порвут его.

(№ 7) ☷☵ **ШИ. ВОЙСКО.**

Стойкость. Возмужалому человеку — счастье. Хулы не будет.

(I) В начале шестерка. Выводи войско, руководясь законом. — (А если) не так, (то хотя бы оно и было) хорошим — будет несчастье. (II) Девятка вторая. Пребывание в войске. — Счастье. Хулы не будет. Царь трижды пожалует приказы. (III) Шестерка третья. В войске, быть может, воз трупов. — Несчастье. (IV) Шестерка четвертая. Войско отступает на постоянные квартиры. — Хулы не будет. (V) Шестерка пятая. На поле есть дичь. Благоприятно сдержать слово; хулы не будет. Старшему сыну вести войска. Младшему сыну — воз трупов. Стойкость — к несчастью. (VI) Наверху шестерка. Великий государь владеет судьбами, начинает династию и наследует (своему) дому. — Ничтожному человеку — не действовать.

(№ 8) ☵☷ **БИ. ПРИБЛИЖЕНИЕ.**

Счастье. Вникни в гадание. Изначальная вечная стойкость. Хулы не будет. Не лучше ли сразу прийти! Опоздавшему — несчастье.

(I) В начале шестерка. Обладание правдой — приближайся к нему. — Хулы не будет. Обладание правдой — наполнение кувшина: в конце концов наступает. — Будет счастье и для других (II) Шестерка вторая. Приближайся к нему изнутри. — Стойкость — к счастью. (III) Шестерка третья. Приближайся к нему — злодей. (IV) Шестерка четвертая. Внешне приближайся к нему. — Стойкость — к счастью. (V) Девятка пятая. Явленное приближение. Царю (на охоте) надо ставить загонщиков (лишь с (трех) сторон) и отпускать дичь, которая уходит вперед. — (Если) не ставить ограничений горожанам, (то будет) счастье. (VI) Наверху шестерка. Приближение к нему — лишено главного. — Несчастье.

(№ 9) ☴☰ **СЯО ЧУ. ВОСПИТАНИЕ МАЛЫМ.**

Свершение. Плотные тучи — и нет дождя; (они) — с нашей западной окраины.

(I) В начале девятка. Возврат исходит из Пути. — Какая может быть в этом хула? — Счастье. (II) Девятка вторая. Привлечение к возврату. — Счастье. (III) Девятка третья. У телеги выпали спицы. — Муж и жена отворачивают взгляды. (IV) Шестерка четвертая. Обладай правдой. От кровопролития уходи, из страшного выходи. — Хулы не будет. (V) Девятка пятая. Обладай правдой — (она) объединяет. Разбогатеешь от своих соседей. (VI) Наверху девятка. Уже идет дождь. Уже (найдено подобающее) место. Еще удастся собрать (скарб). — Стойкость жены — опасна. Луна почти в полнолунии. — Благородному человеку — подход — к несчастью.

(№ 10) ☰☱ **ЛИ. НАСТУПЛЕНИЕ.**

(Наступи на) хвост тигра; если не укусит тебя — свершение.

(I) В начале девятка. Первичное наступление. — В выступлении хулы не будет. (II) Девятка вторая. Наступай по пути — ровно-ровно. — Отшельнику стойкость — к счастью. (III) Шестерка третья. И кривой может видеть, и хромой может наступать. (Но если) наступишь на хвост тигра (так, что он) укусит тебя, (то будет) несчастье. Воин (все же) действует ради великого государя. (IV) Девятка четвертая. Наступишь на хвост тигра. — Ху-ху! (Вскрикнешь от страха, но) в конце концов будет счастье. (V) Девятка пятая. Решительное наступление. — Будь стойким в опасности. (VI) Наверху девятка. Рассматривай (прежние) поступки, исследуй лучшее (в них). — При их повторении — изначальное счастье.

(№ 11) ☷☰ **ТАЙ. РАСЦВЕТ.**

Малое отходит, великое приходит. Счастье, развитие.

(I) В начале девятка. (Когда) рвут тростник, (другие) стебли (тянутся за ним), так как он (растет) пучком. — Поход — к счастью. (II) Девятка вторая. Охвати и окраины. Надо всплыть на реке. Не оставляй дальних, (ибо личной) дружбе — конец. Обретешь награду за целеустремленные действия. (III) Девятка третья. Нет глади, (которая осталась бы) без выбоин; нет ухода без возвращения. — В трудностях будь стойким — хулы не будет. Не печалься о своей правде. — В пище будет благополучие. (IV) Шестерка четвертая. Стремительный полет. — Не разбогатеешь из-за своих соседей. Нет запретов в силу правдивости. (V) Шестерка пятая. Государь

И отправлял невесту, и от этого была благословенность. — Изначальное счастье. (VI) Наверху шестерка. Городской вал опять (обрушится) в ров. — Не действуй войском. В своем городе изъявляй (свою) волю. Стойкость — к сожалению.

(№ 12) ☷☰ **ПИ. УПАДОК.**

Негодные люди упадка не благоприятствуют стойкости. Не благоприятна благородному человеку стойкость. Великое отходит, малое приходит.

(I) В начале шестерка. (Когда) рвут тростник, (другие) стебли (тянутся за ним), так как он (растет) пучком. — Стойкость — к счастью. Развитие. (II) Шестерка вторая. Охвати примыкающих (к тебе). — Ничтожным людям — счастье. Великому человеку — упадок. (И дальнейшее) развитие (этого). (III) Шестерка третья. (Будешь) охвачен стыдом. (IV) Девятка четвертая. Будет веление свыше — хулы не будет. — Во всех, кто с тобою, проявится благословение (неба). (V) Девятка пятая. Останови упадок. — Великому человеку — счастье. Да погибнет, да погибнет (упадок)! (И это укрепи, точно) привяжи к буйно растущей шелковице. (VI) Наверху девятка. Низвержение упадка. — Сначала упадок, (а) потом веселье.

(№ 13) ☲☰ **ТУН ЖЭНЬ. РОДНЯ.**

(Родня) на полях. Свершение. Благоприятна благородному человеку стойкость. Благоприятен брод через великую реку.

(I) В начале девятка. Родня в воротах. — Хулы не будет. (II) Шестерка вторая. Родня в храме предков. — Сожаление. (III) Девятка третья. Спрячь оружие в зарослях и поднимись на их высокое взгорье. И через три года не поднимется (оружие). (IV) Девятка четвертая. Поднимутся на самый вал и не смогут напасть. — Счастье. (V) Девятка пятая. Родня сначала (издает) крики и вопли, а потом смеется. Большие войска, одолевая друг друга, встречаются. (VI) Наверху девятка. Родня в пригороде. — Раскаяния не будет.

(№ 14) ☰☲ **ДА Ю. ОБЛАДАНИЕ ВЕЛИКИМ.**

Изначальное свершение.

(I) В начале девятка. Нет связи с вредным. — Не то чтоб была хула, (но если) потрудишься, то хулы не будет. (II) Девятка вторая. Большая колесница — для грузов. — Есть куда выступить. Хулы не будет. (III) Девятка третья. Князю надо проникнуть к сыну неба. — (В таком случае) ничтожные люди не смогут одолеть (его). (IV) Девятка четвертая. (Если) не будет у тебя роскоши, хулы не будет. (V) Шестерка пятая. Такая правдивость. (В ней будешь) связан (со всеми, будешь) силен. — Счастье. (VI) Наверху девятка. От неба благословение этому. — Счастье. Ничего неблагоприятного.

(№ 15) ☶☷ **ЦЯНЬ. СМИРЕНИЕ.**

Свершение. Благородному человеку — обладать законченностью.

(I) В начале шестерка. Смиренный из смиренных благородный человек. — Надо переходить вброд через большую реку. Счастье. (II) Шестерка вторая. Провозгласи смирение. — Стойкость — к счастью. (III) Девятка третья. Трудись над смирением. — Благородному человеку — обладать законченностью. — Счастье. (IV) Шестерка четвертая. Ничего неблагоприятного. Возвысь смирение. (V) Шестерка пятая. Не разбогатеешь из-за своих соседей. — Благоприятно и нужно наступать и нападать. — Ничего неблагоприятного. (VI) Наверху шестерка. Провозгласи смирение. — Благоприятно, и нужно двинуть войско в карательные походы на города и страны.

(№ 16) ☷☳ **ЮЙ. ВОЛЬНОСТЬ.**

Благоприятно возведению князей и движению войск.

(I) В начале шестерка. (Если) провозгласишь вольность — (будет) несчастье. (II) Шестерка вторая. Будь крепче камня, но не до конца дня. — Стойкость — к счастью. (III) Шестерка третья. Засмотришься на вольность — (будет) раскаяние. Опоздаешь — будет раскаяние. (IV) Девятка четвертая. Исходя из вольности, многое будет достигнуто. — Не сомневайся. Друзья (соберутся вокруг тебя, как) волосы вокруг шпильки. (V) Шестерка пятая. Стойкость — к болезни. (В) постоянстве не умрешь. (VI) Наверху шестерка. Померкнувшая вольность. Совершаемое минует. — Хулы не будет.

(№ 17) ☳☱ **СУЙ. ПОСЛЕДОВАНИЕ.**

Изначальное свершение; благоприятна стойкость. Хулы не будет.

(I) В начале девятка. В службе будет перемещение. Стойкость — к счастью. — (Если и), выйдя из ворот, будешь связан (с правильным для тебя, то) будешь иметь успех. (II) Шестерка вторая. Сблизишься с малыми детьми — потеряешь возмужалых людей. (III) Шестерка третья. Сблизишься с возмужалыми людьми — потеряешь малых детей. — В последовании будешь добиваться и достигнешь. — Благоприятно пребывание в стойкости. (IV) Девятка четвертая. (Если) в последовании и захватишь что-нубудь, (то) стойкость — к несчастью. (Если) будешь обладать правдой и будешь на (верном) пути, (то) тем самым будет ясность. — Какая может быть хула? (V) Девятка пятая. Правдивость по отношению к прекрасному. — Счастье. (VI) Наверху шестерка. То, что взято, — сблизься с ним; и то, что следует (за тобою), — свяжись с ним. — Царю надо проникнуть к западной горе.

(№ 18) ☴☶ **ГУ. (ИСПРАВЛЕНИЕ) ПОРЧИ.**

Изначальное свершение. Благоприятен брод через великую реку. (Будь бдителен) за три дня до начала и три дня после начала.

(I) В начале шестерка. Исправление испорченного отцом. — Если есть сын, то покойному хулы не будет. (Хотя и) опасно, (но) в конце концов — счастье. (II) Девятка вторая. Исправление испорченного матерью. — Невозможна стойкость. (III) Девятка третья. Исправление испорченного отцом. Будет небольшое раскаяние. Не будет большой хулы. (IV) Шестерка четвертая. Свободное отношение к испорченному отцом. — Выступив, увидишь сожаление. (V) Шестерка пятая. Исправление испорченного отцом. — Необходима хвала, (VI) Наверху девятка. Не служи ни царю, ни князю. — Возвеличь и прославь свое дело.

(№ 19) ☱☷ **ЛИНЬ. ПОСЕЩЕНИЕ.**

Изначальное свершение: благоприятна стойкость. Когда настанет восьмая луна, будет несчастье.

(I) В начале девятка. Всеобщее посещение. — Стойкость — к счастью. (II) Девятка вторая. Всеобщее посещение. — Счастье, ничего неблагоприятного. (III) Шестерка третья. Услаждающее посещение. — Ничего благоприятного! Но когда обеспокоишься этим, то хулы не будет. (IV) Шестерка четвертая. Достигающее посещение. — Хулы не будет. (V) Шестерка пятая. Познанное посещение. Подобающее великому государю. — Счастье. (VI) Наверху шестерка. Искреннее посещение. — Счастье. Хулы не будет.

(№ 20) ☷☴ **ГУАНЬ. СОЗЕРЦАНИЕ.**

Умыв руки, не приноси жертв; владея правдой, будь нелицеприятен и строг.

(I) В начале шестерка. Юношеское созерцание. — Ничтожному человеку — хулы не будет; благородному человеку — сожаление. (II) Шестерка вторая. Созерцание сквозь (щель). — Благоприятна стойкость женщины. (III) Шестерка третья. Созерцай продвижение и отступление нашей жизни. (IV) Шестерка четвертая. Созерцай блеск страны. — Благоприятно тому, чтобы быть принятым как гость у царя. (V) Девятка пятая. Созерцай нашу жизнь. — Благородному человеку хулы не будет. (VI) Наверху девятка. Созерцай их (других людей) жизнь. — Благородному человеку хулы не будет.

(№ 21) ШИ ХО. СТИСНУТЫЕ ЗУБЫ.

Свершение. Благоприятствует (тому, чтобы) применять тюрьмы.

(I) В начале девятка. (Когда) надевают колодки, гибнут пальцы на ногах. — Хулы не будет. (II) Шестерка вторая. Вырви брюшину; уничтожь нос. — Хулы не будет. (III) Шестерка третья. Вырвешь окостеневшее мясо, (но) встретишь яд. — Небольшое сожаление. Хулы не будет. (IV) Девятка четвертая. Вырвешь мясо, присохшее к кости. Получишь металлическую стрелу. — Благоприятна стойкость в затруднениях. Счастье. (V) Шестерка пятая. Вырвешь засохшее мясо. Получишь желтое золото. — Будешь стойким в опасности — хулы не будет. (VI) Наверху девятка. Возложишь колодку (на шею) и уничтожишь уши. — Несчастье.

(№ 22) БИ. УБРАНСТВО.

Свершение. Малому благоприятно иметь, куда выступить.

(I) В начале девятка. Украсишь эти пальцы ног. Оставь колесницу и иди пешком. (II) Шестерка вторая. Укрась эту бороду и усы. (III) Девятка третья. Разубранность! Разукрашенность! — Вечная стойкость — к счастью. (IV) Шестерка четвертая. Разубранность! Белизна! Белый конь — точно летит! — (Если бы) не разбойник, (то был бы) брак. (V) Шестерка пятая. Убранство в саду на холме. Связка парчи (для подарка) — низкого сорта. — Сожаление, (но) в конце концов — счастье. (VI) Наверху девятка. Белое убранство. — Хулы не будет.

(№ 23) БО. РАЗРУШЕНИЕ.

Неблагоприятно иметь, куда выступить.

(I) В начале шестерка. У ложа разрушены ножки. — Пренебрежение. Стойкость — к несчастью. (II) Шестерка вторая. У ложа розрушены перекладины. Пренебрежение. Стойкость — к несчастью. (III) Шестерка третья. Разрушат его. — Хулы не будет. (IV) Шестерка четвертая. У ложа разрушена обивка. — Несчастье. (V) Шестерка пятая. Рыбная ловля. Через придворных женщин — милость. — Ничего неблагоприятного. (VI) Наверху девятка. Огромный плод не съеден. — Благородный человек получит воз; у ничтожного человека разрушится жилье.

(№ 24) ФУ. ВОЗВРАТ.

Свершение. Выходу и входу не будет вреда. Друзья придут — хулы не будет. Обратно вернешься на свой путь. Через семь дней — возврат. Благоприятно иметь, куда выступить.

(I) В начале девятка. Возвращение не издалека. — (Дело) не будет доведено до раскаяния. Изначальное счастье. (II) Шестерка вторая. Прекрасное возвращение. — Счастье. (III) Шестерка третья. Постепенное возвращение. — Опасность, но хулы не будет. (IV) Шестерка четвертая. Верное движение. Самостоятельное возвращение. (V) Шестерка пятая. Полноценное возвращение. — Раскаяния не будет. (VI) Наверху шестерка. Заблуждающееся возвращение. — Несчастье. Будут стихийные бедствия и беды, (вызванные самим человеком. Если) применить действие войском, (то) в конце концов будет великое поражение. Для государя такой страны — несчастье. Даже до десяти лет нельзя предпринимать карательные походы.

(№ 25) У ВАН. БЕСПОРОЧНОСТЬ.

Изначальное свершение; благоприятна стойкость. У того, кто не прав, будет (им самим вызванная) беда. Ему не благоприятно иметь, куда выступить.

(I) В начале девятка. Беспорочное выступление. — Счастье. (II) Шестерка вторая. Если, и не запахав поле, соберешь урожай, и не разработав (в первый год) поле, (в третий год) используешь его, то будет благоприятно иметь, куда выступить. (III) Шестерка третья. Беспорочному — стихийное бедствие. Он, может быть, привяжет (своего) быка, (а) прохожий завладеет (им). Для (него), живущего в (этом) городе,— стихийное бедствие. (IV) Девятка четвертая. (Если сможешь быть стойким, хулы не будет. (V) Девятка пятая. Болезнь беспорочного. — Не принимая лекарств. Будет радость. (VI) Наверху девятка. — Беспорочность уходит. — Будет беда (по своей вине). Ничего благоприятного.

(№ 26) ДА ЧУ. ВОСПИТАНИЕ ВЕЛИКИМ.

Благоприятна стойкость. Кормись не (только от своего) дома — счастье. Благоприятен брод через великую реку.

(I) В начале девятка. Будет опасность. — Благоприятно остановить (свою деятельность). (II) Девятка вторая. У воза выпали спицы. (III) Девятка третья. Погоня на хорошем коне. — Благоприятна в трудности стойкость. И вот, (если будешь) упражняться в (применении) боевых колесниц, (то) благоприятно иметь, куда выступить. (IV) Шестерка четвертая. Защитная доска (от рогов) теленка. — Изначальное счастье. (V) Шестерка пятая. Клыки выхолощенного вепря. — Счастье. (VI) Наверху девятка. Какие могут быть дороги на небе? — Свершение.

(№ 27) И. ПИТАНИЕ.

Стойкость — к счастью. Созерцай скулы: (они) сами добывают (то, что) наполняет рот.

(I) В начале девятка. Ты забросишь свою волшебную черепаху, (на которой гадают), и, смотря на мое (добро), раскроешь рот (от алчности). — Несчастье. (II) Шестерка вторая. Питание навыворот: отклонишься от основы, (чтобы) питаться на (песчаном) холме. — Поход — к несчастью. (III) Шестерка третья. Сбившееся питание. — Стойкость — к несчастью. Десять лет не действуй. Ничего благоприятного. (IV) Шестерка четвертая. Питание навыворот. — Счастье. Тигр смотрит, вперяясь в упор, его желание — погнаться вслед. Хулы не будет. (V). Шестерка пятая. Отклонишься от основы. (Но если) пребудешь в стойкости — счастье. — Невозможен брод через великую реку. (VI) Наверху девятка. Исходи из питания. — (Хотя и) опасно, (но будет) счастье. — Благоприятен брод через великую реку.

(№ 28) ДА ГО. ПЕРЕРАЗВИТИЕ ВЕЛИКОГО.

Стропила прогибаются. Благоприятно иметь, куда выступить. Свершение.

(I) В начале шестерка. Для подстилки пользуйся белым камышом. — Хулы не будет. (II) Девятка вторая. На иссохшем тополе вырастают почки. Старый человек получает эту девушку в жены. — Ничего неблагоприятного. (III) Девятка третья. Стропила прогибаются. — Несчастье. (IV) Девятка четвертая. Стропила великолепны. — Счастье. (А если) что-нибудь другое, (то будет) сожаление. (V) Девятка пятая. На иссохшем тополе вырастают цветы. Старая женщина получает этого служилого мужа. — Хулы не будет, хвалы не будет. (VI) Наверху шестерка. При переходе вброд (зайдешь так глубоко, что) изчезнет темя. — Несчастье. Хулы не будет.

(№ 29) СИ КАНЬ. ДВОЙНАЯ БЕЗДНА.

Обладателю правды — только в сердце свершение. Действия будут одобрены.

(I) В начале шестерка. Двойная бездна. Войдешь в пещеру в бездне. — Несчастье. (II) Девятка вторая. В бездне есть опасность. — Добиваясь, кое-что обретешь. (III) Шестерка третья. Придешь иль уйдешь — (будет) бездна за бездной. (Пусть и) опасно, (но) все же есть поддержка. Войдешь в пещеру в бездне. — Не действуй. (IV) Шестерка четвертая. (Всего) кружка вина и чаша (еды), и в придачу нужен (лишь) глиняный кувшин. Принятие обязательств через окно. — В конце концов хулы не будет. (V) Девятка пятая. Бездна не наполняется. Когда уже выровняешь (ее) — хулы не будет. (VI) Наверху шестерка. Для связывания нужен канат и аркан. Заключение в чаще терновника. — И в три года (ничего) не обретешь. Несчастье.

Продолжение следует

КАКОЕ ВЫ ДЕРЕВО?

Напоминаем смысл гороскопа древних жрецов Северной Европы—друидов: люди и растения — родственны, каждому сроку рождения соответствует свой «знак»— дерево или кустарник, которые и являются покровителями и «определителями» свойств рожденных под их «знаком» людей.

КИПАРИС

25 января — 3 февраля
26 июля — 4 августа

В средней полосе России кипарис оборачивается скромным можжевельником. Так же и человек, родившийся под «знаком» кипариса,— при благоприятных условиях рослый, изысканно-блестящий собеседник, краса и радость любой компании. Но даже маленький кустик можжевельника, независимо от обстоятельств, демонстрирует стройность и ладность, которые оказываются не только внешними качествами, но и глубинными его свойствами.

И мужчина, и женщина из рода «кипарисовых» удивляют сочетанием в себе изящества и простоты. Высокие нравственные нормы, заложенные глубоко и прочно,— основа их спокойствия и возвышенности духа. В трудных ситуациях их нравственные качества проявляются сильнее. От простоты — их прямота, от изысканности — великодушие. Дружба с «кипарисовыми» людьми облагораживает. Любовь их прочна, хотя, возможно, и слишком уравновешенна. При первом взгляде впечатление, что кипарис эгоистичен, но это не так. Гармонизированные основы внутреннего мира строятся на самодостаточности, верности себе. Жизнь «кипариса» течет долго и без особых осложнений.

Излишняя предприимчивость, так же как и аскетизм, исключена для кипариса.

ТОПОЛЬ

4 февраля — 18 февраля
5 августа — 13 августа

Свойства людей, родившихся в «тополиные» сроки, колеблются между основными видами тополя. А их известно три: декоративный пирамидальный тополь, тополь обыкновенный, осина. Как легко стать зябнущей, дрожащей осинкой и как трудно добиться статуса независимого пирамидального тополя!

Да, люди «тополиного» рода часто зависимы от окружающих, они слишком чувствительны к течению времени, опасаются болезней и старости. Их жизнь больше ориентирована на защиту, нежели на активное жизнеутверждение. Они щедры, иногда демонстративны, раздражая вызывающей склонностью к внешнему. Они отважны и горды, и эти их свойства, бесценные в экстремальных случаях, в повседневности могут вызывать неприятие... Трудно сохранять социальный статус, трудно оставаться самим собой и делать то, чего от тебя ждут.

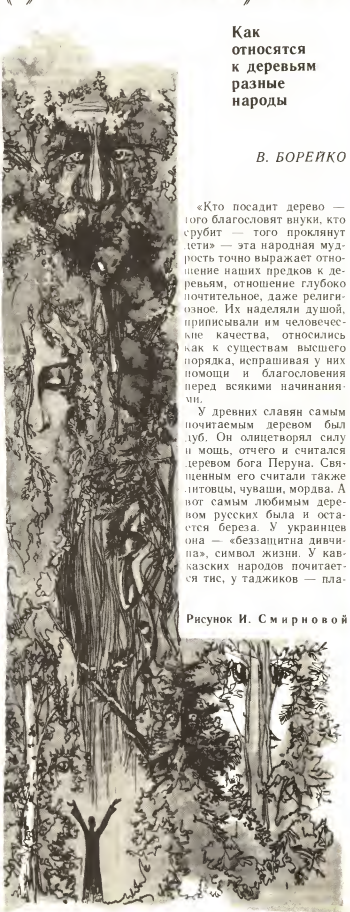
В дружбе и любви «тополиные» люди неуравновешенны и уязвимы. Вообще, они много играют, их самозащита воспринимается временами как тонкая дипломатичность, неуравновешенность — как прекрасная приспособляемость к обстоятельствам.

Доведенные до отчаяния, «тополиные» люди могут стать магами. И — обратите внимание, как подобран и устремлен в небо пирамидальный тополь в комфортных условиях солнечных животворных широт юга.

Тревожный ряд — тополиный...

В. АХРАМОВИЧ

Продолжение. Начало см. в № 1, 1991.

ДЕРЕВО-СВЯЩЕННО

Как относятся к деревьям разные народы

В. БОРЕЙКО

«Кто посадит дерево — того благословят внуки, кто срубит — того проклянут дети» — эта народная мудрость точно выражает отношение наших предков к деревьям, отношение глубоко почтительное, даже религиозное. Их наделяли душой, приписывали им человеческие качества, относились как к существам высшего порядка, испрашивая у них помощи и благословения перед всякими начинаниями.

У древних славян самым почитаемым деревом был дуб. Он олицетворял силу и мощь, отчего и считался деревом бога Перуна. Священным его считали также литовцы, чуваши, мордва. А вот самым любимым деревом русских была и остается береза. У украинцев она — «беззащитна дивчина», символ жизни. У кавказских народов почитается тис, у таджиков — пла-

Рисунок И. Смирновой

тан (чинара). Ель была священной у германцев, кипарис — у греков, сосна — у фригийцев, омела — у кельтов...

«В разных уголках Земли,— пишет французский этнограф Жак Бросс,— живет легенда о праотце всех деревьев, древе-великане, которое поднималось к небесам из центра земли и являлось осью Вселенной. Оно объединяло три стихии, его корни уходили глубоко в почву, а крона упиралась в небесную твердь. Оно дарило планете воздух, всем земным тварям плоды, налитые солнцем и влагой, которую оно брало из почвы. Дерево притягивало молнии, дававшие людям огонь, и движением ветвей приказывало облакам, резвившимся у его верхушки, поить землю живительным дождем. Оно было источником жизни и обновления». Не удивительно, что культ дерева был столь распространен в древности.

Действительно, во всех странах жизнь людей и деревьев издавна связывали тесные узы. Дерево могло стать двойником человека, охранять его, передавать часть своих сил. Полагали, что у них общая судьба. Во многих странах в день рождения ребенка сажали дерево, которое становилось как бы его близнецом. Немцы в честь мальчика сажали яблоню, в честь девочки — грушу. А, например, в Полесье, когда рождался сын, во дворе высаживали дубок, дочь — сосну, тополь или березу.

Марийцы-охотники спрашивали дорогу у деревьев, просили разрешения переночевать под их сенью, благодарили за ночлег. У корейцев же существовала традиция «усыновлять» отдельные деревья в священных рощах. Отличительным признаком был соломенный жгут, привязанный к ветвям. Вокруг старых деревьев, растущих у дорог, на горных перевалах и границах деревень, сооружались защитные каменные насыпи. Нередко семья имела свое собственное священное дерево, растущее здесь же возле дома.

Люди замечали, скажем, что если жить под большим дубом, то проживешь долго: он как бы отдает часть своей силы. «Хорошим» деревом, дающим энергию, считалась береза, в противоположность осине, забирающей силы. Тем не менее есть поверье, что осина и тополь способны снять излишнее, «черное» напряжение и «принять» на себя болезнь человека.

Благоговейно относились издавна люди к старым деревьям. У славян с их помощью лечили детей, к примеру, от грыжи или рахита. Ритуал свершался на рассвете — считается, что это то время, когда у дерева много сил. Ребенка три раза проносили голым сквозь разрез, сделанный в живом дереве: оно «принимало» на себя его недомогание, «отдавая» больному свою энергию. После этой церемонии разрез стягивали и замазывали глиной. Когда выздоровевший ребенок вырастал, он должен был заботиться о своем спасителе.

К деревьям-долгожителям обращались с просьбой о ниспослании здоровья и богатства, удачного брака и благополучных родов. У многих народов было распространено поверье, что они принимают души умерших. Поэтому и на рубку их существовал строгий запрет. Русские считали, что срубивший такое дерево сходит с ума или ломает себе руки и ноги, а то и умирает. У украинцев запрещалось уничтожать плодовые деревья: сделавший это обрекал себя на гибель. Белорусы, слушая скрип дерева, верили, что это плачет душа замученного человека. На Руси долго охранялись так называемые подсельбные — старые усадебные деревья. «Подсельбное дерево рубить нельзя»,— передавалось из поколения в поколение. Такая же традиция существует и в Азербайджане.

С рубкой деревьев у разных народов связано немало неожиданных суеверий. В центральной России, например, крестьяне никогда не строили дом на том месте, где прежде росли березы, так как их корчевку полагали грехом. Русские на Алтае убеждены были, что нельзя пить березовый сок («это все равно, что

блуд творить») и что, пролившись на снег, он окрасится в кровавый цвет. В Киевской губернии ни один крестьянин не стал бы рубить или корчевать бузину, опасаясь, как бы она не рассердилась и не наслала на семью несчастье. А кто сожжет бузину, у того домашняя птица погибнет и в печь ударит молния. Белорусы боялись сломать рябину, по их поверью, это грозило смертью.

У тунгусов на Алдане снимать кору с березы для крыши чумов разрешалось лишь один раз в два года — она ведь при этом «плачет». Герои русской сказки «Курочка и петушок», когда им потребовалось взять немного лыка у липы, прежде посылают к корове за маслом — чтобы помазать липе «больное место».

Так веками воспитывалось в человеке чувство бережного, осторожного отношения к деревьям, к самой природе, ко всему тому, что, по его понятиям, превосходило его разум и возможности. Эти суеверия предохраняли зеленые массивы от бездумной и жестокой вырубки (столь характерной уже для новейшего времени). Могут возразить: есть религиозные обычаи и обряды, которые свидетельствуют о прямо противоположном. Например, традиция ломать березу на Троицу или вербу в предпасхальную — «вербную» — субботу. А Рождество и Новый год с елкой, сосной или омелой? Все так, но исключения не противоречат правилу.

В Европе в древности существовал лесной календарь, он был известен еще грекам. Английскому писателю Роберту Грейвсу удалось восстановить его. Деревья считаются покровителями тех, кто родился в «их» сроки. Береза: 24 декабря — 20 января; рябина: 21 января — 17 февраля, ясень: 18 февраля — 17 марта, ольха: 18 марта — 14 апреля, ива: 14 апреля — 12 мая, боярышник: 13 мая — 9 июня, дуб: 10 июня — 7 июля, остролист: 8 июля — 4 августа, лещина: 5 августа — 1 сентября, виноград: 2 сентября — 29 сентября, плющ: 30 сентября — 27 октября, калина: 28 октября — 24 ноября, бузина: 25 ноября — 22 декабря*.

Составители брали за основание лунный год, насчитывающий 364 дня (13 месяцев по 28 дней). К нему добавлялся еще один день (23 декабря), следовавший за днем зимнего солнцестояния, самым мрачным из всех: именно в этот день умирал год. Вот почему его символизировал тис, древо смерти. Можно отметить такую закономерность, несомненно учтенную составителями в календаре: для каждого дерева указаны те сроки, когда оно предстает в полном своем расцвете — покрывается цветами либо щедро плодоносит.

В наше время человек оказался не только отъединен от природы — он противостоит ей, и это неравное противодействие, хотя и с опозданием осознанное, грозит ему гибелью. Что же, ситуация безнадежная? Хочется верить, что это не так. Швейцарский психолог и психиатр Карл Густав Юнг убедительно показал, что образ дерева живет в качестве архетипа в индивидуальном и коллективном бессознательном. Значит нити еще не порваны, и восстановимы утраченные с природой связи, если только по следам своим вернуться вспять и не отбрасывать, как ненужный хлам, как груз предрассудков и пережитков, наивный и мудрый опыт предков.

** Интересно сравнить с «древесным» календарем друидов, рассказ о котором мы начали в № 1. В этом номере см. с. 42.*

Загадка нешвенного хитона

В первом номере журнала мы опубликовали заметку об одном из самых примечательных и красивых храмов Москвы — церкви Ризположения на Донской. Посвящена эта церковь особо почитаемой в России святыне — ризе, в которую в день мученической казни был облачен Иисус Христос. Согласно древнему церковному преданию, эта реликвия в первой четверти XVII века оказалась в Москве. Каким образом? Возможно ли это? Но сначала все по порядку.

Легенда о Ризе Господней восходит к новозаветной первооснове — к трем Евангелиям: от Марка, Луки и Иоанна. В двух первых эпизод этот упоминают вскользь, одной фразой, а в Евангелии от Иоанна изложен подробно. Эпизод, кстати, отражает реальные нравы и установления того времени. Палачи — в качестве вознаграждения за «работу» — имели право взять себе одежды казненных. (Невольно вспомнишь практику палачей и доносчиков системы ежовско-бериевского НКВД, которых начальство вознаграждало вселением в квартиры репрессированных.)

Итак, Евангелие от Иоанна, глава 19, стихи 23—24: *«Воины же, когда распяли Иисуса, взяли одежды Его и разделили на четыре части, каждому воину по части, и хитон; хитон же был не сшитый, а весь тканый сверху (в России его назовут нешвенным. — А. Ш.). И так сказали друг другу: не станем раздирать его, а бросим о нем жребий, чей будет... Так поступили воины».*

И вот здесь эстафету повествования у Нового Завета принимают легенды, разумеется, не обладающие таким авторитетом у верующих. Предания, записанные лишь на рубеже I—II тысячелетий, рассказывают о том, что среди тех воинов оказался некто по имени Елиос (или Элиоз), грузинский еврей (а евреи поселились в Закавказье еще в VI веке до н. э., в связи с походами вавилонского царя Навуходоносора, который разрушил Иерусалим и угнал в полон тысячи жителей Иудеи). Елиосу и достался по жребию нешвенный хитон Христа. С этим «трофеем» он вернулся в Грузию. Дома он подарил хитон сестре своей Сидонии, до которой уже дошли вести о событиях в Палестине, о жизни, проповедях и мученической гибели на кресте пророка по имени Иисус. В благоговейном восторге прижала Сидония святыню к груди и — скончалась... По другой версии, она все же успела попросить родных похоронить ее с этим хитоном на груди. Так ее и предали земле.

Легенды всегда существуют во множестве вариантов,— и предание о Ризе Господней не исключение. Кинематографисты из Тбилиси, с которыми мне довелось познакомиться несколько лет назад, уверяли меня, что Елиос был купцом, а не солдатом, хитон же он купил у одного из римских легионеров. Им никак не хотелось согласиться с тем, что соотечественник участвовал в казни Сына Божия... Владимир Иванович Даль в Толковом словаре сообщает о совсем ином предании, причем, как ни странно, повествуется оно в статье на слово «Щель»: «Евреи Вениаминова колена поселились, при Навуходоносоре, у Дербента; услышав о рождении Мессии, они послали послов, но Христос был уже распят, и они принесли только ризу Его и писания апостолов; от этих евреев, будто бы, образовались первые субботники, прозванные, по дербентским скалам, щельникамн» (том IV. С. 1499). Что ж, каждый волен верить своей версии. Мы же вернемся к легенде о Елиосе и Сидонии.

Эту благочестивую женщину похоронили так, как она просила,— с хитоном на груди. И на ее могиле вырос кипарис, почитаемый на Кавказе как священное дерево. Минуло три столетия, и христианство стало в Грузии государственной религией. Повелением первого грузинского христианского царя кипарис над погребением Сидонии был спилен, дабы воздвигнуть на этом месте храм. При строительстве его была использована значительная часть ствола кипариса. Оставшаяся древесина пошла на изготовление крестов, один из которых и сейчас хранится в этом соборе. Легенда утверждает, что корень древа, оказавшийся в основании храма, стал источать благоухающее целебное миро. Поэтому и назвали храм Свети-Цховели, по-грузински «Животворящий Столп».

Прошло еще тринадцать столетий. Наступили лихие времена — не только для грузинского царства, но и для грузинского народа. В первой четверти XVII века христианская Грузия стала, в сущности, беззащитной жертвой опустошительного нашествия персидского шаха Аббаса. Из других легенд известно, что этот Аббас прислал со специальным посольством в Москву ризу Иисуса Христа. Зная о чудовищном разорении персами злосчастной Грузии, можно допустить, что воины Аббаса разгромили и собор Свети-Цховели, раскопали священную для верующих могилу и вытащили оттуда хитон Христа.

И вот он в Москве... Но подарок преподнесен руками мусульман, а «неверных слово без испытания не приемлется». Иначе говоря, необходима проверка подлинности ризы.

В Кремле драгоценный ларец открыли, и патриарх Филарет бережно достал его содержимое. «И по досмотру,— как записали в специальном акте,— в том ковчежце (оказалась) часть некая полотняна, кабы красновата, походила на мели, или будет от давних лет, лице изменила, а ткань во лну (то есть льняная. — А. Ш.)...»[1]

Вероятно, образцом для проверки на подлинность послужили евангельские описания и более поздние христианские легенды.

«Одна женщина, которая страдала кровотечением двенадцать лет,— повествует Евангелие от Марка (глава 5, стихи 25—27, 29),— много потерпела от многих врачей, истощила все, что было у ней, и не получила никакой пользы, но пришла еще в худшее состояние,— услышав об Иисусе, подошла сзади в народе и прикоснулась к одежде Его... И тотчас иссяк у ней источник крови, и она ощутила в теле, что исцелена от болезни».

В 326 году в Иерусалиме по повелению Елены — матери византийского императора Константина — откопали на вершине Голгофы три креста, на которых были распяты Христос и разбойники. Табличка, приколоченная некогда над головой Иисуса по приказу Понтия Пилата, лежала в земле отдельно. В «Житиях святых» есть такая запись: «Бог не попустил, чтобы христиане вместо Креста Господня воздали честь кресту разбойника. Чудесным исцелением женщины от тяжкой болезни и воскрешением умершего от возложения одного из крестов найденных открыт животворящий Крест Христов»[2].

Когда патриарх Филарет получил дар персидского шаха, он установил для себя и для своего ближайшего окружения семидневный пост с упованием на то, что «Господь Бог о той святыне проявит волю свою». И воля эта — как утверждает предание — была проявлена: «больные выздоравливали от прикосновения к ним Ризы Господней». В течение первой недели — 14 случаев исцеления. А по 1 сентября 1625 года — 67! Слепые прозревали, к глухим возвращался слух; страдавшие «огне-

[1] *Григорий Истомин, протоиерей. Указатель святынь и достопримечательностей Московского Большого Успенского собора. Сергиев Посад, 1916, с. 58.*

[2] *Филарет (Гумилевский), архиепископ Черниговский. Жития святых, чтимых православною церковью Том «Сентябрь», СПб, 1891, с. 157.*

вицей», то есть горячкой, а также «расслабленные», то есть парализованные, становились совершенно здоровыми.

10 июля 1625 года (через четыре месяца после появления хитона в Москве) в Успенском соборе Московского Кремля, в алтаре первопрестольного российского храма, хитон был положен в специально изготовленный драгоценный ковчег. А в российском церковном календаре появилась новая запись: «Положение честной ризы Господа нашего Иисуса Христа в Москве (1625)».

Праздник этот отмечается лишь одной православной церковью — Русской. Во всем христианском мире ему посвящен один-единственный храм — московская церковь Ризоположения на Донской.

Казалось бы, все ясно, если бы не одно «но»...

Переверните несколько страниц того же «Православного церковного календаря». Против даты 1 октября (по старому стилю) помимо сообщения о великом (и опять же — чисто русском) церковном празднике «Покрова Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Присподевы Марии», о дне памяти Анании, апостола «от 70-ти»; преподобных Романа Сладкопевца, Саввы Вишерского, Новгородского; Доминина Солунского, а также преподобномученика Михаила, игумена Зовийского, и с ним 36 преподобномучеников, читаем: «Празднование в честь Хитона Господня и Столпа Животворящего (Груз)».

Как это понимать? В честь чего устраивают 1 октября торжественные богослужения чада Грузинской православной церкви? Не в честь же возможно оскверненной некогда святыни? Разумеется, нет!.. Грузинская церковь убеждена, что хитон пребывает в неприкосновенности в соборе Свети-Цховели. И это убеждение грузинских собратьев по вере иерархам Русской православной церкви, несомненно, известно. В «Православном церковном календаре» на 1980 год читаем: «...Грузинский Католикос-Патриарх Николоз (XII в.) составил акафист в честь Хитона Господня, который, по преданию Грузинской Церкви, покоится в основании мцхетского патриаршего собора Двенадцати апостолов, получившего название Светицховели...».

Так где же истинное место хранения хитона? И какая запись в «Православном церковном календаре» верна: 1 октября или 10 июля?

Богословы Русской православной церкви сняли противоречие, объявив, что истинно и то, и другое, обе даты церковного календаря посвящены разным одеяниям Иисуса Христа: 1 октября — хитону, принесенному Елиосом из Иерусалима и погребенному в городе Мцхета вместе с телом Сидонии, а 10 июля — некой ризе, происхождение которой не уточняется.

«Животворный Столп... имеет ныне каменное покрытие и увенчан легкой, не касающейся свода собора сенью.

Под ним и поныне, как гласит предание Грузинской церкви, незримо покоится Хитон Господень (ни один из мусульманских завоевателей не осмелился посягнуть на это святое место).

Положение Ризы Господней. Русская икона XVII века.

Распятие Иисуса Христа. С западноевропейской средневековой гравюры.

Надо отличать «Хитон Господень от Ризы Господней...» — так записано в книге «Минея. Октябрь. Житийные справки» (издание Московской Патриархии, 1980, с. 8).

Но ведь в церковных изданиях слова эти употребляли исключительно как синонимические обозначения одного и того же предмета — облачения, в котором Христос возведен был палачами к месту мученической казни.

В грамоте царя Михаила Федоровича и отца его Филарета, патриарха Московского и всея России, разосланной по епархиям в январе 1626 года, говорится: «В прошлом 1625 году, в 11 день марта, приходил... от Государя Аббас-Шаха посол, Грузинец Урусамбек, и после поклона... поднес... украшенный драгоценными камеиьями золотой ковчег со срачицею (сорочкой, рубахой. — А. Ш.) или хитоном (подчеркнуто мною. — А. Ш.) Иисуса Христа» (Архиепископ Филарет (Гумилевский). Жития святых, чтимых православною церковью. Том «Июль», Спб, 1891, с. 92). И далее, на следующей, 93-й странице: «Призывая верных к поклонению Божественной и целебной ризе Спасителя, Церковь возглашает, что эта риза есть Хитон»... (подчеркнуто архиепископом Филаретом).

Может быть, ясность внесут словари? В «Полном православном богословском энциклопедическом словаре», изданном в Петербурге в 1912 году, слово «хитон» поясняется следующим образом: «греческое название нижней одежды (рубашки) у древних народов, между прочим у евреев; вообще платье, одежда. Хитон, иначе риза Спасителя, был не сшитый, а весь тканный» (столбец 2280).

Заметка в популярном журнале «Русский архив» (1892, Т. 5, с 171): «В десятый день Июля месяца празднуется «Положение честные Ризы Господа нашего Иисуса Христа, еже есть хитон, в царствующем граде Москве».

И, наконец, великая российская энциклопедия — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (том 52, СПб, 1899, с. 693):

«Риза Господня — нешвенный хитон, полученный по жребию одним из воинов, бывших при распятии Иисуса Христа...»

Любопытно, что в средневековье на обладание хитоном претендовали еще два десятка католических храмов. Со временем всех соперников оттеснил Трир — один из древнейших германских городов. Согласно преданию, впервые отраженному в письменных источниках в 1191 году, хитон, в 328 году найденный в Палестине матерью императора Константина Еленой, положен был в Трирском соборе; массовое поклонение святыне началось с 1512 года. По решению трирского епископа, с середины прошлого века утвердился обычай время от

времени выносить хитон из собора — правда, в шелковом чехле. Только в конце минувшего столетия специальной комиссии разрешено было взглянуть на святыню. В акте комиссии сказано, что хитон «представляет собой нечто покрытое плесенью, сплошь дырявое, материал его теперь установить не представляется возможным, нельзя даже установить, имеются ли в этой вещи швы. По-видимому, она была сделана из льна или хлопчатобумажной ткани и не имела никаких узоров»[3].

Интересно было бы исследовать возраст и происхождение этой ткани таким же образом, каким была недавно исследована ткань Туринской плащаницы... Что же касается реликвии Успенского Собора Московского Кремля, то судьба ее автору этих заметок (при весьма основательном знакомстве с материалом) неизвестна. По всей вероятности, Риза Господня, вместе с другими особо почитаемыми реликвиями, был унесена из собора в 1918 году, после прекращения в нем богослужений... Может быть, она сохранилась в сокровищнице Московской Патриархии? В апрельском номере «Журнала Московской патриархии» за 1967 год была опубликована статья протоиерея Василия Свиденюка, настоятеля церкви Ризоположения на Донской, посвященная истории возглавляемого им храма. В числе его святынь упомянута «аналойная храмовая икона», изображающая событие, в память о котором построена церковь. «В середину иконы вставлен серебряный крест с частицей Ризы Господней, подаренной Святейшим патриархом Алексием в 1951 году к 250-летию со дня основания Ризоположенского храма» (с. 16).

Почему бы Московской Патриархии не проявить такую же смелость, какую проявили иерархи Ватикана по отношению к Туринской плащанице? Почему бы не предоставить ученым возможность определить возраст ткани, передав им такой же крохотный ее кусочек, какой сорок лет назад был отдан — по повелению патриарха Алексия I — в дар Ризоположенскому храму? Ведь такие случаи имели место и в прошлом. Жития, изданные Филаретом (мы их здесь цитировали), и словарь Брокгауза и Ефрона сообщают, что «частицы Ризы» хранились и в Софийском соборе Киева и в двух петербургских храмах — в Петропавловском соборе и в церкви Спаса Нерукотворного в Зимнем дворце. В этот список следует, наверное, включить и прославленный памятник русского церковного зодчества — Ильинскую церковь Ярославля, построенную в середине XVII века по заказу и на деньги богатейших сибирских промышленников Скрипиных. В порядке поощрения в богоугодном деле царь Алексей Михайлович и патриарх Иосиф «одарили Скрипиных редкой религиозной реликвией — частью так называемой ризы господней» (Добровольская Э. Ярославль. М., 1968, с. 67).

Александр ШАМАРО

[3] *Цит. по: Крывелев И. А. Раскопки в «библейских» странах. М., 1965, с. 209—210.*

Михаил ГАСПАРОВ

Занимательная Греция: рассказы о древнегреческой цивилизации

Право на праздность?

Есть такое общечеловеческое свойство: лень. Что нам интересно, то мы делаем с увлечением, а что неинтересно, от того отлыниваем. И каждому из нас когда-нибудь да приходило в голову: «вот придумать бы что-нибудь, чтобы булки сами на деревьях росли!»

Грекам тоже это чувство было хорошо знакомо: недаром и у них был миф о золотом веке, когда земля все давала людям даром. А в нынешнем железном веке именно потому они так цепко держались за рабство. Они не замучивали рабов работой до смерти, нет; но весь собственный труд, который можно было перевалить на другого, они переваливали на раба. Только тогда они испытывали блаженное чувство свободы — не только свободы от царя или тирана, но и свободы от докучных житейских забот.

Конечно, это не значит, что свободные люди в Греции не работали, а только понукали рабов. Древнегреческие ремесленники были такие же усердные работяги, как и в другие времена и у других народов. Но работали они, как бы стыдясь своего труда. И это чувство «ручной труд постыден» накладывало отпечаток на всю греческую культуру. Философия развивалась, а техника не развивалась,— почему? Именно поэтому. «Мы восхищаемся статуями Фидия и Поликлета, но если бы нам самим предложили стать Фидием и Поликлетом, мы бы с отвращением отказались»,— признается один греческий писатель. Почему? Потому что работа скульптора — ручная работа, все равно, как у раба.

Даже когда свободный человек оставался без гроша и должен был волей-неволей зарабатывать на жизнь своими руками, он предпочитал наниматься не на долгосрочную работу, а на поденную — сегодня к одному, завтра к другому. Это позволяло ему помнить, что он сам себе хозяин. А на долгосрочном найме он чувствовал себя почти что рабом. «Жить, перебиваясь со дня на день»,— это не пугало, дальше завтрашнего дня не загадывали. «Хлеб наш насущный дай нам на сей день»,— говорится в первой христианской молитве тех времен, когда христианство было еще верой обездоленных.

Это было потому, что человек в своем городе никогда не чувствовал себя одиноким. Он помогал согражданам на войне — они должны были помогать ему в мирное время. Из военной добычи, из дани союзников, из собственных заработков,— все равно, из каких средств. Еще Перикл ввел плату шести тысячам судей и всенародную раздачу на театральные праздники. Теперь плату ввели и за участие в народном собрании, а праздничные раздачи стали делать вдвое чаще. Раздачи были ничтожные — еле-еле день прожить. Но народ за них хватался с отчаянной цепкостью. «Клей, на котором держится город»,— называл их оратор Демад. Был даже закон: все излишки от государственных расходов должны идти только на праздничные раздачи, а кто предложит иначе, того казнить смертью.

Если не удавалось прожить за счет государства — несамолюбивый бедняк мог прожить за счет какого-нибудь богатого или просто зажиточного человека, пристроившись к нему прихлебателем: быть у него на побегушках,

Продолжение. Начало публикации в № 8, 9, 11, 12, 1990; в № 1, 1991.

забавлять его шутками, а за это кормиться за его столом. В греческих комедиях этого времени такой хитрый нахлебник, выпутывающий из всех бед простоватого хозяина,— самое непременное лицо. По-гречески «на-хлебник» будет «пара-сит»: какое из этого получилось впоследствии слово, ясно каждому.

Так закон поворачивался своей изнанкой: мысль о долге перед государством вытеснялась мыслью о праве на праздность за счет государства. Государство от этого слабело. Лень — свойство общечеловеческое; но в обществе, где есть рабский труд, она расцветает особенно губительно.

Когда чувствуешь право на праздность, то уже не задумываешься о том, откуда берутся средства, на которые ты живешь. Кажется, что средства для этого всегда на свете есть, только распределены нехорошо: у соседа много, а у тебя мало. Так паразиту казалось, что раз у его хозяина есть деньги, то такого хозяина можно и нужно обирать; так всем грекам вместе казалось, что раз у персидского царя много богатств, то надо их выклянчить или надо их отбить. И мы видим: новое столетие начинается наемническими войнами на персидский счет, а кончается завоеваниями Александра Македонского. А промежуток заполнен спорами философов, как лучше обращаться с тем добром, которое у нас все-таки есть.

«Война — отец всего»

В годы греко-персидских войн в ионийском городе Эфесе жил философ Гераклит. Он видел великое могущество Персии и видел его падение; он видел в своем родном городе и власть тиранов, и власть знати, и власть народа; и он понимал, что так будет и дальше. Он думал: что же это за жизнь, в которой нет ни мгновения покоя, устойчивости и ясности? Как может быть вечен мир, в котором ничто не вечно?

Он слышал уроки философов из соседнего Милета: «Все в мире — из воды», «все в мире — из воздуха ..» — «Нет,— ответил он,— все в мире — из огня». Почему? Потому что из всех стихий огонь — самый изменчивый, самый вечнодвижущийся. Взгляните на огонь костра или очага — вы увидите бьющиеся и вьющиеся языки пламени, они не замрут ни на мгновение. Вот так и все на свете,— говорил Гераклит.

Все течет, все меняется: в одну реку нельзя войти дважды, потому что та вода, в которую мы входили, уже далеко утекла. Меняемся и мы сами: в детстве мы были не те, что теперь, и в старости будем не те, что теперь. Больше того. мгновенье назад мы были не те, что мгновенье спустя Вот я говорю: «мне сорок лет» — когда я начинаю это говорить, это была правда, когда кончаю — это уже ложь, потому что теперь мне уже не ровно сорок лет, а сорок лет и одна секунда. Я не могу сказать о человеке «он жив», потому что от первого до последнего мгновения жизни он постепенно умирает; я не могу сказать о человеке «он спит», потому что весь его сон — это постепенное приготовление к пробуждению; короче говоря, я не могу сказать о человеке «он есть», а только «он становится» тем-то и тем-то. Нет бытия — есть только вечное становление.

Откуда это вечное движение? Что гонит мир в этот головокружительный бег перемен? Борьба противоположностей. В мире нет покоя, потому что в нем борются Персия и Греция; в городе нет покоя, потому что в нем борются знать с народом; в душе нет покоя, потому что в ней борются одни желания с другими. Греция только потому и чувствует себя Грецией, что рядом с ней — непохожая на нее и борющаяся с ней Персия; огонь только потому и остается огнем, что ему приходится отстаивать себя против своих врагов — воды, земли и воздуха. «Война — отец всего и царь всего, она являет одних богами, других людьми, она делает одних рабами, других свободными». Вот лук, концы его растягивают тетиву в разные стороны, как желания — душу, и только поэтому он стреляет; вот лира, на ней точно так же растянуты струны, и только поэтому она звучит. Мало того: тетиву нужно то натягивать, то спускать, а струн то касаться, то не касаться, без такой переменчивости не будет ни выстрела, ни звука. И этого мало: лук несет смерть, а лира несет жизнь, но и лук и лиру держит один и тот же бог Аполлон, потому что смерть и жизнь, как мы видели, неразделимы и неразличимы.

Непонятно? Грекам тоже было непонятно. Гераклита прозвали «Темным»; говорили: «он так глубок, что нужно быть водолазом, чтобы что-то понять». Но Гераклит этого и хотел. Он не вел бесед, не давал уроков, как другие философы: он был нелюдим, жил молча, а учение свое записал в книгу и книгу положил в храм Артемиды Эфесской. Мудрый найдет и поймет, а немудрому и понимать незачем.

Молчалив и мрачен был Гераклит, потому что знал: во всех этих переменах есть порядок, есть ритм, есть закон, но доискаться до него, угнаться за ним мыслью очень трудно. А все остальное не стоит и доискивания: «многознание не научает разуму». Жить среди переменчивых людей с их переменчивыми заботами он гнушался. Ему предлагали стать тираном — он отдал власть другому. Его просили написать для Эфеса законы — он сказал: «Никакими законами вас не исправишь». Его оставили в покое — он сел под стеной храма Артемиды и стал играть с мальчишками в кости. Над ним смеялись — он ответил: «Разве это не то же, что ваша политика?»

В памяти греков он остался как «плачущий философ» — плачущий о людском ничтожестве. Так его называли в отличие от «смеющегося философа» — Демокрита, с которым мы тоже скоро встретимся.

«ШКОЛА ЭЛЛАДЫ»

Афины после Александра Македонского навсегда перестали быть политической силой. Но они оставались тем, чем назвал их еще Перикл,— «школой Эллады». Философы расхаживали по Афинам десятками. Великих мыслителей среди них было мало. Но все они жили и думали по-особенному, поэтому посмотреть и послушать их было интересно.

Когда философы спорили, народ собирался вокруг, как на состязание. Аристотелю на кого-то пожаловались: «Он так тебя ругает заочно!» Аристотель ответил: «Заочно он пусть меня хоть побьет».

Ученики Платона играли в кости. Платон их разбранил. Они сказали: «Это же мелочь!» — «Привычка — не мелочь»,— возразил Платон. На Крите, когда проклинают врага, то желают ему дурных привычек.

Ксенократу Александр Македонский прислал много денег. Ксенократ отослал их обратно: «Ему нужнее».

Другого философа звал ко двору пергамский царь. Тот отказался: «На царей, как на статуи, лучше смотреть издали».

Ксенократа привлекли к суду, оратор Ликург вызволил его защитительной речью. «Чем ты его отблагодарил?» — спросили Ксенократа. «Тем, что все его хвалят за его поступок».

Зенон упрекал юношу в мотовстве, тот оправдывался: «У меня много денег, вот я много и трачу». Зенон ответил: «Так и повар может сказать: я пересолил, потому что в солонке было много соли.»

ВСТРЕЧАЯ ГОД КОЗЫ

Согласно лунному календарю, принятому у последователей северного или тибетского буддизма (который распространен на территории нашей страны), 14 февраля 1991 года уходит в прошлое год Лошади. Он был ознаменован изданием (впервые в СССР) Буддийского календаря, составленного ламой Доржежапом Мархаевым из вновь открытого в Читинской области Цугольского дацана. Надеемся, что в следующем году Козы (или Овцы), который начинается 15 февраля, буддисты СССР получат и другие издания, посвященные учению Будды. Успеха в Новом году!

Знаки Лошади и Козы в календарной традиции северного буддизма.

ИЗ НАРОДНОГО КАЛЕНДАРЯ

Февраль

(По В. Далю)

20 января (2 февраля). Ефимий (Евфимий). На Ефимия метель — вся маслена метельная. Если в полдень солнце — ранняя весна.

22 (4). Тимофей-полузимник. Ползимы прошло. Тимофеевские морозы.

24 (6). Аксинья-полухлебница (Ксения). Половина старого хлеба съедена; половина сроку осталась до нового хлеба.

Какова Аксинья, такова и весна.

2 (15) февраля. Сретенье. Зима с летом встретились. Какова погода на Сретенье, такова и весна будет.

4 (17). Никола зимний, Никола студеный.

7 (20). Лука. Пекут пирожки с луком.

10 (23). Прохор. 11 (24). Власий. Пришел Прохор да Влас — никак скоро весна у нас. Власьевские морозы.

Масленица в этом году справляется с 29 января (11 февраля) по 4 (17) февраля.

Великий пост — с 5 (18) февраля по 24 марта (6 апреля).

Пасха — 25 марта (7 апреля).

Даты указаны по старому и (в скобках) новому стилю.

ГЛАВНЫЕ ПРАЗДНИКИ ИУДЕЙСКОГО РЕЛИГИОЗНОГО КАЛЕНДАРЯ НА 1991 ГОД

(5751—5752 годы по традиционному летосчислению «от сотворения мира», принятому в иудаизме)

Напоминаем, что началом праздника считается вечер накануне, когда на небе появляется первая вечерняя звезда.

Пурим — 28 февраля
Песах (Пасха) — 30 марта
Шавуот (Пятидесятница) — 19 июня
Рош-Ашана (Новый год) — 9 сентября
Йом Кипур (Судный день) — 18 сентября
Суккот (праздник Кущей) — 23 сентября
Симхат Тора — 1 октября
Ханука — 12 декабря

О некоторых праздниках мы расскажем в соответствующих номерах журнала.

МУСУЛЬМАНЕ ОТМЕЧАЮТ В 1991 ГОДУ (ПО ХИДЖРЕ 1411—1412 ГОДЫ) СЛЕДУЮЩИЕ ПРАЗДНИКИ И СОБЫТИЯ СВОЕЙ РЕЛИГИИ:

11—12 февраля (26—27 раджаб) — чудесное путешествие пророка Мухаммеда в Иерусалим и его вознесение на небеса (Мирадж).

6 апреля (21 рамадан) — изгнание Мухаммедом неверных из Мекки.

11 апреля (26 рамадан) — ночь предопределения (Лейлят аль-кадр) — начало ниспослания Мухаммеду Корана.

16—18 апреля (1—3 шавваль) — Праздник окончания поста (Ид аль фитр, тюрк. Ураза байрам), один из двух главных мусульманских праздников.

23 июня (10 зульхидж) — праздник жертвоприношения (Ид аль-адха, тюрк. Курбан байрам), второй главный мусульманский праздник.

6 сентября (26 сафар) — переселение (хиджра) Мухаммеда из Мекки в Медину в 622 году, начало мусульманского летосчисления.

20—21 сентября (11—12 раби альавваль) — день рождения пророка Мухаммеда (27 апреля 571 года).

Летосчисление по хиджре ведется с 16 июля 622 года по лунному календарю, поэтому мусульманские праздники ежегодно сдвигаются на 10—12 дней относительно европейского календаря. Например, в 1991 году новый год по хиджре (1411) начинается 23 июля, а в 1992 году — 13 июля.

Пост рамадан в 1991 году начинается 16 марта.

Энциклопедия «Науки и религии»

МИРАДЖ

В 17-й суре Корана сказано, что однажды ночью Аллах перенес Мухаммеда «из мечети неприкосновенной в мечеть отдаленнейшую» (17:1). Согласно преданию, пророк был перенесен в Иерусалим, на гору Мориа, где сейчас находится мечеть Аль-Акса. Перед тем, как отправиться в путь на чудесном крылатом существе по имени Бурак, пророк был омыт из священного источника Замзам (Земзем) ангелами Микаилом и Джабраилом. Из золотого сосуда они влили в пророка мудрость и веру. На горе Мориа Мухаммед встретился с пророками древности, а затем посетил семь небес, увидел райский источник Кавсар, Лотосовое Древо Крайнего Предела и достиг преграды меж небесами и божественным Престолом. Здесь ангел Джабраил, сопровождавший пророка, покинул его, и тот в одиночестве приблизился к Престолу, достигнув блаженного созерцания лика Всевышнего. В небесном странствии пророк прошел семь стоянок («макамов»), которые для исламских мудрецов и поэтов стали олицетворять ступени духовного восхождения на пути к единению с Высшей Истиной.

КОЛДУНЫ НА МАРШЕ

Вот и в Хабаровске появилась своя ассоциация экстрасенсов — «Амурский феномен». Не первая в нашей стране и, конечно же, не последняя. Учредителями ассоциации стали целых шестнадцать солидных научных организаций, среди которых два академических института, Дальневосточное отделение Всесоюзного общества психологов, Хабаровский медицинский институт.

На доме 22 по улице Серышева, где ведут прием экстрасенсы, знахари, и ворожеи, пока нет лозунга «Колдунов — на службу народу!», но все к тому идет. При катастрофическом состоянии нашего здравоохранения экстрасенсы и маги (в миру — и музыканты, и экономисты, и продавцы...) весьма активно заменяют тех, кто по долгу службы обязан избавлять людей от их недугов.

Некоторые из врачевателей получили свой необыкновенный дар в наследство от родителей и бабушек. Так, например, продолжательница династии колдунов З. А. Манцевич — специалист по траволечению и заговорам.

Как сказал в интервью газете «Рабочая трибуна» президент ассоциации Б. Ионичевский: «Хочется, чтобы все поняли, что экстрасенсы — это не шарлатаны и не сумасшедшие. Это просто субъекты со способностями выше средних, умеющие проявить их в деле».

Так что же, Минздрав уходит, да здравствует Минколд?

ВСЕ САМО СОБОЙ?..

Зародилась ли жизнь самопроизвольно или была порождена чьей-то волей? Над этим вечным вопросом давно бьются ученые. Предлагают свой ответ теологи.

Физики, биологи и специалисты по вычислительной технике сходятся во мнении, что разработка проблемы самоорганизации, то есть тенденции сложных динамических систем переходить к упорядоченному состоянию без какого-то специального на них воздействия, могла бы приблизить к ответу.

Ряд ученых полагают, что биологическая самоорганизация внесла определенный вклад в происхождение жизни. А именно: примерно 4 миллиарда лет назад жизнь возникла в результате смешения аминокислот, простых сахаров и других аналогичных химических соединений, образовавшихся в бурных условиях молодой Земли. Неясно только, откуда взялось столько энергии для формирования химических связей при образовании сложных белков и нуклеиновых кислот? Возможно, одним из путей самоорганизации был химический катализ, характер возникновения и протекания которого анализируется сейчас на специальной компьютерной модели.

Эта идея родилась в Лос-Аламосской национальной лаборатории (США). Обнаружив случайное образование коротких полимерных молекул из смеси аминокислот и других коротких соединений, ученые предположили существование цепи каталитических реакций, которая напоминает форму примитивного обмена веществ. В итоге могли появиться сгустки сложных соединений, включая некоторые длинные полимерные цепочки, ставшие, возможно, предшественниками современных белков и других биомолекул.

Но какие условия внешней среды благоприятны или не благоприятны для возникновения таких реакций? Ответ должна дать компьютерная модель. В сущности, эта модель представляет собой упрощенный вариант химии белков или нуклеиновых кислот. При этом исследователи могут изменять скорости реакций, эффективность каталитического действия и другие параметры.

И только после всех этих теоретических исследований ученые перейдут к лабораторным опытам на реальных химических веществах и соединениях.

Специалисты Пенсильванского университета тоже пытаются объяснить эволюцию жизни, исходя из принципов биологической самоорганизации. Действительно, каждая клетка организма человека содержит примерно 100 тысяч генов, включая неизвестное количество регулирующих генов, которые создают сложную систему взаимодействия. При этом, за исключением, возможно, раковых заболеваний, геном всегда самоорганизуется в устойчивые структуры, соответствующие определенным типам клеток (красным кровяным тельцам, клеткам мягких мышечных тканей и т. п.). Биохимики изучают генетическую регуляцию, скрупулезно прослеживая, какие гены участвуют в создании белков, какое обратное воздействие эти белки оказывают на ДНК для влияния на другие гены и т. п. И здесь делается ставка на математическую модель, рассматривающую генную регулятивную систему в виде системы взаимодействий между генами.

Уже есть некоторые любопытные результаты использования этой модели. Так, выяснился механизм и неэволюционного образования устойчивых типов клеток. С помощью математической теории динамических систем было показано, что могут образовываться устойчивые генные структуры вне зависимости от степени хаотичности, неупорядоченности изначальной системы. Но что это означает? Неужели то, что есть какие-то исключительно «жизнеобразующие структуры», которые срабатывают независимо от того, в какой среде находятся?

Недавно в Пенсильванском университете опробовали эту модель для изучения процесса соэволюции, в котором многочисленные виды живой природы соперничают или взаимодействуют друг с другом внутри более крупной экосистемы. Ученые рассматривают взаимодействия между видами как взаимодействия между двумя или более моделируемыми геномами с определением их взаимного влияния (например, геномов дерева и поедающего его жука-короеда).

Машинное моделирование показало, что моделируемые экосистемы несут в себе ряд признаков, аналогичных наблюдаемым в природных экосистемах. Например, типовые моделирования охватывали виды, сохраняющиеся в неизменной форме в течение довольно длительного времени, что-то вроде акул и тараканов, которые мало изменились за сотни миллионов лет. В то же время моделирования всегда содержат ряд быстро эволюционирующих видов, участвующих в своего рода «эволюционной гонке» в противовес медленно эволюционирующим дереву и жуку-короеду.

И здесь получили любопытные результаты. Так, в устойчивой системе соперничества и сотрудничества, какой являются хищник и жертва, быстро меняющиеся виды могут внезапно останавливаться на некоторое время в своем развитии, в то время как ранее устойчивые виды неожиданно трансформируются в новый вид. Выяснилось, кроме того, что в редких случаях быстрые лавинообразные изменения будут самопроизвольно протекать в экосистеме, преобразуя почти все на своем пути. Ископаемые доказательства подобных метаморфоз будут похожи на «великие отмирания», которые, как известно, случались в истории жизни на Земле. В то же время, согласно модели, такие явления могут возникать не только из-за случайных падений метеоритов, а просто в силу естественной динамики взаимодействия видов.

Все эти математические исследования отвечают на некоторые вопросы, но порождают их еще больше. Спор между сторонниками естественной эволюции и креационистами, полагающими вмешательство божественной силы, не окончен. Правда, это уже скорее даже не спор, а попытка нащупать какие-то точки соприкосновения. Но более обстоятельно об этом мы поговорим на страницах ближайших номеров журнала.

НЕОЖИДАННЫЙ РАКУРС

«Становись и занимай свое место в природе!»

У Порфирия Корнеевича Иванова сегодня множество последователей. Никто пока не произвел точного подсчета, но можно предположить, что их десятки тысяч. В Казани, например, действует объединение клубов «Избавление», в котором тысячи жителей города занимаются по его системе. Подобные клубы есть,по крайней мере, в 50 городах страны. С кем ни поговори из последователей системы,— все как один заявляют, что, стремясь найти свое место в Природе, о чем просил людей П. К. Иванов, они, что называется, словно вновь на свет родились, избавились от болезней, от страха, неуверенности, ощутили особую полноту жизни, ее значительность и смысл. Все называют его Учителем, но одни считают, что в его лице на землю явился Бог; другие уверены, что он — посланник Космоса и его задачей было вернуть землян на утраченный ими эволюционный путь; некоторые ученые (а представителей науки — физиков, философов, химиков, медиков — среди последователей П. К. Иванова немало) объясняют все действием Вселенской мыслящей материи, чьи законы преподал людям Иванов... Большинство же просто выполняют заповеди Учителя, которые получили название «Детка» (так он обращался ко всем), и не задумываются ни о ноосфере, ни о Высшем разуме, ни о том, что же и на каком уровне происходит при этом в организме человека, но не сомневаются в том, что совершенствуют и тело свое, и дух, и интеллект.

В последнее время в разных изданиях появилось немало публикаций о природной системе Иванова, но интерес к ней не проходит. Об этом свидетельствует и наша редакционная почта. Читатели просят рассказать — не новая ли религия возникла в середине XX века? в чем мировоззренческий смысл учения Иванова? есть ли среди его последователей верующие — христиане, мусульмане? чем отличается его система от множества ставших известными за последнее время оздоровительных методик и систем,тоже претендующих на оздоровление тела и духа человека? И так далее, и так далее.

В редакции существует правило — главные темы подсказывает, помогает выбирать читатель. Так и в этом случае. Учитывая многоплановость проблем, связанных с именем П. К. Иванова, мы провели по ним очно-заочный «круглый стол». Разумеется, он не дает категорического ответа на все вопросы, это тоже попытка разобраться в явлении, мимо которого уже невозможно пройти.

Участников обсуждения мы представим по ходу изложения. Ведущие — члены редколлегии журнала О. Т. Брушлинская и В. П. Пазилова.

Человечество пошло по ложному пути?

— В чем же суть системы П. К. Иванова? Сегодня редкий человек не озабочен состоянием своего здоровья, немногие могут похвалиться спокойствием духа. И, конечно, ищут выхода из этого состояния. Предложений на этот спрос немало — и школы медитаций, и методики голоданий, всяческих очищений организма. Кто-то приобщается к системе Шаталовой, а кто-то прибегает к Шелтону. За исключением нескольких скептиков здесь собрались последователи идеи П. К. Иванова. Почему вы избрали именно ее?

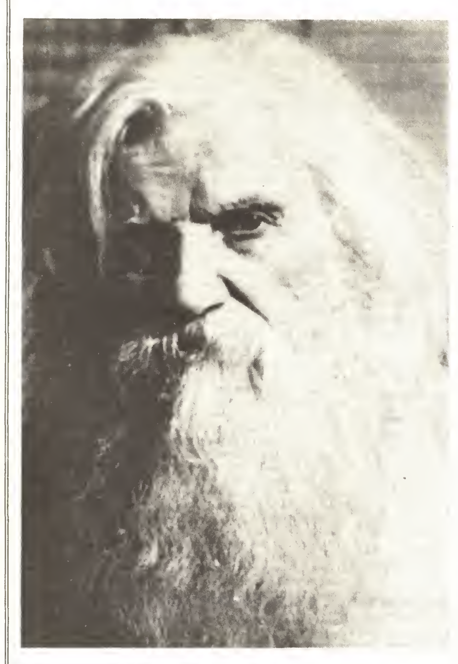
И. Я. ХВОЩЕВСКИЙ, научный работник в области аэродинамики (Москва).

Система П. К. Иванова отвечает на глобальные вопросы, перед которыми сегодня оказалось человечество, и от которых самым непосредственным образом зависит наше здоровье. Речь идет о проблемах энергетики и сохранения окружающей среды.

С одной стороны, как свидетельствуют данные исследований, проводившихся еще в начале 80-х годов в рамках ООН, если темпы развития производства и уровень энергопотребления будут возрастать с той же скоростью, что и сейчас, то энергетических ресурсов хватит еще только на 24 года.

С другой стороны, прогрессирующий рост энергетики, основанной не только на традиционных, но и на новых источниках энергии, будет продолжать оказывать разрушительное влияние на окружающую природную среду, от которой зависит наше здоровье, счастье, радость духовного совершенствования.

Нетрудно заметить, что проблемы эти связаны с «внешним планом» отношений человека и окружающей среды, в которых основную нагрузку несет внешняя природная среда. Человек же играет здесь роль потребителя, разрушает среду. При таком стиле отношений человека и природы мы никогда не сможем достичь полного разрешения конфликта между ростом потребления и сохранностью окружающей среды даже в случае использования новых источников энергии (например, атомной и др.). Ибо этот конфликт в лучшем случае может быть переведен лишь на

ДЕТКА

Я хочу сказать о Природе. Природа, она — наша Мать, она нас родила, она нас представила на белый свет для того, чтобы мы... именно жили. ...У нее есть воздух, у нее есть вода, у нее есть земля — самые главные три тела, которые в одно прекрасное время нам все дадут.

Я борюсь за то, чтобы обязательно нам пришлось жить так, как никогда не пробовал человек.

Из беседы с П. К. Ивановым

Свои мысли и жизненный опыт Порфирий Корнеевич изложил в виде 12 рекомендаций, известных под названием «Детка Иванова». Вот они:

Детка! Ты полон желания принести пользу всему советскому народу. Для этого постарайся быть здоровым. Сердечная просьба к тебе, прими от меня несколько советов, как укрепить свое здоровье.

1. Два раза в день купайся в холодной воде, чтобы тебе было хорошо. Купайся в чем можешь: в озере, речке, ванной, принимай душ или обливайся. Это твои условия. Горячее купание заверши холодным.

2. Перед купанием или после него, а если возможно, то и совместно с ним выйди на природу, встань босыми ногами на землю, а зимой на снег хотя бы на 1-2 минуты. Вдохни через рот несколько раз воздух и мысленно пожелай себе и всем людям здоровья.

3. Не употребляй алкоголя и не кури.

4. Старайся хотя бы раз в неделю обходиться без пищи с пятницы 18—20 часов до воскресенья 12 часов. Это твои заслуги и покой. Если тебе трудно, то держи хотя бы сутки.

5. В 12 часов дня воскресенья выйди на природу босиком и несколько раз подыши и помысли, как написано выше. Это праздник твоего тела. После этого можешь кушать все, что тебе нравится.

6. Люби окружающую тебя природу. Не плюйся вокруг... Привыкни к этому — это твое здоровье.

7. Здоровайся со всеми везде и всюду, особенно с людьми пожилого возраста. Хочешь иметь у себя здоровье — здоровайся со всеми.

8. Помогай людям, чем можешь, особенно больному, бедному, обиженному, нуждающемуся. Делай это с радостью. Отзовись на его нужду душою и сердцем...

9. Победи в себе жадность, лень, самодовольство, стяжательство, страх, лицемерие, гордость. Верь людям и люби их. Не говори о них несправедливо и не принимай близко к сердцу недобрых мнений о них.

10. Освободи свою голову от мыслей о болезнях, недомоганиях, смерти. Это твоя победа.

11. Мысль не отделяй от дела. Прочитал — хорошо. Но самое главное — делай!

12. Рассказывай и передавай опыт этого дела, но не хвались и не возвышайся этим. Будь скромен.

Желаю тебе счастья, здоровья хорошего.

ИВАНОВ Порфирий Корнеевич.

более совершенный, но опять-таки «внешний план» отношений (в конечном счете, быть может, даже потенциально более опасный, о чем будет сказано ниже), но никогда не сможет быть преодолен.

Сохранение внешней среды в наиболее естественном ее виде может быть осуществлено лишь при условии смещения центра тяжести в вопросе отношения человека и окружающей среды с «внешнего плана» на «план внутренний»* — то есть с разрешением вопроса о внутреннем преобразовании самого человека. И дело здесь не в количественном подходе к решению этого вопроса, связанном с разумным регулированием потребностей. Решение проблемы находится на путях качественного преобразования «внутреннего плана» человека.

Принципиальные философские и научные обоснования этого преобразования содержатся в трудах виднейших русских ученых и мыслителей В. И. Вернадского, К. Э. Циолковского, Н. Ф. Федорова, В. Ф. Купревича, других. Однако при всей значительности их идей, их захватывающей глубины, они, в общем-то, звучат достаточно абстрактно. И вот мы встречаемся с удивительным опытом нашего выдающегося соотечественника, самородка-исследователя Порфирия Корнеевича Иванова. Он провел живой, 50-летний опыт «диалога» с Природой, когда лабораторией стал собственный организм. Поистине титанические усилия этого уникального человека, усилия, направленные на качественное преобразование «внутреннего плана» человека в отношениях с природой; многочисленные труды его, наблюдения, письма — одним словом, вся система природной закалки, оставленная для нашего природного совершенствования,— имеют неоценимое значение. Для человечества и для человека.

То есть — конкретную проблему, конкретный вопрос — можно решить правильно лишь в том случае, если это решение исходит из всего комплекса зависимостей. Для здоровья человека необходимо обеспечить естественную природную чистоту воздуха, воды, земли. Но это невозможно без изменения его «внутреннего» плана. Он сам ее нарушил, вошел в противоречие с Природой, потерял свое место в ней. Пошел по неверному пути. И вот он уже вынужден прибегать к источникам энергии, которые могут оказаться (и оказываются) вредными для живой ткани человека, загрязняют его генетический код и могут привести к катастрофе.

До настоящего времени человек «энергетически питался» (в смысле теплового обогрева) за счет источников энергии биологического происхождения: дров, нефти, каменного угля, газа и т. д. Но как же быть в условиях нарастающего дефицита природных ресурсов? Остается уповать лишь на качественное преобразование «внутреннего плана» человека.

Пример этого и путь к тому и показал П. К. Иванов. Он осознал всю пагубность «силового диалога» с Природой, бессмысленность такого подхода и поставил своей целью установление контакта с живой природой, искренний диалог с нею. Он пришел к выводу: в Природе есть все необходимое для здоровья человека, все, чтобы он не простужался и не болел и шел все выше по пути качественного совершенствования себя в Природе. И все нужные для этого лекарства Природа дает человеку через чистый непосредственный контакт с тремя ее «телами»: воздухом, водой и землею, несущими в себе дыхание природной жизни. Были найдены и закономерности этого контакта, через которые человек получает природные силы для качественного изменения своего внутреннего плана. Хочу прочесть вам выдержки из одной тетради Порфирия Корнеевича: *«Мы стали брать в Природе только «хорошее» и «теплое», а от «плохого» и «холодного» стали отгораживаться, уходить. В этом наша ошибка: мы живем однобоко, а не кругозорко. За это нас Природа бьет своими силами: мы простуживаемся и болеем и умираем на веки веков. А вот если мы не будем уходить от «холодных» качеств Природы, заимеем с ней дружбу и любовь со всеми качествами ее, как «хорошими», «теплыми», так и «холодными», «плохими» в их единстве, тогда мы перестанем болеть и простуживаться, станем здоровыми. Природа станет нам Матерью. Она через воздух, воду и землю откроет нам свои силы для нашей полнокровной жизни. Жить мы будем, а умирать не будем...»*

А. Ю. БРОННИКОВ, военный инженер (Москва).

К идее о необходимости преобразования человека приходят сейчас все, кто серьезно занимается глобальными проблемами современности. Сошлюсь на работы известного Римского клуба об этике Нового Гуманизма. Президент клуба А. Печчеи пишет: «Если нынешний ход развития человечества не будет радикально изменен, то глобальный крах во всех человеческих делах неминуем». Президент настаивает на том, чтобы «как можно быстрее перейти от концепции, ориентированной на человеческие потребности и их удовлетворение, к другому понятию, в основе которого лежало бы человеческое развитие, а главной целью стало бы самовыражение и полное раскрытие возможностей и способностей человеческой личности»; он пишет: «...было бы серьезным заблуждением считать человеческие потребности отправным пунктом новой фазы в эволюции человечества». Иначе говоря, человек должен войти в новые, отличные от прежних, отношения с Природой.

Ответ на то, над чем сегодня бьются уважаемые собрания ученых, такие, как Римский клуб, был сформулирован еще в 1933 году, 25 апреля Учителем Ивановым. В основе его идеи лежит несколько непривычных понятий. Например, это понятия «старого» и «нового» потоков жизни. Они различаются по отношению человека к Природе как своему источнику. Если люди «старого» потока живут в Природе как беззастенчивые потребители, захватчики и разрушители живого тела Природы, пребывая в жесткой зависимости от необходимости удовлетворить три основные потребности: в пище, одежде и жилище, то «новый» поток жизни отличается **независимостью** от этих условий. Человек «нового» потока живет в Природе, не нуждаясь в пище, одежде и жилом доме **(без потребностей).** Его физическое тело совершеннее по своей структуре, чем наше с вами, и живет только за счет энергии трех живых тел Природы — воздуха, воды и земли. Это **человек развивающийся, а не потребляющий.**

По мысли П. К. Иванова, жизнь человека всегда проходила в тяжком труде во имя удовлетворения своих потребностей. «Люди ошиблись, они не по той дороге пошли». В результате такого искаженного восприятия мира они стали видеть смысл своей жизни в том, чтобы трудиться для максимального удовлетворения своих постоянно растущих потребностей. Однако при этом все как один в труде теряют свое здоровье и «умирают на веки веков». Эволюции людей как биологического вида не происходит уже многие тысячелетия.

Можно ли жить по-другому, легко, не теряя свое здоровье ради куска хлеба? Можно ли жить не умирая?

П. К. Иванов предложил практический путь, доступный каждому. Я на своем опыте убедился, что те, кто воспринял его учение, следует «Детке», становятся здоровыми — и только потому, что возвращаются на правильный эволюционный путь. Они поняли, и это самое главное,— исцеляться можно только силами Природы, без врачей и больниц. У П. К. Иванова записано в дневниках: «В Природе есть все живые, естественные качества, которые и сохранили человека». Человек задумывается: за счет чего можно сохранить свое здоровье, совершенствоваться и достичь своей главной цели — физического бессмертия.

В учении П. К. Иванова выделяются как бы три уровня: 1) методика оздоровления, 2) система самосовершенствования и 3) над всем этим — глобальное учение об эволюции человека в Природе. Методика здесь лишь часть

* *«Внутренний план» — официальный термин ООН, обозначающий внутреннюю сущность человека на духовном, психическом («психе» — греч. «душа») и физическом уровнях.*

учения, имеющая прикладное значение.

Вообще методик самосовершенствования великое множество: йога, дзэн-буддизм, медитации и т. д. Но, на мой взгляд, все они, в отличие от учения П. К. Иванова, не претендуют на коренное, биологическое изменение человека, на то, чтобы превратить человека в физически бессмертное существо.

В. Н. КОЗИЦКИЙ, инженер (НИИ радиотехнической аппаратуры, Москва).

Человек исключил эволюцию из своего существования. К чему это привело? Вот так называемый «западный путь», следовать которым нас сейчас усиленно призывают. А ведь это практически «протезная» культура, цивилизация приставок к нашим органам. Мы плохо видим — надеваем очки, мерзнем — надеваем пиджаки, боимся дождя — строим жилища. Это ни хорошо и ни плохо. Это — страшно. Мы, не поднявшись в своем нравственном развитии, создаем «протезы» разрушительной силы. Нет, нет, я не зову назад в пещеры. Но для выживания нам надо вернуться на путь эволюции — как нравственной, так и биологической. На путь коэволюции (по терминологии академика Н. Н. Моисеева), то есть эволюции совместно со всей Природой. И для начала хотя бы понять это.

Сейчас в большой моде «восточный путь». Но и это «протезный путь». Но если там «протезы» технические, то здесь «протезы» психологические. При всей пользе этих «протезов» их можно и там, и здесь применить во зло. И применяют. И даже не могут не применять. «Философия и религия Индии и Германии — пантеизм, то есть такое учение, в котором зло составляет необходимое условие бытия и жизни. Поэтому единственное средство уничтожения зла здесь есть уничтожение самой жизни, самого бытия,— писал Н. Ф. Федоров и добавлял,— ...зендское и славянское миро- и жизневоззрения не делают из зла неизбежное условие бытия и жизни и борьбу с ним ставят целью исторического существования». Напомню слова еще одного нашего мудреца, Льва Толстого: «...то, что представляется человеку злом, есть только указание того, что человек **ложно** понимает свою жизнь и не делает того, что дает ему свойственное ему благо. Зла нет». А как ее понимать **не ложно**, нашу жизнь? Это очень важно. «Самое главное — это, если мы научимся по-новому жить,— мы не будем умирать — это зависит от нас всех» — говорил Учитель Иванов. «Самое главное любить людей». «Сделал доброе дело и забудь о нем, и поспеши сделать еще». «Твори добро — и ты растворишь зло». Но учитель предупреждал: «Прежде чем заняться по моей система закалки-тренировки, хорошенечко подумай, для чего ты это будешь делать».

«Жить надо, а умирать не надо»

— В самом деле, для чего? Уж не для того ли, чтобы человек «жил, не умирая»? Во всех выступлениях прозвучала мысль о бессмертии как цели эволюции человека. Так ли это?

Ю. В. КОНОНОВ, кандидат геолого-минералогических наук (Киев).

Да, учение Иванова, его практический путь — это не только единственный путь выживания человечества в сложившихся экологических условиях Земли, но и дорога к бессмертию человека. Однако этим Учение не исчерпывается. Человек, став бессмертным, перейдет к жизни во Вселенной. И это будет знаменовать переход на новую ступень развития живой, разумно мыслящей вселенской Материи.

— Значит, все-таки центральная идея учения в том, чтобы человек сделался бессмертным?

Ю. В. КОНОНОВ. Центральная идея, это — развитие Мира через человека, через бессмертие человека, через его выход во Вселенную. Это учение отражает уже эволюцию жизни во Вселенной в целом, а не только на Земле.

Э. В. ГЕВОРКЯН, заведующий отделом науки журнала.

Насколько я понимаю, главные идеи учения — это, с одной стороны,— единение с Природой, с другой,— бессмертие. Нет ли здесь противоречия? Ведь смерть заложена в Природу изначально, как один из факторов эволюции. Но если нет смерти — как будет осуществляться эволюция? И идет ли речь о физическом бессмертии? Или все же о духовном?

Ю. В. КОНОНОВ. Начало пути человека, который хочет следовать системе — это войти в общение с Природой, или, как говорил Порфирий Корнеевич, «занять свое место в Природе, никем не занятое». Три земные силы жизни, три тела живых: воздух, вода и земля содержат животворную энергию, которую и должен научиться использовать человек. Земная кора в процессе своей эволюции производит эту животворную энергию, энергию жизни, которая распределяется в трех средах. Когда мы идем в Природу, мы эту энергию познаем и используем. Но

Порфирий Корнеевич Иванов родился 20 февраля 1898 года в многодетной крестьянской семье в селе Ореховке Луганской губернии. Долго учиться не пришлось, закончил четыре класса церковно-приходской школы, и уже с 12 лет начал трудовую жизнь. Тут и работа в наймах по сельскому хозяйству, в шахтах, на металлургическом заводе. В 1917 году был призван на русско-германскую войну, но повоевать не пришлось: на фронте его часть вскоре была распущена по домам. В гражданскую сочувствовал красным. Ни на день не прекращал трудиться. Тем более, что появилась семья и надо было ее кормить. Как и все, кто жил рядом, любил выпить, покурить, играл в карты...

Но все чаще П. К. Иванов задумывается о смысле человеческой жизни. Почему люди постоянно воюют друг с другом, с Природой, «развили в своей жизни мертвое, убитое ими»! Почему болеют и умирают! Не потому ли, что не по той дороге пошли!

В 35 лет его жизнь круто меняется. Он осознает, что нельзя жить за счет Природы, «за счет чужого добра». А что если попробовать жить «за счет самих себя», «своего терпения»! Попробовать перестать быть потребителем, а значит, убивающим в Природе, перестать бороться с Природой, защищаться от Нее! И он начинает суровейшие испытания на самом себе, пытаясь практически установить с Природой живую связь, основанную на доверии и любви.

Следуя своей идее, он постепенно освободился от одежды: сначала снял на зиму шапку, потом все остальное, ходил в одних трусах или шортах. «Какая прелесть, какое здоровье, это не могу я вам передать»,— скажет он через 46 лет. А пока ему очень холодно, он терпит холод и зной, учится воспринимать природную силу и ею владеть. Он тренирует свое тело сознательным воздержанием от пищи и воды; пробует — а может ли человек жить за счет энергии воздуха, воды и земли — трех живых тел природы. Один день каждую неделю без пищи и воды, затем два дня еженедельно, три дня еженедельно без пищи и воды — вот постоянный его режим. Кроме этого, он проводит и более длительные воздержания (сухие голодания) — по 7, 14, 30 и более суток.

Также он пробует по нескольку дней без пищи и одежды находиться вне дома: и это не только летом, но и зимой! В лесу, в степи — наедине с Матерью-Природой, он диалектически воспринимает все ее качества, как теплые, хорошие, так и холодные или плохие. Итак, истина найдена — человек должен остаться в Природе без потребностей. Человек должен получить «жизнь вечного характера».

Осознав в себе природную силу, П. К. Иванов открыл для себя удивительный способ передавать людям свое здоровье, пробуждать их внутренние силы для борьбы с болезнью. Он исцелил большое количество людей, в том числе и «безнадежно» больных. Но главное, он учил, как изменить свое сознание, учил тому, на чем построена наука жить в Природе не болея: «Любовь наша, она восстанавливает у человека здоровье».

этого мало. Человек, в отличие от всего живого и менее совершенного, характеризуется двойственностью, двойственностью сознания. С одной стороны, он является венцом земного развития (разума), а с другой,— он уже подключен к Вселенской разумной мыслящей материи (ВРММ). Другое дело, что эта ВРММ по замыслу, в котором развивалась Земля, не имела пока совершенного контакта с человеком. И только появление Иванова, его система подключила человека, его головной мозг к ВРММ. И вот сейчас человек, идя по пути, указанному Ивановым, может дойти до изменения своего образа, своего состояния, которое и приведет его к бессмертию. Можно конкретизировать и этот момент: это произойдет в результате разуплотнения тела как такового, в результате энергетизации, появления сверхпроводимости тела. Это произойдет в результате того, что ВРММ, действуя через органы, в настоящее время не задействованные (например, шишковидная железа), приведет к нетленности сначала головного мозга, а затем всего организма. Иванов говорил о «мгновенном пробуждении центральной нервной части мозга». Это все и многое другое, о чем мы пока не догадываемся, приведет к тому, что человек, находясь в теле, станет частью Вселенной. Отсюда его записи, что «человек легким станет, своим легким зоитом себя в воздух поднимет, говорить не будет, виден не будет и будет везде».

Это именно физическое бессмертие, ибо все материально. Но не физическое в нашем догматическом понимании материи, куда уперлась наша наука. Она уперлась в потолок нашего плотного физического мира. А сейчас необходим прорыв в «тонкий» мир, разумно организованный мир, который признается в науке все больше и больше, прежде всего экологами.

Э. В. ГЕВОРКЯН. Тогда человек потеряет свою традиционную сущность и превратится в некое сверхсущество?

Ю. В. КОНОНОВ. Форма остается полностью. Но за счет разуплотнения, за счет сверхпроводимости, энергетических изменений плюс связи с ВРММ тело приобретает нетленность. И человек выходит на путь богореализации, который приводил простых смертных к преклонению... Порфирий Корнеевич писал: «Моя дорога никому не заказана...».

А. Ю. БРОННИКОВ. Но Учитель Иванов предупреждал, что нельзя отрываться от Земли, он говорил «Человек я Земли». В Природе есть силы, которые могут сохранить человека, но их надо завоевать. А для этого надо работать над собой по его системе, это путь преобразования себя. Но сначала научись сохранять свое физическое здоровье, затем развить свое сознание и в конце концов выйти на тот уровень, где смерть над нами будет уже не властна. По выводу академика В. Ф. Купревича, смерть как эволюционный фактор для совершенного организма исчезает в Природе. «Умирать мы все умеем, надо нам жить научиться»,— часто говорил Учитель Иванов.

Интересно, что идеи Учителя Иванова как бы перекликаются с мыслями русских «космистов», а также ряда философов и естествоиспытателей. Так, Н. Ф. Федоров в «Философии общего дела» писал о том, что в будущем люди смогут самостоятельно строить свои тела (тканетворение) и научатся не умирать. К. Э. Циолковский говорил о «человеко-растении», «животном Космоса», свободно живущем в космическом пространстве и питающемся солнечными излучениями. В. И. Вернадский видел будущее человечества в переходе на «автотрофное», то есть независимое от органических веществ, питание (солнечным светом, азотом воздуха и др.). В. С. Соловьев был уверен, что мы должны бороться за право называться богочеловечеством, то есть общностью людей, живущих без смерти и пришедших к этому путем преобразования своей духовной и телесной сущности.

Однако ни один из этих мыслителей не предложил практического пути перехода к новой жизни. А учение П. К. Иванова — практическое. «Это бессмертная система»,— говорил он часто.

«Последняя тайна человеческая»

— Здесь, в нашем разговоре, рядом с именем П. К. Иванова прозвучало слово Бог. В телевизионной передаче о нем по московскому каналу одна из ее участниц назвала П. К. Иванова Богом. Говорят о нем и как о Богочеловеке. Известно, что люди, которых он исцелял, и те, кто знал, видел его «чудесные» действия, давно называли его Богом, это понятно. Но вот как воспримут это наши читатели, которые обходятся в жизни без идеи Бога? А верующие люди — христиане, мусульмане — давно выбрали себе Бога. По ходу обсуждения многое стало более понятно, система стройная и вызывает доверие. Но почему в ней появляется идея Бога?

А. Ю. БРОННИКОВ. Во все времена люди чувствовали, что существует некое Высшее Начало жизни, которое поворачивает жизнь не так, как хотят люди, а так, как должно быть. И это Высшее Начало, назовем его также Эволюционным законом, люди обозначили словом «Б О Г». Кому не нравится это слово, тот может применять другое: «Причина Мира, Абсолют, Творец всего сущего. По Циолковскому это — «Причина Космоса», «Воля Вселенной» и т. п.

Эволюция человека заключается, без сомнения (если мы не примем этого постулата, нам вообще не о чем разговаривать), в бесконечном совершенствовании себя. Человек живет, чтобы совершенствоваться, улучшаться. И живет он не сам по себе, а подчиняясь Эволюционному закону развития, который люди договорились называть Богом. Вспомним поговорку: «все мы ходим под Богом». Однако все люди вкладывают в понятие Бога свое содержание. Лев Толстой считал Богом совесть человека, физики под Богом подразумевают причину «Большого взрыва», эстет поклоняется Богу в лице абсолютной гармонии и красоты, совершенства, для иных — это абсолютное Добро, Любовь, то есть весь букет абсолютных нравственных качеств.

И вот когда эти абсолютные качества, высокие понятия воплощаются в земном человеке максимально, и это **видно всем,** люди говорят, что Бог пришел на Землю. Так было 2000 лет назад, когда на Земле родился Иисус Христос.

Обстановка ныне на Земле изменилась, эволюционный момент другой — и нам мало того закона, который нес в своем учении Иисус Христос. Да это и естественно. И вот Природа рождает, «выбрасывает» нового человека, Порфирия Корнеевича Иванова, и заставляет его (а он и сам не понимает вначале, что за сила им движет) идти по этому суровому пути. «Природа людей пожалела и прислала в люди меня, Иванова, для эволюции в жизни...» — пишет он в тетрадях. И последователи П. К. Иванова называют его Богом. Но что понимал под этим понятием сам Учитель? Он говорил: «Бог — это эволюционный человек, ученый человек в Природе». «Эти средства, эти силы Природа мне дала в духе Бога».

В. Н. КОЗИЦКИЙ. У меня есть определение богочеловека. Хочу его вам предложить. Богочеловек — это гармония сил и озарения плюс абсолютная богонравственность, готовность взять на себя все грехи мира. У богочеловека должна быть особая сила. Но может ли им быть, скажем, А. Игнатенко или А. Чумак, которые разгоняют облака? Нет. Сила у них есть. Но нет гармонии сил и озарения. Об озарении. Было много людей, которые действительно имели озарения, в частности — гениальный Н. Ф. Федоров. Но можно ли этого слабого старика назвать Богом? Нет. Далее. На Руси всегда были подвижники, аскеты. Они сидели в цепях, стояли босыми на снегу, страдали, были готовы искупить все грехи всего человечества. Безусловно, они делали большое дело, но можно ли их считать Боголюдьми? Тоже нет. Даже были люди, обладающие двумя из названных качеств попарно. И этого было мало.

Только тот, у кого есть триединство — сила, озарение и абсолютная богонравственность,— может считаться богочеловеком.

Н. С. ЛАВРЕНЮК, кандидат философских наук (Брест).

Учитель Иванов одно время говорил: что я за человек — не знаю, об этом вам судить. А люди назвали его Богом.

Интересен и еще один ответ на этот вопрос, к которому подводит древнее знание. «Никто не сможет увидеть себя ни в воде, ни в зеркале без света. И снова, ты не сможешь увидеть себя в свете без воды и без зеркала» (Евангелие от Филиппа, 75). Когда человек наполняется светом истины и проявляет его словом и поступком, люди своей оценкой отражают суть и показывают ее. Позже он и сам сказал: «Если вы не скажете обо мне как о Боге, камни заговорят об этом». И в этом нет противоречия, это лишь разные ступени процесса самопознания. Проходя жизненный путь практического очеловечивания в самом высоком смысле, одухотворения божественными силами, разлитыми в природе, все шире и глубже осознавал Того, Кто наполнял его — Бога Святого Духа.

На мой взгляд, П. К. Иванов, человек по своей структуре, своими делами и плодами жизни явил приход Бога на землю. Его душа и отношение к людям, несмотря на труднейшие жизненные условия, были наполнены любовью, радостью, миром, долготерпением, милосердием, кротостью, сдержанностью, добротой.

Все дела Иванова в холодной природе, в условиях жизни самых бедных и обиженных людей, после его выхода на духовное служение, были Боговы. О многих из них уже упоминалось, но хочется еще остановиться на его силе и способности преображать человека. Он не просто больного человека превращал в здорового, эгоиста — в любящего окружающий мир, злого — в доброго, что само по себе говорит о многом. Но человек, выполняющий «Детку», постепенно душою как магнитом прилепляется к Богу, наполняется светом истины, выявляя свой обновленный лик, и выходит в свой срок на духовное служение людям. Поистине, вспоминаешь слова Бога, сказанные Аврааму о возможности из камней сделать людей. Многие из тех, в ком сердце, казалось, безвозвратно затвердело, душа сжалась и тело обессилело в немощи, после встречи с Учителем самым удивительным образом оживали и преображались.

В дневнике Порфирия Корнеевича Иванова «Будет это» от 1967 года, 1 января написано: «Мы, придет время, признаем бога как нашего кровного человека, кто раскрыл на себе свою неумираемую для природы тайну». Человек, Учитель народа, Бог Земли, он говорил: «Таков в природе путь — богом можно сделаться любому человеку в любом месте, только надо не по-людскому жить; не надо наживаться за счет природы, а надо делать то, что будет полезно всем людям».

Русский философ Николай Бердяев писал: «Последняя тайна человечества — рождение в человеке Бога. Последняя тайна Божья — рождение в Боге человека. И тайна эта — единая тайна».

А как с точки зрения христианства?

— Православное духовенство, насколько нам известно, пока с недоверием относится к тому поклонению и почитанию, которым окружают люди Иванова. Тем более, вряд ли одобряется признание в нем Бога, пришедшего на Землю. Есть ли среди принявших учение Иванова православные христиане?

Г. Ю. ФРАНКО, кандидат филологических наук (Академия педагогических наук СССР, Москва).

Мне кажется, что Учитель Иванов как никто другой, живущий на Земле, до конца исполнил завет Христа: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мной» (Лк., 9:23).

Для христианина крест — основа духовно-нравственной жизни. Он знаменует собой жертвенную любовь, отречение от самого себя, покаяние, бесконечный труд самоисправления, смиренное приятие с распахнутым сердцем всех испытаний, что выпадают на долю человека по воле Божией. Это и есть сораспятие Христу.

В практике Учителя Иванова христианская идея несения креста своего расширяется, конкретизируется как дело «креста в Природе, то есть сознательного терпения, принятия всех ее «плохих» и «холодных» качеств, а точнее, сознательного погружения в эти качества.

Ведь Господь поставил человека во главе творения, а он своим падением, отпадением от Бога предал тварный мир, исказил грехом и саму Природу. И общее дело для всех христиан — исцелить все, что поражено грехом, а значит, смертью, и возвратить в образ и подобие Божие.

Вечным примером бессмертной, жертвенной, крестной любви нам будет Христос. Будучи Сам абсолютно безгрешным, Сын Божий погрузился в холод и мрак нашей греховной жизни, соединился с нами настолько, что принял на себя все последствия греха: поношения, мучительную смерть,— для того, чтобы делать людей сынами Божиими, чтобы человек стал богом по благодати.

Путь Учителя Иванова показывает нам, что любить Природу можно лишь полностью, с распахнутыми душой и сердцем погружаясь — как в ледяную воду — в ее мир со всеми его качествами — и «холодными», и «плохими» (это и есть исполнение «креста в Природе»). И тогда, возможно, человеку дано будет стать тем звеном, которое соединит землю и небо, земля станет областью духа — родной не только человечеству, но всему тварному, то есть Природе. И осуществятся слова апостола Павла о том, что «будет Бог всё во всём» (1 Кор. 15:28).

«Возлюби ближнего твоего как самого себя»,— завещал Христос. «Ближний» — это любой человек на любой точке земного шара, любых убеждений и вероисповедания. Но «ближний» для Учителя Иванова — это еще и Природа... И ее тоже надо возлюбить как самого себя — в буквальном смысле.

Идеи П. К. Иванова несут на себе отпечаток истинно русской духовности, что позволяет их рассматривать в контексте философской культуры России. Мысль о невозможности индивидуального спасения, о том, что «все ответственны за всех» — это чисто русская идея,— считал Н. Бердяев. О соборности как об одной из самобытнейших идей русского сознания писали русские философы В. Соловьев, С. Франк, П. Флоренский. Ведь русскую культуру всегда отличал исключительно нравственный подход к жизни, этикоцентризм.

На пути исполнения «креста в Природе» достигается соборование Человека и Природы. То есть идея соборности обрела в учении П. К. Иванова еще более конкретное наполнение о мере качественного преобразования человеком собственной природы и Природа внешняя должна преобразоваться, принять образ «друга вечного», одухотвориться, очеловечиться.

Учитель вышел из привычно-кровавой борьбы за существование. Потому что понял: уходя от «холодного» и «плохого» пути в Природе, люди проявляют «не свою любовь, а свой каприз, свое хотение». Как тут не вспомнить слова Христа: «Если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари?» (Мф., 5:46).

Учитель ставил вопрос резко: раз люди едят, одеваются, «домом нуждаются», то они — воры, насильники, убийцы, живущие в Природе «самозахватом». «За что же Мать родная, Природа будет их жалеть?» И это — горькая правда о всех нас — и христианах, и неверующих.

Его учение — это не система накачки физического здоровья. Речь идет об обретении здоровья истинного — здоровья души, без чего и физического здоровья не бывает. Подлинное исцеление — это обретение целостности, полноты бытия (если идти к смыслу слова через его этимологию), чтобы человек, соединившись с Богом своим, с ближними своими, с Природой, стал с ними одним целым.

Свои идеи, свою систему нравственных ценностей Учитель Иванов проповедовал, утверждал каждою минутою своей жизни, 50 лет с нечеловеческим самоотвержением

и неизменными любовью и кротостью неся тяжелейший крест свой (к суровым испытаниям, которые он терпел ради своей идеи, судьба добавила страдания, перенесенные им в тюрьмах и психбольницах, где он провел в общей сложности 12 лет!)

Нравственные ценности Учителя Иванова — не что иное, как этические идеалы христианства, среди которых главные — жертвенная любовь, смирение, кротость, покаяние.

Учитель часто в своих тетрадях цитирует Библию, пересказывает ветхозаветные, евангельские притчи.

Трагическая история нашего народа показала, сколь страшны последствия попыток вытравить христианские идеалы из его сознания, к каким жутким духовно-нравственным потерям это привело! Разве можно предложить взамен что-то более высокое, чем «Возлюби ближнего твоего, как самого себя»? Можно ли исчерпать эту сокровищницу духовную? Могут ли эти идеи устареть? Возможен ли другой путь сохранения жизни на земле?

О священной необходимости преемственного стремления к правде многих поколений свидетельствуют такие слова Христа: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все» (Мф., 5:17—18). Но как нам еще далеко до исполнения **всего!** Красной нитью в тетрадях Учителя проходит мысль о том, что расплатой за невыполнение человеком Божьей воли стала смерть, болезни. Притча о блудном сыне — одна из его любимых. Главная ее мысль — о необходимости возвращения к Отцу. Учитель Иванов, давший миру уникальное учение, своей единственной в истории человечества практикой единения с Природой указал нам путь от Адама «ветхого» к Адаму «новому», путь возвращения к Отцу в полноте и единстве духа, души и тела.

И. Я. ХВОЩЕВСКИЙ. Новое всегда в недрах старого. Это так называемый научный «принцип соответствия», то есть всякое новое должно соответствовать всем законам прежнего, и те новые качества, которые оно несет в себе, сопрягаются со старыми. Это — вечный закон совершенствования. Я вижу в идее несения креста в Природе прямую связь учения П. К. Иванова с христианством.

Законы диалектики живого в Природе, «этой творящей силы естества», пополняются с появлением понятия Ноосферы, кроме известных трех философских законов, еще одним, так долго ждавшим своего часа: законом единства единичного и всеобщего как принципа Любви. Он был сформулирован еще Иисусом Христом в тогдашних терминах, как «несение креста», но как еще долог был его путь через межи истории, через локальные, пространственно-временные, религиозные, нравственные и этические островки и связи, чтобы стать единым законом для всего человечества в Природе. Одно из проявлений его: Вселенная бессмысленна (и ныне это уже объективный факт!) без каждого из нас, живущих на Земле людей.

Через этот закон мы опять едины, как един был первый сотворенный человек — Адам. Более того, этот закон отныне распространяется и на все многообразие взаимодействий человека и Природы. И исполнение этого закона, как неизбежное условие дальнейшего духовного прогресса человечества, как проявление Логоса в истории человеческого развития,— не может совершиться **в полноте своей** без практического несения «креста в Природе». И это показал уникальный опыт Учителя.

Окончание в следующем номере

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

А. ЧУМАКОВ

ДОРОГА КРАЕМ ПРОПАСТИ

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в №№ 11, 12, 1990. № 1. 1991.

IX

Первый крупный был городок Баландинск. На привокзальной площади стояла гранитная стела с вмурованной в нее щербатой надписью: «Город Баландинск. Основан как крепость в 1720 году». Совсем рядом добропорядочные баландяне устроили общественную уборную, заледенелую со всех сторон мочой.

Никита прошелся по пустующим залам вокзала, потолкался у привокзального буфета и решил за всех:

— Сытно живут. Остаемся.

Городок Баландинск вмещал в себя пятьдесят тысяч народу. Имел пятиэтажные дома, автобусные остановки и гастрономы. На городском рынке бойкие чалдонки торговали овощами из собственного огорода. Во все стороны за Баландинском простирались черноземы. Земля тут плодородила щедро, и люди, не знавшие перебоев с продуктами, были добрыми и доверчивыми.

Пробираясь ночью в цвиркающий сверчками подвал, Никита с удовольствием наблюдал отходящий ко сну город.

На сам город Никита глядел глазами незаинтересованного человека. Много разных городов встречались ему за годы странствий. Некоторые надолго задерживались в памяти, другие он забывал сразу, едва выбравшись за кордон. Баландинск понравился ему медлительным своим укладом. Нравилась простота, с какой жили горожане, и то, что к единственному на яру храму ведет широкая, вытоптанная в снегу, дорога.

Первые две ночи они отогревали заледеневшие в пути души долгими снами. По утрам выходили в город и наблюдали жизнь горожан. Через город проходила сквозная дорога. Тупорылые мазы, отхаркивая сизый дым, везли из соседней области на стройки народного хозяйства выдержанную древесину. Никита мысленно сравнивал деревья с полезными обществу людьми. Полезными при жизни. Он представлял, как их срезают пилами, обрубают руки-ветви, сдирают кожу-кору и пропускают через пилораму. Деревья умирают молча. Невысказанная боль клейкой смолой вытекает из них по капле. Деревья тоже умеют плакать. Они до смерти спели свою прощальную песню. Песни леса он слышал с детства. Но в тех песнях звучала жизнеутверждающая мелодия природы. А перед вырубкой лес поет иначе.

Однажды Андрей Петрович привел в подвал молодую полоумную женщину. Бродяжка, с красотой, истертой о жизнь, бродила по дорогам России и искала умершего сына.

— Фая,— сказал Андрей Петрович, заведя женщину в подвал,— покажи им карточку, может, они видели.

Женщина с доверительной готовностью достала из лохмотьев мятую фотографию и передала Никите.

— Тронутая,— тихо пояснил Андрей Петрович. — Я ее на рынке подобрал. Ходит по людям и у всех спрашивает.

На снимке, в маленьком гробике, убранном кружевами, лежал двух-трехлетний мальчик. Вокруг теснились скорбящие люди, среди которых Никита с трудом опознал мать мальчика.

— Когда он помер? — спросил он у женщины.

— Он не помер. Его украли. Муж уехал из дома и забрал его с собой.

— Мужик ее бросил,— пояснил Андрей Петрович. — Видно, она сразу тронулась рассудком.

Никита сказал, что мальчика с таким лицом не встречал и вернул карточку женщине.

До вечера женщина просидела в углу, бессознательно грея руки над трубами водяного отопления. Перед сном Никита покормил ее морожеными творожками, а когда стали укладываться ко сну, женщина сняла с себя всю одежду и легла рядом с ним.

— Ты что, дочка? — сказал Никита. — Тебе отдыхать надо.

— Ей, видно, здорово от мужиков доставалось,— догадался Андрей Петрович. — Привыкла, что за просто так ее не кормят. — Старик поворочался на жесткой подстилке и предостерег. — Надо смотреть, чтобы она к Павлу не подлегла. А то тот по дури своей залезет и заразит бабенку.

— Поздно. — Никита чувствовал ладонью у лобка сифилисную сыпь. — Она уже давно поражена.

Старик горестно помолчал и отвернулся к стене.

Ночью женщина бредила видениями сына. «Антоша, Антоша!» — звала она в темноту и слабо сжимала руку Никиты.

Андрей Петрович, покряхтывая, выбирался из угла, лил на ладонь воду и смачивал лицо женщины.

— Будет тебе, будет,— говорил ласково. — Коли жив, то и отыщется. Никуда он не денется. Человек не иголка...

— Уйди с этих досок! — сердито выговаривал старик Никите. — Переночуешь с Павлом. Не видишь, баба не в себе!

Всю ночь по городу блуждал порывистый ветер. Небо затянула глухая пелена; мороз шел на убыль. Никита чувствовал плечом жар Палиного тела и мысленно пытался постигнуть силу материнской любви. Слово «мать» вызывало в его памяти всегда одни и те же видения. Ему виделась мятая посудина в темном углу барачной комнатушки и горка постиранного отжатого белья на кухонном табурете. Из посудины зачерпывалось тягучее жидкое мыло, этим мылом стиралось белье, и стирала его вечно усталая, пришибленная жизнью и мужем женщина. Эта женщина и была его матерью.

Никита всегда удивлялся: как бедны его воспоминания, связанные с матерью. Он пытался вспомнить ее смеющейся, но, как ни напрягал затасканную по жизни память, кроме виноватой улыбки, уворованной у горестей, ничего не вспоминалось. Временами ему казалось, что мать его, умершая на сороковом году жизни, никогда не смеялась. И если бы не те физические воспоминания ее горячего в материнской любви тела, когда она прижимала по ночам его, ребенка, к себе, он, пожалуй, усомнился бы: имела ли она материальные формы вообще или была всего лишь той полустертой улыбкой, горьким запахом распаренного в воде мыла.

Самка тарантула отдает кровь детенышам, а сама погибает. Сука бросается в горящий сарай и, не в силах вынести щенят из огня, в предсмертном порыве материнской любви накрывает их дымящимся своим телом. Крольчиха, лишившись молока, сжирает собственных крольчат, избавляя их от голодной смерти.

Чем же измерить силу инстинкта материнства?

Женщина перестает быть женщиной как только под сердцем зарождается — плоть от плоти — крохотный живчик. Она — мать.

Жизнь внутри жизни. Все ее помыслы обращены в себя. Она вынашивает дитё под сердцем, отдает ему большую часть своего тепла, пропитывает запахом своего чрева и всей сущности бытия, отсекает часть своей души, чтобы вдохнуть в это творение любви способность чувствовать боль...

Под утро женщина успокоилась. Никита запалил огонек и при моргающем свете горящей лучины внимательно изучил ее лицо. Должно быть, женщине снились счастливые сны: с лица ее спало напряжение, ровное дыхание выказывало уравновешенность в душе.

— Загаси огонь,— заворчал Андрей Петрович. — Баба только успокоилась, а он в глаза ей светит. Пусть хоть во сне отдохнет. Ей и так всю жизнь мыкаться.

— Петрович,— решительно сказал Никита,— я ее с собой возьму.

Андрей Петрович рассердился:

— Не мели, помело! На что она тебе сдалась?! Она сына ищет, а ты ее — в Азию.

— Петрович,— Никита загрустил, не найдя понимания в старшем,— сына она все одно не найдет. А мы б ее вылечили там. Сестрой была бы. Братство откроем — всё при добрых людях.

— Тебя не сегодня-завтра в тюрьму посадят, за лоботрясство, а ты о братстве талдычишь! — Андрей Петрович завозился в темноте, сердитый тем, что ему не дают спать. — Ты на себя погляди, возрастил дурь в башке, носишься как скаженный по свету, всё будто мальчик. Куда ты ее сейчас по морозу потащишь? Она так может добротой людской поживет еще, а ты — в Азию! Ее в больницу завтра надо сдать, всё при столе будет.

Никита обреченно загасил лучину и лег рядом с Палей.

— В больницу ее нельзя,— сказал немного погодя обиженным голосом. — Она там точно от тоски помрет.

Утро пасмурное и безрадостное явилось как бы продолжением горестных мыслей. Сознание, что рядом находится человек, которому несравненно тяжелее, чем тебе, травило Никиту все сильнее и сильнее. Он долго хмурился, не зная, с чего начать разговор. А женщина улыбнулась ему улыбкой живущего великими надеждами человека и сразу же засобиралась в путь.

— Куда ты пойдешь? — сказал Никита, пряча глаза. — Оставайся с нами.

— Мне идти надо. Антоша без меня, ему скучно.

Женщина подняла на Никиту чистые свои глаза, и он вдруг подумал, что это его мать, умершая в той далекой, полузабытой жизни и воскресшая теперь, чтобы отыскать его и сделать счастливым.

— Мы в Азию идем,— сказал Никита, вдруг разуверясь в том, что говорил,— там и зимой тепло. Может, твой сын там и ждет тебя.

Но женщина не захотела идти в Азию. Видимо, у нее были свои соображения, где искать сына. И, не сказав напоследок слов прощания, она ушла.

Весь день Никита безвылазно просидел в подвале. Он ничего не ел, а только курил одну за другой папиросы, сжигая табак до мундштука.

Андрей Петрович увел Палю в город. В подвале было сумрачно и тихо, и Никита, болезненно воспринимая тишину обнаженным нервом души, долго не мог придать внутреннему течению мыслей упорядоченную стройность.

Впервые за долгие годы Никита остро почувствовал горечь безысходного в своей непостижимой тоске сиротства. Перестав быть сыном со смертью матери, он давно уже атрофировал в себе это волшебное чувство сыновьей привязанности. Теперь же в нем пробудилась дремавшая по сию пору невысказанная любовь дитяти, он тщетно искал ей применения.

«Какая же к дьяволу она сумасшедшая! — злясь на себя за слабость слез, думал Никита. — Это же сама Богородица, изнасилованная, замореная, бродит по свету в поисках отнятого силой младенца».

Никита вспоминал глаза женщины и, не находя в них ничего земного, хотел, чтобы это было именно так. Слезы, очищая душу горько-прекрасной своей сутью, стали результатом его душевных волнений. Никита заглатывал их вместе с табачным дымом, руки его тряслись, и он все больше и больше умышленно вгонял себя в религиозный экстаз.

«Все,— сказал Никита себе,— скорей в Азию». На сердце стало тепло от присутствия в нем благородного смысла жизни. Никита ощутил в себе потребность проповедовать нравственную чистоту. Вера в нового Бога затомила душу жаждой действий.

Когда Андрей Петрович и Паля вернулись вечером в подвал, Никита спал, свернувшись калачиком на расползающихся досках. Во сне его мучили головные боли, и он постанывал чуть слышно, пугаясь печальных снов.

— Намаялся,— сказал Андрей Петрович равнодушному Пале. — То похохатывал все, теперь вот снова молитвы писать начнет. — Старик неодобрительно покачал головой и высыпал на газету богатые в своем разнообразии продуктовые подаяния.

Ночью в гулком подъезде забубнило множество голосов. В подвал спустились сердитые люди и, включив фонарь, долго обшаривали ярким его светом дальние углы. Высветили спящего Палю, Никиту, перекошенное от страха лицо Андрея Петровича.

— Вот они,— пророкотал в темноте недобрый голос. — А ну, подъем! Выходи по одному!

Паля со сна долго не мог сообразить: что надо делать. На него как попало нахлобучили расползающуюся по швам фуфайку: сунули в руки шапку и, обшаря карманы, толкнули к выходу.

— Старик, тебе особое приглашение?! — закричали на Андрея Петровича. — Обоссался что ли, от страха?

Из-под Андрея Петровича по доскам текли струйки старческой немощи.

На улице их затолкали в автобус. Рассадили по разным углам и, велев шоферу ехать, погасили в салоне свет.

— Товарищ старший лейтенант, рапортую,— смеясь сказал мужчина с красной повязкой на рукаве,— банда Доминаса арестована. В перестрелке погиб Лёша Инженчик.

Другие мужчины, тоже с красными повязками на рукавах, лениво посмеялись.

— Тогда в Бутырку,— сказал, блеснув в темноте кокардой, лейтенант. — Допрос по всей форме искусства сплющивания почек.

Больше всего Никита боялся, что их отправят в распределитель. За окнами автобуса мелькали огни не защищенного от стихийного зла города. Люди, улыбающиеся днем, попрятались теперь в затхлых своих мирках. С наступлением сумерек не видна глубина направленных на тебя глаз, и зло, ободренное собственной безнаказанностью, обретает в это время особенную стать.

Скоро успокоился и задремал в теплом своем углу Паля. Состояние его души зависело от состояния тела. Он чувствовал себя почти счастливым, и теплая дорога навевала теплые сны.

— Ух! — полуобернувшись к Никите, сказал милиционер сквозь стиснутые зубы. — У меня труба там есть, шлангом обтянута. Месиво из вас сделаю. Брошу в Баландинку и скажу: так было. Говну место в проруби.

После таких слов Никита сильно затосковал.

Андрей Петрович вспомнил правильную свою жизнь, фронт и то, что он сроду не делал никому злого. Решив, что вины на нем нет, он захотел рассказать о своей жизни сердитому милиционеру. Но тот отмахнулся.

— Погоди, дедок, приедем в отделение, там чистосердечно и раскаешься. Я так думаю: больше трех ударов ты не выдержишь, помрешь. Так что гуманнее признаться.

Андрей Петрович ничего не понял и растерялся.

— Я человек старый, воевал,— сказал он тихо и заплакал от бессилия доказать свою правоту.

В отделении их загнали в одну камеру.

— Давай молодого! — приказал лейтенант, снимая в дежурке полушубок. Двое сержантов увели Палю в отдельный кабинет.

— Доскакались,— упавшим голосом сказал Андрей Петрович. — Говорил, сразу уезжать надо было. А теперь что, тюрьма?

Никита стянул с головы шапку и, понурясь, опустился на скамейку.

— Тебе, Петрович, бояться нечего,— сказал грустно. — Ты свое отработал. А вот нам, если в распределитель спихнут,— тоска. Это похужейше зоны. Беспредел страшный. Жизнь не в радость.

Андрей Петрович приблизил глаза к стене и прочел едва слышно:

— СЛОН... Ишь ты,— сказал удивленно,— слон, пишут. Сидел кто-то.

— Смерть легавым от ножа,— расшифровал Никита. — Сумей любить одну навеки... Мне эта грамматика вот где! — Он провел ребром ладони по кадыку. — Неужто опять сидеть?

Из коридора донесся визгливый плач Пали.

— Бьют! — привстав со скамьи, испуганно сказал Никита. — Петрович, Павла бьют. Ты смотри, что суки делают! Он кого соображает-то!

— Добегался со своей Азией,— уныло сказал старик. — Будет теперь Азия.

Палю били минут десять, и все это время он визжал во всю силу обиженного человека. Потом визг перешел в долгие всхлипывания. По коридору забегали сержанты.

Старший лейтенант, взлохмаченный и потный, заглянул в камеру.

— Он что у вас, полудурок? — спросил со злой растерянностью. — Что ж вы, суки, сразу не сказали!

— Ты! — лейтенант ткнул пальцем в Никиту. — Пошел за мной, быстро!

— Товарищ милиционер,— потянулся к лейтенанту старик.

— Не товарищ, а ваше благородие!

Старик осекся и отступил вглубь камеры.

Никиту тоже били; Андрей Петрович слышал приглушенные его стоны. Продержали Никиту в кабинете больше часа, и все это время старик маялся постылой неопределенностью и одиночеством. За перегородкой, рядом, пошмыгивал успокоившийся Паля. Андрей Петрович приникал к прутьям решетки лицом, скашивая до боли глаза и звал перехваченным от испуга голосом:

— Павел!

Паля на мгновенье затихал, потом старик слышал тоскливые его поскуливания, тогда сердце его начинало недобро щемить, и он спрашивал, так же, шепотом, без всякой надежды на ответ:

— Пошто бьют-то?

Паля молчал. Андрей Петрович возвращался к скамейке, но в волнении не сиделось, и он, уже в который раз, принимался расхаживать по клетушке.

В отделении было сумрачно и казенно. Пощелкивала и хрипела в дежурке рация, на серых стенах, под засиженными мухами стеклами, висели пожелтевшие за давностью лет документы. И от всей этой казенщины, от серости стен и хрипа рации такая тоска наваливалась на сердце, что хотелось Андрею Петровичу плакать в голос от обиды за собственную беспомощность.

— Что, старый, клюв повесил? — молоденький сержантик, дежурный по отделению, заглянул в клеть.

Андрей Петрович встрепенулся и метнулся к нему из угла:

— Товарищ сержант, сынок, пошто забрали-то?

— А это ты у старлея спроси.

Сержант пожалел старика и предложил сигарету.

— Не курю я,— отмахнулся Андрей Петрович и, боясь, что милиционер уйдет, схватил его через решетку за рукав. — Сынок, вот видит Бог, как на духу, не виноват!

— Бичовка, дед, тоже нарушение.

— Сынок,— Андрей Петрович всхлипнул и пустил слезу. — Вот видит Бог, не виноват! Отработал я свое. На родину пробираюсь. Отпусти.

— Не имею права, дед.

Сержант ушел, а Андрей Петрович почувствовал боль под сердцем. Рядом с болью исподволь зародилась злость на Никиту и на себя, за то, что связался с ним. Старик пожалел, что поддался на уговоры и поехал в проклятую Азию, а не остался там, в Сарабели. Когда Никиту втолкнули в камеру, он сказал ему, потускнев глазами:

— Вот тебе и Азия. Что положено, то и заработал. А мне на кой черт терпеть все это!

Никита долго не мог отдышаться, отхаркивал в угол мокроту, растирал грудь.

— Все нутро, падлы, отбили,— сказал и поднял на старика глаза: — Ты-то чего испугался! Тебя не тронут. Ты вольный. А мне дело шьют, кражу из школы.

— Вот и поделом тебе! — позлорадствовал старик. — Сбил всех с панталыку, все не сиделось на одном месте. — Андрей Петрович снова заплакал от вселившегося в него страха, сказал сквозь слезы. — Поди, докажи им, что не крал! Мне ль воровством промышлять! За всю жизнь копейки чужой не взял.

Под утро Андрея Петровича отпустили. Уставший от бессонной ночи лейтенант долго при старике изучал его документы, сверял фотокарточки, разглядывал со всех сторон пенсионную книжку.

— Фамилия, имя, отчество! — отчеканил суровым голосом.

Андрей Петрович, запинаясь от волнения, назвал себя.

Потом он отвечал на другие вопросы, лейтенант заглядывал в документы и говорил:

— Складно чешешь. А может ты и вправду Плужников?

Андрей Петрович пугался.

— Ну ладно,— лейтенант вернул старику документы,— дуй на свой Дон, а в городе чтоб больше тебя не видел. Встречу еще раз — пеняй на себя. Так просто не отделаешься.

Андрей Петрович засуетился, радуясь избавлению, а лейтенант подошел к Никите и взял его за ухо:

— Надумал? — спросил.

— А что мне думать,— огрызнулся Никита. — А то я законы не знаю! Мне б до суда дойти, а там все прокурору скажу. Неужто можно так с людьми. Вы даже парня больного не пожалели.

— Колин! — позвал лейтенант. И когда в камеру вошел дежурный сержант, распорядился. — Выведи старика.

Андрей Петрович убежал за дежурным, даже не попрощавшись с Никитой. Никита позавидовал старику. Позавидовал чистоте его биографии. Оставшись наедине с собственными мыслями, он долго не мог прийти в себя, потом вспомнил про Палю и затосковал:

— Опять сидеть,— сказал в голос,— а с им что же будет? Дурдом?

Ночь доходила в казенном своем спокойствии. Выполз из подвала сверчок, спрятался в щель и зацвиркал там. Никита вспомнил вчерашний день, и он показался ему таким далеким в беззаботности своих ощущений, что, подумалось, будто век с тех пор миновал. Где-то брел одинокий и напуганный Андрей Петрович. Никита пожалел его за старческое одиночество, пожалел себя за обидный такой конец и, навалившись на стену плечом, задремал. Он спал и не слышал, как дважды заглянул в клетушку сержант. Как привели с улицы пьяных парней, обыскали их, поставив лицом к стене, и загнали в соседнюю с Палей камеру. Потом в «дежурке» снова воцарилась тишина.

— Спит,— сказал чей-то голос немного погодя.

И другой ответил ему:

— К разводу Мухтаров подъехать должен. До развода их надо вышвыривать.

X

В Азии тоже бывают зимы. И тоже иногда идут снега. Но чаще осадки здесь в виде дождя; он смачивает землю, она преет телами разлагающихся трав и томится необузданной страстью будущего плодородия. В дождливые ночи над городом стоит пьянящий аромат изревающей весны. По городу зажигают множество огней, и спящие дома отражаются в лужах редкими окнами, светящимися по фасаду.

Пале часто по ночам стал сниться дом. Прежняя жизнь, прожитая им как бы на стороне, разворачивалась в закоулках памяти томительными картинками беззаботной поры. Паля тосковал тогда, проснувшись, пытался постичь причину расстройства, но мозг его, не способный к переосмысливанию действительности, вскоре утомлялся от напряжения, и Паля снова погружался в сон.

Днями они бродили по городу и с радостью замечали, что жизнь здесь отличается от той, из которой им довелось выйти.

— Ну, пойдет тогда дело! — весело говорил Никита. — Осмотримся малость, разберемся, что к чему, и можно тогда дальше двигать, вглыбь.

Никите хотелось, чтобы непременно было море, по улицам разъезжали громыхающие арбы, и черномазые дети мыли фрукты

в журчащих арыках. Вся суть желанной Азии умещалась в его представлении в подсмотренную где-то репродукцию. Там было все: и кривая азиатская улочка, и дети, моющие фрукты в арыке, и море, пенящееся тут же, за глинобитными мазанками.

Во всем городе Никите больше всего понравился базар. Пестрый, крикливый, он вмещал в себя такое количество народа, что казалось: все население Азии съехалось сюда, чтобы потрогать товар руками.

— Слышь, друг,— спросил Никита у русского человека, купившего кошелку картофеля,— что это за образина? Я про нацию спрашиваю.

За дощатым прилавком стоял чернявый парень и торговал диковинными овощами.

— А,— сказал русский человек,— турок. И пошел равнодушно своей дорогой.

— Ишь ты,— сказал Никита,— сколько всяких наций перевидал, а турков вот не доводилось. — Он посмотрел на турка так, словно хотел объясниться ему в любви. — В Сибири, небось, его не встретишь. А тут — пожалуйста. Видишь сколько разных людей сюда съехалось, и все друг дружку понимают. Ты, Павел, учись у них постижению опыта.

Паля был равнодушен до принадлежности к национальностям. Его больше занимали сочные горы алычи, которые он по незнанию принял за яблоки.

— Яблок хочешь,— сказал Никита. — Были б деньги, я бы тебе все купил. А так, смотри только.

В первый день Никита сильно разочаровался. Раньше он думал, что фрукты в Азии стоят гроши; теперь он так не думал.

Сам город Никите не понравился. Те же скучные многоэтажки, сплошная грязь и заброшенные помойки. По городу ходило много людей, одежды их были пестрые, хотя и бедные. Последнее Никите очень понравилось. В его одеянии среди таких людей можно было легко затеряться, и никто не подумает про него, что он бродяга.

Вечером, при тусклом свете сальника, Никита писал очередной свой священный труд. Он писал про то, что люди в Азии верят в разных Богов (в большинстве своем в Бога-Аллаха), и что приучить их к новой религии сразу невозможно.

Никита долго старательно выводил замысловатые слова. Попробовал докопаться до сути происхождения заселяющих Азию народов, а когда перечитал написанное, затосковал.

— Столь умных книг написано, что мое никто и читать не будет,— подумал он и, задув огонек, пошел спать.

Днями по городу блуждали теплые ветра. Знающие люди говорили, что скоро начнут набухать почки, Никита радовался таким сообщениям и жалел покинутую им Сибирь.

— Вот край,— говорил он всем про Сибирь,— там только летом и живут. А зиму спят, или пьют водку. Так что, полжизни, считай, задарма. А тут у вас круглый год жизнь. Ласково.

Первыми людьми, с которыми Никита подружился в незнакомом городе, были цыгане. Они жили табором, в разноцветных палатках, разбив их в теплой низинке на южной окраине города.

Раньше в этой низине жители окраинных домов пасли домашний скот. Но с приходом цыган кончилась прежняя беззаботная жизнь, и скотину попрятали по дворам.

— Вот, Василий,— говорил Никита, подсаживаясь к крайнему костру,— отчего так: раньше цыгане пели песни, крали скакунов, гадали и их все любили, а теперь вы скакунов не крадете, песни поете только для себя, а кормитесь тем, что выпрашиваете или воруете. А воруете все, что под руку попадется.

— Э-э, не говори так,— не соглашался цыган Василий, с седыми висками и седеющей бородой. — Раньше был царь, и русские люди жили богато. Цыгане бродили по земле, радовали всех своими песнями и радовались жизни сами. Барин позовет цыган, цыгане спляшут, споют, и барин наградит цыган хорошими деньгами. А хороший скакун для цыгана лучший друг. Хороший скакун — долгая дорога. Долгая дорога — долгая песня. Долгая песня — долгая жизнь. Жизнь была сытная, и цыгану не надо было копить денег. Цыган всегда себя прокормить мог. Цыгане жили табором, и молодые цыгане помогали старым. А теперь что? Теперь песни цыган не нужны, танцы цыган не нужны,— люди бедные, платить не могут. Что цыгану остается?

Никита любил слушать, как рассуждает его ровесник-цыган, и он говорил новые слова:

— Люди кормятся трудом. Ты же знаешь: кто не работает, тот не ест. А ты погляди на своих сыновей. Вон каких молодцев вырастил. Пошто не посылаешь их работать? Вот бы и заработали денег. И себе, и тебе на спокойную старость.

Цыган, опустив голову, слушал Никиту и снова не соглашался с ним:

— Э-э, не говори так. Дело каждого: работать ему или не работать. А цыган не может работать, цыган землю любит. Когда жили наши давние предки, земля без сохи могла прокормить. Цыгане жили тем, что ходили по земле, любили землю, и земля любила их. Они ведь не насиловали ее, как красивую девушку. Они кормились тем, что она им давала. А другие люди насиловали. Они хотели жить по-другому. Они построили заводы, железные дороги, убили много зверя и рыбы. Разве цыгане виноваты, что земля не может всех прокормить? Мы живем так, как жили, как привыкли жить. Мы не хотим делать тракторы, мы не хотим качать солярку. Мы живем по законам наших дедов, и наши внуки будут жить по нашим законам.

Никите и такой ответ нравился.

— Знамо,— соглашался он,— как на роду написано, так жить и надо.

К вечеру возвращались из города цыганки. Волокли на себе тяжелые мешки, перекрикивались на ходу,— грязномазые цыганята устало тащились следом, ухватившись за материнские юбки.

Вечерние сумерки все гуще натекали в низину, напарываясь на костры. Цыганки варили похлебку и кормили мужиков. Иногда после ужина пели; разводили большой костер и в мечущихся отсветах пламени плясали до поздней ночи. Жители крайних домов выходили на яр и любовались на пляски цыган, как на диковинную игрушку.

— Нажрались, а теперь забавляются,— говорили они беззлобно.

Подбегали цыганята, и жители подавали им с удивительной для самих себя щедростью. В это время они любили цыган и прощали свой к ним страх.

В другой раз Никита рассказал Василию про свою веру.

— Вот бы вам, цыганам, со мной,— сказал под конец. — Вы ведь гурьбой живете, мы бы столько сделали! Разве плохо, что людям легче жить станет. Тогда может и порушили бы заводы, коли в них зло человеку.

Василий внимательно выслушал Никиту, по привычке опустив голову. Суть услышанного вступила в его мозгу в противоборство с жизненным опытом.

— Неверно говоришь,— сказал он немного погодя. — У цыган есть Бог, зачем им второй? Цыганам трудно жить, но наш Бог нам помогает. — Василий выпутал из волос на груди золотой крестик и показал его Никите. — Мы живем табором. У нас есть барон. У нас есть свои законы, и мы их соблюдаем. А кто не соблюдает, того мы наказываем. Где не рассудим мы, там рассудит барон. Где не рассудит барон, там рассудит Бог. Наш Бог с нами. Зачем нам другой Бог?

— Но ведь люди-то хреново живут,— не соглашался Никита. — Ты посмотри кругом: сколь зла. Я раньше думал: надо отнять у людей грехи, и все образуется. А потом подумал: грех не нож, его так просто не отымешь. Вот если взять, да всем миром на зло навалиться. Так-то его и одолеть недолго.

— Ну что ж, попробуй,— сказал Василий. — Вы, русские, много себе плохого сделали. Вы убили царя, вы убили в себе Бога. Вы убили семью, вы убили почитание старших. Может вам-то и пришла пора подумать. Но только, думаю я, не надо новую веру придумывать. Вернитесь к старой. Вы же христиане, православные. С такой-то верой долго ли истину познать.

Возвращаясь после таких бесед в подвал, Никита всякий раз додумывал спор с Василием. Когда он оставался наедине с собой, доводы его звучали в мозгу умно и убедительно. Никита брел по темным улицам городской окраины и, не чувствуя страха, забавлял себя разными выдумками.

— Вот бы найти такого человека, у которого денег до черта. Построили б храм — с этого и начинать можно. В храм кто не пойдет. Всем интересно. А коли пришли, то и слушайте. А выслушают, то может и примкнут. Людей ныне без веры тьма. Вот и томятся.

Потом уже, лежа в подвале, он размышлял о пустоте. Пустота вселяется в человека, как только из него уходит вера в Бога. Человек слажен из мяса, у него есть сердце, душа, ум, но тот уголок его души, в котором должна гнездиться вера — пуст. И человек без веры — пустой человек. Его легко сбить с ног.

Никита вставал с лежака, пил воду, курил, прижимаясь лбом к подвальному оконцу, снова ложился.

Паля бормотал во сне неразборчиво, видимо высказывая свое отношение к такой загадочной жизни. Никиту всегда занимал вопрос, насколько глубоко Паля способен постичь разные жизненные ситуации. Но если Паля их и постигал в определенную силу своего ума, то высказать свою точку зрения не мог. Сколько Никита не пытал его, ничего путного не услышал.

Никита подумал, что для такого человека как Паля, Бог не нужен совсем. Бог для тех, кто может хоть что-то изменить в этой жизни к лучшему, облегчить свой тяжкий путь по жизни, и, по возможности, облегчить жизнь ближнему.

— Если каждый возьмет на себя заботу хотя бы об одном человеке, это что же получится? — Никита подумал и ужаснулся. — Планета, населенная заботливыми людьми!

Однажды, возращаясь из табора, Никита попал под сильный дождь. Ночью у него случился жар. В груди постреливало, будто кто-то изнутри ковырял иголкой; от чрезмерного жара хотелось пить. С простудой Никита промаялся неделю. Выходил с утра в город, бродил по серым улицам в поисках пищи и много думал о смерти. Мысли во

время болезни были скудные, неопрятные. Они, как неприятный вкус во рту, поганили собой здоровые ощущения в теле, Никита переваливал их, словно выброшенный на помойку хлам, и не находил ни одной путной, о которую можно было зацепиться.

Через неделю, когда к телу вернулась прежняя упругость, он пошел навестить Василия.

С яра увиделась унылая в своей пустоте долина, по ней снова бродили телята, и только одинокая палатка торчала у скособоченной чинары.

— Уехал Василий. Все уехали,— сказал, раздувая угли костра, пожилой цыган. — Снялись разом и уехали. В Андижан.

— А что так спешно? — спросил Никита грустно. Ему жалко было терять дружбу, и он подумал было поехать за табором вдогонку.

— Почему спешно? Барон сказал. Кто будет спорить, раз барон сказал.

— А ты что ж остался?

Цыган наклонил голову и пояснил:

— Мать в больнице. Живот разрезали. Как выйдет, так и мы тронемся.

Никита подумал: что бы еще такое спросить и, не найдя больше слов, собрался уходить.

— Что ходишь один? — спросил его цыган. — Что русские ходят одни? Разве хорошо так? Пойдем к нам, мы тебя на цыганке женим.

— Нет,— возразил Никита,— я человек вольный. А у вас какая ж воля? Куда барон велит, туда вы и идете. Я не люблю над собой власти.

Цыган взял у Никиты папиросу и ушел в палатку. «Пустой человек,— подумал он про Никиту. — Умрет и не оставит после себя потомства».

Поднявшись на яр, Никита снова оглядел долину. Он расхотел приходить сюда вновь, она лишилась для него прежней привлекательности. У одинокой палатки слабо помаргивал чахлый костерок. Цыган стоял над ним, склонив седую свою голову, и горестно о чем-то размышлял.

Приближение весны с каждым днем ощущалось все явственнее и зримей. Разбухали на деревьях почки, проклевывалась на пригревах чахлая зелень. От того, что люди разом сбросили пóльта, город стал казаться просторней. На огороды вывозили навоз, Никита наблюдал за этим делом издалека и размышлял, что Азия, в сущности, мало чем отличается от других областей страны. Когда они пробирались сюда через холодные земли, Азия виделась средоточием света и тепла. Люди здесь, думалось Никите, круглый год ходят в майках, пьют кумыс и потому имеют от рождения незлобивый характер. В самом деле, с чего собачиться-то, коли груши на каждом шагу растут. Но Азия не избавила его разом от житейских проблем, не сняла тяжкий груз с души, и Никита снова тихо затосковал: «Куда податься, если даже и здесь хреновина!»

С Палей они часто ходили на вокзал. Через город шли поезда. Никита читал на табличках названия городов и горько думал, что в России тоже не сахар.

— А, друг,— спрашивал он у пожилого обходчика,— ты давно тут ходишь, все поезда знаешь, скажи, на какой сесть, чтобы к полному счастью приехать?

— К полному счастью? — смеясь, переспрашивал обходчик.

— К самому полному!

— Полного нынче днем с огнем не найдешь. А русскому если где и найти его, то только в России.

— А что ж ты сам в Россию-то не едешь? Что ж мыкаешься-то?

Обходчик смотрел на Никиту озорно и хитро улыбался:

— В России тебе счастья тоже в карманы не накладут. Счастье искать надо. А я стар уже. Тут меня папа с мамой произвели, тут мне и помирать.

— Ты, друг, прикипевший к своему быту,— серьезно заключил Никита,— и тебе жалко добро с места снимать. Живи себе и помирай. А я вот поищу.

Никита вел Палю дальше и не находил в себе полезных мыслей относительно дальнейшего существования.

— Вот,— говорил он,— думал, в Азию приеду и все сразу добрым будет. Братство открою. А какое тут к дьяволу братство, если люди здесь живут не лучше, чем в Сибири! И жрут то же. И все, как тараканы, в разные стороны друг от дружки бегут.

В другой раз они встретили на вокзале молодого человека. Он выискивал среди приезжих бродяг и сманивал их на заработки.

— А что делать-то? — спросил Никита, не имея в душе намерения продавать себя.

— Работа плевая,— сказал тот. — Ходить по полю и собирать камешки. И за все дела — две тыщи в месяц.

— Две тыщи? — Не поверил Никита. — Уж больно много, а потому и не верится.

— Дело стоящее,— сказал парень. — На этом поле потом большие урожаи снимать будут. Хозяину все окупится.

Никита покачал с сомнением головой и пошел дальше.

— Если надумаешь, приходи! — крикнул ему в спину парень. — Я тут часто бываю!

Никита приостановился:

— Дай мне сразу денег, тогда поверю.

— Сколько тебе надо? — спросил парень.

— Десять рублей,— поторопился сказать Никита.

Парень, не задумываясь, протянул десятку.

— Я подумаю,— пообещал Никита.

Ночью он действительно думал. Смотрел на Палю и размышлял. Если поработать до осени, то выходило на двоих много денег. Тогда можно сразу купить какой-нибудь домик, и устроить в нем храм. Народ, уставший от отсутствия светлой мысли, попрет к нему скопом и понесет подаяния. А на подаяниях и братство можно открыть.

Никита представил, как он будет смотреться в новом качестве. Как купит себе простую чистую одежду и перестанет кушать мясо. «В посте — сила!» — думал Никита, воодушевленный открывающимися перспективами; и, подумав еще раз о деньгах, решил согласиться.

Два дня они ходили на вокзал, но парня не встретили. Зато встретили ветхого старика, собирающего по мусорницам бутылки, и подружились с ним, от скуки, таская за ним сумку.

Услышав от Никиты о новой вере, старик сказал:

— Есть Бог, он един, и в какие бы вы его одежды ни облачали, каким бы символам не поклонялись, все слова ваши и помыслы будут обращены к нему. Бог в каждом, Бог для каждого, а в ком его нет, в том Сатана сидит.

— А если неверующие? — спросил Никита. — Неужто в каждом неверующем Сатана? Ведь есть же и среди них добрые люди.

Старик не согласился:

— Неверующих нет,— сказал уверенно,— в Бога верят все. Только кто-то называет его Богом, а кто-то другими именами. В человеке есть только одна вера, и вера эта в Бога.

— Так,— сказал тогда Никита,— а вот, большевики. Они ж тоже хотели народу добра, а храмы рушили.

— И большевики верующие,— сразу согласился старик. — Ибо вера в светлое будущее и есть вера в Бога. Но только они не хотели в себе этого понять и стали надругаться над верой. Они ломали церкви и не видели, что ломают в себе веру. Разве можно убивать добродетель с тем, чтобы добиться ее торжества. Большевики убили в себе Бога, и это их погубило. В них вселился Сатана. А когда Сатана начинает править миром, в миру царит вакханалия.

Прощаясь, Никита предложил старику рубль.

— На пропитание,— сказал он ласково, стараясь не обидеть собеседника.

Но старик рубль не взял.

— Я ведь бутылки собираю не от того, что мне кушать нечего. Просто, другого делать не в силах, а без дела сидеть не могу. Мне ведь, друже, сто четыре года.

— Вот те раз! — Никита почувствовал себя мальчишкой рядом с таким древним старцем. — Так ты часом дед не из священников?

Старик вытянул руки по швам и распрямился.

— До революции — подполковник царской армии. А после,— плечи его снова обвисли,— после кем только не был. Антихристом не был! — Он жиденько рассмеялся и похлопал Никиту по плечу. — Спасибо за помощь, молодой человек.

— Вот тоска,— сказал Никита, когда старик ушел. — Встретишь человека, этакой плюгавенький, а гляди-ка, жизнь как знает! — Никита поворочал головой, тяжелой осмыслением больших истин и развеселился. — А ведь мы, Павел, также когда-нибудь заговорим. Народу ох как правду слышать хочеться. Жаль, такие люди пропадают. Вот если б это же, да всем! Сколь бы умов разом просветлело. Подумать только.

На другой день они снова пришли на вокзал. Пришли и на третий, и на четвертый. Никите полюбилось встречать и провожать поезда. Он смотрел на убегающие вдаль вагоны и в обновляющемся его сознаньи крепла вера в то, что в такой большой стране есть много еще мест не изведанных им, и что, возможно, где-то, и существует та земля обетованная, и он придет к ней, какой бы долгой и опасной ни была его дорога, дорога краем пропасти.

XI

Попробовал Никита мысленно очертить границы человеческой порядочности и запутался во множестве противоречий.

— Тяжело, зараза! — выругался в голос и решил попробовать, произвести эту операцию на бумаге. На бумаге соображения всегда глаже выходят.

«Уазик» свернул на пустую проселочную дорогу, вокруг простирались хлопковые плантации, голые по причине зимы, и только в той стороне, куда направляла свой ход машина, высились вдалеке синие громады гор.

— С такой высоты навернешься — костей не соберешь. — По-своему определил величие гор Никита. И подумав о собственном миссионерстве, спросил. — Слышь, человек, а как там у вас насчет свободы вероисповедования?

Парень, завербовавший их для работ и дремавший теперь на переднем — рядом с водителем — сидении, недовольно зашевелился.

— Ты, мужик, меня уже притомил.

— Прости, если разбудил,— посочувствовал Никита. — Но я о Боге спросить хотел.

— А что тебе Бог? У нас там свой Бог есть.

— И что же, он тоже работает?

— Да, работает, Богом. — Парень переглянулся с водителем и засмеялся. — Он тебе понравится,— сказал, полуобернувшись к Никите.

— А если я свою веру проповедовать хочу?

Парень согласился.

— Проповедуй. Там послушать есть кому. Только в свободное от работы время. — И, повеселев, потрепал Никиту за колено. — Не унывай, отец, у нас тебе понравится. У нас там такие мужики! Все Иисусы Христы. Хоть сейчас на крест распяливай. А теперь помолчи,— велел, устраивая свое тело в удобном для сна положении,— я две ночи урывками спал, глаза слипаются.

Весь день машина, надсаживая двигатель, забиралась в гору. К вечеру в небольшой долинке обозначились громоздкие силуэты каких-то строений. Сопровождающий очнулся от сладкого сна и сказал, лениво потягиваясь:

— Кызыл-Су. Тут и жить будете. Нравится?

— А где же лес? — спросил Никита, вспомнив, что парень обещал близость леса.

— Лес за этими горами. Неделя ходу, и ты в лесу. — Парень засмеялся и поглядел на Никиту в зеркало. — Зачем тебе лес, пахан? Грибы собирать? Так тебе тут не до них будет.

— Тогда поворачивай назад,— заупрямился Никита. — Договор надо выполнять. Нету леса, так и говорить не о чем. Я, может, в другом месте больше заработаю.

Парень снова переглянулся с водителем и усмехнулся тайным своим мыслям.

— Отсюда обратной дороги нет,— сказал он, закуривая. — Зато до Бога докричаться пара пустяков. Высота.

Никита понял, что назад их не отпустят и затосковал предчувствием плохой жизни.

— Проснись, Павел! — Растолкал он Палю. — Посмотри, как эти люди нас обманули. Бог простит, да нам-то не легче.

У ворот лагеря дорогу перегородил патлатый парень с автоматом за спиной.

— Чего нового привез? — спросил, поздоровавшись с сопровождающим.

— Двух бичей, да кое-что от Тимура.

Патлатый оглядел Никиту и Палю, оскалился золотозубым ртом, и взмахом руки велел напарнику отворить ворота.

— Жопа-в-шрамах вешаться хотел,— сказал, идя некоторое время рядом с машиной. — Свои же вытащили.

— А Рома где? — спросил сопровождающий.

— Рома в кишлаке. У него пахан кончается. Вместо него Скольский баранов пасет.

— Забери от меня этих,— парень, не оборачиваясь, кивнул назад. — Старый веру свою проповедовать хочет. Покажи ему церковь.

В бараке, куда их завели для ознакомления с будущим местом жительства, было пусто по случаю рабочего дня. Вдоль серых каменных стен тянулись грубосколоченные дощатые нары. Поверх досок лежало примятое сено, всюду были разбросаны засаленные тряпки.

Помещение сроду не проветривалось. В воздухе стоял спертый запах потных тел и скотского навоза.

— Что тут раньше было? — спросил Никита. — Скотник, что ли?

— Скотник,— подтвердил патлатый. — Овцы раньше тут жили, а сейчас бараны живут. — Он весело оскалился, блистая золотом зубов, и кивнул в угол. — Там параша, там рядом и падайте. Здесь у них все с параши начинают. Ты не сексот? — Спросил патлатый. — А то, если сексот — сразу говори. У нас сексотам добавочный паек.

— Я сроду никого не продавал! — обиделся Никита и замаялся. — Тут и за две тысячи жить не захочешь... А где же церковь?

— Да вот она,— патлатый указал внутрь барака. — Тут тебе все: и гостиница, и ресторан, и церковь. Все удобства.

Кто-то окликнул патлатого снаружи, и он оставил Никиту обустраиваться самостоятельно.

— Располагайся, пахан,— сказал, уходя. — И не вздумай мудрить. У нас с этим строго.

Кызыл-Су,— так Никита мысленно стал называть лагерь,— удивил его своей необустроенностью. Два ряда колючей проволоки вокруг нескольких ветхих строений говорили о том, что с волей здесь не в ладах. Вся обслуга лагеря была при оружии. Никита никак не мог взять в толк: к чему такие предосторожности, и, решив выяснить это дело вечером, по возвращении с поля рабочих, стал обследовать лагерь изнутри. Помимо жилого барака на территории лагеря было еще два строения. Первое — кухня, о трех стенах и с драной крышей, второе — нужник. В кухне, кроме вмурованного в печку казана и горы грязных мисок, ничего больше не было. А нужник до того был переполнен испражнениями, что трудно было найти место, куда можно протиснуть ногу, и лагерники оправлялись снаружи, все дальше удаляясь от уборной.

За территорией лагеря, по ту сторону колючей проволоки, стояло еще одно строение. В отличие от внутрилагерного оно имело застекленные окна, занавешенные цветастыми тряпками, и крепкую дверь. Оттуда беспрерывно доносилась музыка, из трубы над крышей валил дым,— там жила обслуга.

— Попали, как хрен в рукомойник! — сказал Никита горько, осмотрев лагерь изнутри. — Начальник! — позвал он патлатого. — Дозволь за проволоку выйти.

Патлатый пригрозил ему автоматом и сказал.

— Только высунься. Измохратю.

— Тогда скажи толком: что здесь такое? Я ж вольнонаемный, для чего мне стража?

— Воля там,— указал патлатый вдаль,— а ты теперь здесь. Мы тебя перевоспитывать будем, трудом.

С наступлением сумерек вернулись с работы лагерники. Никита увидел их издалека, они шли по долине жиденькой цепочкой, поднимая усталыми своими ногами пыль и спугивая степных птиц.

— Эй, святоша! — окликнули Никиту из-за забора. — Иди, харч получи. Жратву сегодня на всех сготовишь.

До позднего вечера Никита вертелся у казана. На продукты в лагере не скупились. Никита варил скоромную похлебку и тосковал по живому общению.

— Хромой! — окрестив Никиту хромым, тихо кричали издалека лагерники. — Скоро ты там, собака!

— Сейчас,— ласково отвечал Никита. — Один момент. Мясо докипает.

Перед ужином лагерников согнали во двор. Где-то поблизости запустили движок, и два прожектора осветили толпу вздрагивающим светом.

— Бичи! — сказал, выйдя перед строем, старший охраны. — Сегодня вы неплохо поработали, и в ваш рацион включено мясо. Вы должны оценить это и завтра продолжить начатый успех новым ударным трудом... Однако без ЧП не обошлось. Как вам уже известно, бич Жопа-в-шрамах пытался ночью повеситься, и тем самым произвести рабочий саботаж. Его норму пришлось бы выполнять вам. Это не потоварищески! Жопу-в-шрамах мы оставляем на три дня без жратвы...

Старший много говорил в тот вечер хриплым своим голосом. Он говорил о необходимости повышать бдительность, он говорил о доброте хозяев, которые доверили им, бичам, столь ответственный участок работы, о том, что только здесь они почувствовали себя людьми и должны быть благодарными хозяевам за это до конца дней своих. Толпа молчала, слушая и не слушая старшего, а Никита, навалившись на стену плечом, молча плакал. Он думал, что никогда уже не выберется из этого заклятого места. Его пугала ночь, пугала неизвестность, пугала жизнь. Никита понял, что той, вожделенной издалека Азии, не получится. Судьба, пятьдесят лет скупящаяся на добро, осталась верной своим принципам, и он, Никита, вечный пленник своей судьбы.

Ночью, когда кашляющий, чухающийся, смердящий барак впал в дремотное забытье, к Никите, тоскующему без сна на нижней наре, прокрались двое парней.

— Из Сибири? — спросил один хриплым шепотом. — Из каких мест?

Никита промолчал, не зная еще, как себя вести в новом обществе. А парни сели на край нар и угостили Никиту папиросой.

— Мы иркутяне,— сказали. — А куда твоего напарника повезли?

— Сифилис у него,— сказал Никита, тоскуя о Пале. — Говорят — в больницу.

— Ну да, как же. Он псих? Если псих — вывезут в горы и бросят. А нормальных в таких случаях стреляют.

— Где я? — спросил Никита, давно мучимый этим вопросом.

— А хрен его знает! Мы тут второй год и тоже без понятия. То камни таскаем, то анашу пробиваем. Тут целая фабрика в пещерах,— парень взял Никиту за руку и посочувствовал. — Как же ты-то сюда попал?

А Паля остаток ночи провел в одиночестве. Промерз до рассвета, вжимаясь телом в прогибь скалы, а со светом — побрел по пустынному распадку. Природа пробуждалась от сна, Паля брел голодный и покинутый навстречу солнцу, вживался в дикую жизнь пустыни и радовался одиночеству и тишине. В полдень он вздремнул, разморенный солнечным теплом. Во сне ему присниласъ старуха мать, он ощутил теплый запах морщинистых ее рук, а ощутив, засмеялся смехом счастливого человека. После сна он снова брел, подгоняемый голодом и привычкой дороги. Впереди, в зыбком мареве, маячили два высоких, оглаженных ветрами останца. Паля упорно шел на них, как к единственно-оправданному смыслу жизни, не подозревая еще, что это и есть ворота в Долину смерти.

■ ■ ■

У НАС В ГОСТЯХ

МЕЖДУНАРОДНАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ШКОЛА "НОВЫЙ АКРОПОЛЬ"

ПОИСКИ ОБНОВЛЕНИЯ

Давняя традиция редакции приглашать в гости людей чуть было не забылась в связи с переездом в новое здание. Однако добрые традиции сильнее переселенческих катаклизмов. Едва устроившись на новом месте, мы вновь стали принимать гостей.

На сей раз к нам пожаловали югославские представители Международной классической школы «Новый Акрополь» — Елена и Тоно Мусулим, в сопровождении администраторов этой школы М. Скопиной и А. Грошева. Беседа была интересной. Приводим ее в сокращении.

— Как вы себя чувствуете в России?

Елена Мусулим. Хорошо. Только вот в Югославии я думала, что русский язык легко будет выучить, мы же славяне. Но я уже три года в Москве читаю лекции, а ошибки и акцент остаются.

— Ваши выступления собирают много слушателей. Что собой представляет ваша школа?

Е. М. Школа существует с 1957 года. Ее основал профессор Хорхе А. Ливрага, чтобы помочь людям устоять перед идеологическим и культурным единообразием. Сегодня центры «Нового Акрополя» есть в 55 странах. Все они предлагают комплексное теоретическое и практическое обучение по эзотерической философии; они популяризируют как классические, так и нетрадиционные знания по истории религии, философии, психологии. Творческое освоение их дает человеку шанс сохранить свою индивидуальность.

— Можно предположить, что участниками «Нового Акрополя» стали те, кому смертельно надоели трафаретные представления современной цивилизации о мире.

Тоно Мусулим. Лучше сказать, что мы хотели бы расширить свои представления о нем.

Е. М. Школа пытается стать центром, пусть одним из многих, сравнительного изучения религий, культур, искусства. В вашей стране мы нашли активный отклик.

Т. М. Мудрецы Древней Греции выделяли в философии три части — метафизику, этику, физику. Метафизика изучает законы духа, этика — внутренние процессы души, физика — законы природы. Все три составные мы теперь интегрируем в слове «экология». Мы не желаем раздоров на религиозной или политической почве.

Е. М. Человек имеет право на выбор в понимании того, что происходит вокруг и внутри нас.

— Ваша програма носит общеобразовательный характер или вы включаете в процесс обучения инициации?

Е. М. Обычно понятие инициации связывается с чем-то коммерческим. Сегодня все продается. Знания, обещания. Мы ничего не гарантируем, не обещаем, мы — в поиске, и можем передать только дух поиска.

— Дух? В вашей программе много места отводится мистицизму, но мистицизму, я бы сказал, рационалистическому.

Т. М. Да, мы несколько рациональны. Ведь мистика без знания опасна фанатизмом.

Е. М. Наш опыт показывает, что многое в мире еще требует простого осмысления. Мы надеемся одновременно вернуть миру чудо, а мистическому аспект прагматического и обычного.

— А какие темы входят в программу ваших лекций?

Т. М. Мы предлагаем семь циклов лекций, организованных поэтапно от простого к сложному. Мы называем занятия «Студией целостного человека». Темы циклов лекций, например, такие: «Основы эзотерической философии», «Мудрость Востока», «Символизм древних культур», «Основы современной антропологии» и т. д. По всем темам у нас есть проспекты программ.

Е. М. XX век окружил человека суррогатами ценностей. Содержание культуры для многих сегодня сводится к сиюминутному, преходящему. Мы живем под властью эфемерного и незначительного. И все настоятельнее ощущается необходимость нового. Мы уверены, что наш поиск дополнит духовный опыт человечества.

— Могли бы вы ознакомить наших читателей, а не только своих слушателей, со своими изысканиями подробнее?

Е. М. Да, мы в этом заинтересованы.

Редакция договорилась с представителями «Нового Акрополя» о сотрудничестве.

О ПОДПИСКЕ НА НАШ ЖУРНАЛ

«Дорогая редакция! Я с радостью читала в прошлом году ваш журнал. Я хочу его выписать и на 91-й год. Но выписать у вас, потому что больше нигде его нельзя выписать, пожалуйста, помогите! На нашей почте его нет, его нигде нет. Вышлите, пожалуйста, вот мой адрес: Киевская область, Белоцерковский район, с. Трушки, ул. Набережная, 3, Шамин Татьяна Юрьевна».

Подобных писем, к иашему глубокому огорченню, редакция получает иемало. Еслн бы мы заннмалнсь подпнской на собствеиный журнал, мы ннкому не отказали бы. Но сложившаяся практнка такова, что подпиской и рассылкой журиала заиимается Миинстерство связи СССР, вернее, его подразделенне Союзпечать, за что журнал платит этой оргаинзацнн немалые деньги. В прошлом году подписка на иас фактическн прекратнлась в июне месяце, когда на нее ушла вся наша запланированная розница. К сожалению, в этом году журнал в розннцу будет тоже поступать с большнмн огранчениямн, то есть многне районы страны вообще его ие получат. Снтуацня пока не нзменнлась к лучшему. Наша подпнска, в отлнчие от большннства журналов, понесших ощутнтельные потерн, выросла на 15%, а розннца сократнлась на 25%. Руководство Союзпечати свою позицию объясняет одиозначно: мы берем столько, сколько «проснт страна». По такой логнке просьба журнала об увелнченнн розннчиой продажи представляется как протнворечне «ннтересам страны». Мы уверены: страна должна знать своих героев, даже еслн онн работают в Союзпечатн. Но это нз области иашей борьбы. А пока единственный выход для тех, кто хочет нметь журнал,— подпнска. Всякнй отказ в подписке — иарушенне законных правнл. На журнал «Наука н релнгня» можно подпнсаться с любого месяца, в любом отделеннн связи (до 5 числа предыдущего месяца). Цена на три месяца — 1 рубль 80 копеек; иа полгода — 3 рубля 60 копеек.

Спаснбо всем, кто стал нашнм чнтателем! Надеемся, вы ие будете разочарованы. В редакцнонном портфеле иемало интересиого н необычиого!

Памятник Неизвестному Воину

Свыше трех веков стоит эта московская церковь у стен Китай-города, за бывшими Варварскими воротами (от воротной башни осталось лишь основание, которое можно видеть в подземном переходе), на древней площади — Варвáрской. Многоэтажные административные здания, сооруженные в начале нынешнего века, вплотную обступили ее...

Церковь Всех святых на Кулишках...

По обыкновению нашему, начнем рассказ о ней с объяснения ее названия, в котором две части: религиозная (Всех святых) и топонимическо-адресная (Кулишки). Сперва о Кулишках.

Кулишками (точнее — кулижками) называли некогда, шесть-семь веков назад, обширное урочище, простиравшееся на восточной окраине тогдашней, исконной (такой крохотной по нынешним представлениям) Москвы. Согласно «Толковому словарю» В. Даля, «кулига», «кулижка» — ровное место, чистое и безлесное; покос, поляна или прогалина, а также росчисть, то есть участок леса, топором или огнем расчищенный под пашню (отсюда и глагол «кулижничать» — рубить или выжигать первобытный лес ради хозяйственных нужд). Московские Кулишки занимали немалую территорию: уточнение «на Кулишках» прибавляли и к названию Ивановского женского монастыря (угол улицы Забелина и Малого Ивановского переулка), и к названию церкви Петра и Павла, что у Яузских ворот, в Петропавловском переулке; урочище простиралось до Покровских ворот Белого города — крепостной стены, сооруженной в конце XVI столетия (площадь Покровских ворот «на стыке» современных Чистопрудного и Покровского бульваров).

Можно понять так, что Кулишки были чем-то вроде общего хозяйственного двора, на котором косили сено, пасли скот, высаживали огороды, собирали хворост для печек и под таганы и т. д. Естественно, такое место должно было быть где-то поблизости. В отличие от кулишек-куличек у черта и иной «нечистой силы», обитающей — по поверьям наших предков — в самых отдаленных и глухих местах. Таков, полагают, смысл общеизвестного присловья: «у черта на куличках», в котором «кулижки» претерпели еще одно фонетическое изменение. «Если бы я был чертом,— записал однажды Александр Блок в дневнике,— я бы устроил веселую литературную кадриль, чтобы закружилась вся «литературная среда»... и вся бы провалилась прямо ко мне на кулички».

День всех святых — крупный церковный праздник. В православном календаре он входит в так называемый Пасхальный круг и не привязан к какому-то одному определенному дню; у православных службу в память всех канонизированных святых по древней традиции принято совершать в первое воскресенье после Троицы-Пятидесятницы («неделю 1-ю по Пятидесятнице»). В современном «Православном церковном календаре» — даже два «всехсвятских» праздника: первый, о котором шла речь и в день которого поминают весь общеправославный пантеон, и второй — приуроченный ко второму воскресенью после Троицы-Пятидесятницы и посвященный «Всем святым, в земле Российской просиявшим». Такой древний храм, появление которого в Москве «на Кулишках» отстоит от наших дней на целых шесть веков, несомненно, посвящен первому «всехсвятскому» празднику.

Но почему во имя «Всех святых», а не кого-то из них персонально? Почему «на Кулишках», а не в ином месте?

Московские Кулишки освящены славой героической Куликовской эпопеи. Как известно, объединенное русское войско, собранное в белокаменном Кремле по призыву князя Дмитрия Ивановича, двинулось в сторону Коломны — главного пункта сосредоточения русских сил — одновременно тремя колоннами. Две из них пошли по левобережью Москвы-реки, через Таганский холм,— и сразу по выходе из кремлевских ворот пересекли Кулишки, где, возможно, был отслужен еще один молебен. И поэтому вполне логично, что — по возвращении с победой — Дмитрий Иванович повелел поминальный храм во славу всех павших поставить здесь, на Кулишках, а не где-либо еще.

Победа над Мамаем куплена была страшной ценой: на берегу Дона сложили головы десятки тысяч русских ратников, быть может,— около половины всего московского войска. Десятки тысяч безымянных героев: «...были написаны только князья и воеводы и имена знатных и старейших бояр,— сообщал о своих трудах и своих проблемах тоже безымянный автор Летописной повести о побоище на Дону,— а остальных бояр и слуг имена я опустил и не написал их из-за множества имен, так как число их слишком велико — многие ведь в этой битве были убиты».

Такова была литературная традиция того времени, и ее придерживались, в частности, и монастырские летописцы и церковные книжники. «Подробно рассказывая о подвигах князей,— отмечает доктор исторических наук В. В. Каргалов,— летописцы почти ничего не писали о подлинном герое борьбы за независимость Руси — народе, о безымянных храбрецах, которые вынесли на своих плечах многочисленные войны с внешними врагами. Это вполне объяснимо: летописи создавались при дворах князей и в монастырях, и летописцы выполняли политический заказ своих хозяев-феодалов...»

Действительно, в обильной россыпи княжеских, боярских и воеводских имен на страницах исторических повестей и сказаний мне встретилось семь — всего-навсего семь! — ратничьих имен: Юрка-сапожник, Васюк-Сухоборец, Сенька Быков, Гридя Хрулец, Степан Новосельцев, Федор Сабур и Григорий Холопичев.

Но Дмитрий Донской прекрасно понимал, кто одержал победу на поле Куликовом. Исследуя исторические источники этой эпохи, академик Л. В. Черепнин сделал такой вывод из анализа наиболее ранних и наиболее достоверных вариантов Летописной повести: «Главным действующим лицом является здесь сам московский князь с его «вóями». Перед нами воинская повесть, чуждая узко религиозной направленности... Вероятно, первоначальное восприятие Куликовской битвы в широких общественных кругах... сводилось к тому, что это — победа, которую одержало русское воинство... Упор делается на силу, множество, мужество «вóев», ведомых князем».

Эта «историческая концепция, близкая народному сознанию» (Л. В. Черепнин) и была воплощена в дубовый сруб церкви Всех святых на Кулишках. Сооружением храма Дмитрий Донской, выдающийся государственный деятель Древней Руси и великий полководец, воздал должное

Окончание на 4-й странице обложки

* *С 1924 г. именовалась площадью Ногина.*

ИОАНН БОГОСЛОВ В МОЛЧАНИИ

Государственный Эрмитаж, не так давно отметивший свое 225-летие,— не только один из старейших, но и крупнейший музей страны. Он входит в великую четверку мира — вместе с Лувром, американским Метрополитен, Британским музеем. Эрмитаж (в переводе с французского «место уединения») принимает в своих 350 залах более 4 миллионов человек в год, приезжающих буквально изо всех уголков планеты.

Герцен остроумно заметил, что в музеи нужно ходить как к своим старым знакомым. Наш журнал публиковал материалы о сокровищах прославленных музеев. В этом году мы хотим продолжить традицию: на третьей обложке номеров журнала мы будем знакомить вас с одним из шедевров Эрмитажа.

В этом номере на 3-й странице обложки мы воспроизводим русскую икону XVII века «Иоанн Богослов в молчании». Ее композиция несложна. Апостол правой рукой касается уст (знак безмолвия), а левой указывает на текст раскрытой кииги — это Евангелие от Иоанна (первые пять стихов первой главы). Позади евангелиста — ангел с восьмиконечным нимбом. Рядом с ним надпись: «Святый Дух». Восьмиконечный нимб в православной икоиографии усвоен Богу — Отцу, а также Софии — Премудрости Божией. Получается, что в этой икоие, как в некоторых народных духовных стихах, возникает образ Духа — Премудрости.

Орнаментальная рамка иа полях иконы имитирует серебряный с черныю оклад. На обороте — вкладная запись: «188 (1679) г(о)ду декабря в 13 д(ень) в ц(е)рковь пр(с)вятыя Тро(и)цы по вере писалъ кириловской многогрешной чернец Нектарий Кулюксинъ сии образъ возлюбленника Х(ристо)ва Иоаина Б(о)гослова поставил в помиiок своей д(у)ши во многие лета доколе Г(о)с(по)дь Б(о)гъ повелить». Вкладчик иконы оказался одновременно иконописцем. Нектарий Кулюксин — талаитливый мастер из Кирилло-Белозерского монастыря, крупиейшего на русском Севере. Икона поступила из Троицкой церкви села Ненокса Архангельской области. Не исключено, что иконописец был уроженцем этого богатого села, а потому и передал в дар церкви икону «иа помин своей души».

Помимо сухих каталожных данных, подобных приведенным, о каждой иконе можно рассказать и то, что внятно не столько уму, сколько сердцу. Именно так представляет «Иоанна Богослова в молчании» иашему читателю священник **Александр Александровнч САЛТЫКОВ** — сотрудник Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева, крупиый исследователь православиой культуры, автор ряда интереснейших публикаций, составитель единственного в своем роде каталога-альбома по коллекциям древнерусского искусства, именуемого в разговорной речи как «салтыковский».

«И СВЕТ ВО ТЬМЕ СВЕТИТ»

Великий апостол Господа Иисуса Христа, любимый ученик Его, великий мудрец, величайший пророк Нового Завета, созерцатель таинственных судеб неба и земли, переданных им в Апокалипсисе, предстоит перед нами в молчании. Именно так называется образ: «Иоанн Богослов в молчании».

Написанный, согласно музейной справке, монахом Кирилло-Белозерского монастыря Нектарием Кулюксиным в 1679 году, о чем возвещает он нам сегодня? Что делает великий Иоанн здесь, в журнале, на страницах которого бушуют страсти, где мистики и сектанты кричат о «скрытых силах», «возможностях», якобы духовных, с целью увлечь доверчивого читателя внешне занимательными, но чаще всего абсолютно бесполезными и чисто поверхностными упражнениями, сомнительными «знаниями» и пустыми обещаниями псевдодуховных состояний... В этой мистической круговерти теряется наивный русский «потомок православных», почти начисто забывший «земли родной минувшую судьбу»!

Молча раскрывает великий Богослов книгу, в которой сказано:

В начале было Слово, и Слово было у Бога,
и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога.
Все чрез Него начало быть, и без Него
ничто не начало быть, что начало быть.
В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков.
И свет во тьме светит,
и тьма не объяла его.

Он показывает эти слова потому, что в них — полная и последняя Истина. Но их не слышат там, где ищут не Истины, а развлечений, где играют в таинственное...

И все же, свидетельствует в молчании Иоанн, Истина там, где Источник жизни, и Источник этот — Бог и Творец всего видимого и невидимого, который сотворил мир Словом Своим, и это Слово есть Сам Бог, потому что Бог — един и то, что от Него исходит есть Он Сам. И наполнил мир духом Жизни, который есть Дух Святый — Сам Бог.

Бог есть Единый, но в Его единственности таинственно пребывают Три Совершенных — Отец, Сын, Святый Дух. И распознается это лишь тогда, когда есть бескорыстная и чистая любовь к Истине, ибо любовь и чистота — вот два непременных условия Богопознания. Ведь Бог и есть совершенная Любовь, в которой пребывая, Три Божественные Личности полностью соединяются во всецелое и абсолютное Единство. И как Абсолют, Бог ненавидит всякую нечистоту, которая мерзка в очах Его. Посему, «блаженны алчущие и жаждущие правды, яко тии насытятся!» «Блаженны чистии сердцем, яко тии Бога узрят!»

Об этом и многом другом вещает молчащий образ Иоанна Богослова. «Имеющий уши, да слышит!»

Кто умеет слушать тишину, тот поймет хоть немного, что только бескорыстная, чистая умиротворенная душа способна услышать и принять истинный голос Божественной Любви, голос Божественной Премудрости, голос ангела, который находится совсем рядом с каждым из нас и шепчет нам: «Очисти сердце твое от дел злых и нечистых, от страстных помышлений, принеси истинное покаяние Отцу твоему небесному; Он услышит тебя, и примет с радостью, и устроит для тебя праздничный пир, и даст перстень драгоценный на руку твою!»

Шепчет ангел апостолу Иоанну на ухо слова великой любви и мудрости, о судьбах мироздания и человечества, о божественном снисхождении ко всякому кающемуся, о путях избавления от зла, о вечной жизни. «Свет во тьме светит, и тьма не объяла его». Среди моря лжи и нечистоты свидетельствует Иоанн Богослов, что познание Истины возможно для каждого, лишь бы иметь искреннее смирение, настоящее терпение, возогревать в себе чистую любовь к Богу и людям. И тогда радость и покой придут в сердца наши.

Иоанн Богослов в молчании. *Икона. 1679 г. 109 × 85 × 3,5 см.*

ПАМЯТНИК НЕИЗВЕСТНОМУ ВОИНУ

Начало на с. 63.

тем, кому — в первую очередь и более всего — обязан он был бессмертной славой победителя мамаевых полчищ.

Но — согласно христианскому вероучению — молиться «за упокой души», отошедшей «ко Господу», надлежит в «день ангела» погибшего или умершего иначе говоря — в день того святого, в честь которого человек был наречен при крещении. Но как быть, когда имя это — неизвестно и таких безымянных — десятки тысяч?

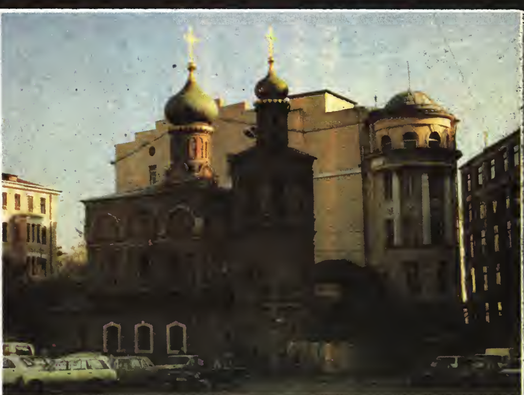
И выход был найден. Мы, наверное, никогда уже не узнаем, кому пришла эта прекрасная идея вполне возможно, самому великому князю. Но, в конце концов, это и не так существенно... Сколько бы воинов ни сложили головы на поле Куликовом — все они, несомненно, носили имена православных святых. И поэтому церковь «Всех святых» посвящена как бы и каждому из них, и в день ее престольного праздника возносилась молитва «за упокой души» каждого из них. «Никто не забыт. Ничто не забыто».

Так еще шесть веков назад в Москве был поставлен Памятник Неизвестному воину, сражавшемуся на поле Куликовом.

Шесть веков, а точнее говоря — свыше 610 лет... Трудно поверить в столь глубокую старину всехсвятской церкви, взирая на архитектурный облик, типичный для русского храмового зодчества XVI—XVII веков. Но никакой загадки здесь, конечно, нет: современный храм — это уже кирпичный «внук» изначального деревянного «деда», от которого остался лишь дубовый сруб, обнаруженный реставраторами и археологами на глубине восьми метров от асфальта. «Отцом» же был белокаменный храм, построенный в начале XVI века; от него сохранился сложенный из плит пол. Самым последним, самым «молодым» сооружением стала изящная, легкая колокольня, построенная в восьмидесятых годах XVII столетия в стиле процветавшего в те времена «нарышкинского барокко».

Самое большее из того, что нам по силам,— сохранить памятник старины. Памятник старины, а не впечатление, которое производил он в старину... Впрочем, воображение всесильно или почти всесильно. Перейдите на противоположную сторону площади и — дайте ему полную волю!.. Современные здания, прижавшие храм к тротуару, растворились в воздухе,— и за силуэтом церкви зазеленели просторы Васильевского луга — приречной болотистой низины, тянувшейся когда-то до устья Яузы. Над луговой ширью, в окружении приземистых посадских изб, церковь кажется значительно более высокой, производит внушительное впечатление. И дело не только в лугах и избах: всехсвятский храм был когда-то двухэтажным строением, с галереей вдоль стен первого этажа. За время, прошедшее со дня завершения его строительства, храм как бы врос в землю, ушел, погрузился в нее на целых три метра. Разумеется, он никуда не врастал и не погружался, а как стоял — так и стоит незыблемо на прочном фундаменте. Сама земля («культурный слой», по терминологии археологов) постепенно, медленно, но неуклонно поднималась по стенам нижнего этажа, как вода в половодье.

Как и всякая старинная церковь, всехсвятский храм на протяжении веков был усыпальницей, и под белокаменным полом в ходе реставрационных работ археологи обнаружили три яруса поставленных одна на другую дубовых колод. Не покоятся ли в них останки воевод, павших на поле Куликовом?.. Археологи не обнаружили никаких доказательств в пользу такого предположения.

Судьба этого храма — драматична и печальна, хотя, конечно, и не самая худшая: как-никак, он не погиб, не был разрушен в недавние лихие времена. По рассказам здешних старожилов, от этой участи церковь Всех святых на Кулишках избавило соседство с высокими правительственными ведомствами: взрывать архитектурный памятник было в связи с этим крайне проблематично и просто опасно. В стенах его еще в предвоенные времена обосновалось учреждение, занятое организацией концертов. Его наследника — всем известный Москонцерт — удалось выселить отсюда лишь несколько лет назад.

Теперь ничто не препятствует осуществлению давнишнего замысла — превратить этот храм в Музей Куликовской битвы, мемориал целой эпохи — трагической и героической эпохи борьбы Руси за освобождение от золотоордынского ига. Перед нами предстает здесь редкостный случай, когда первым экспонатом музея является само музейное здание.

Александр ШАМАРО